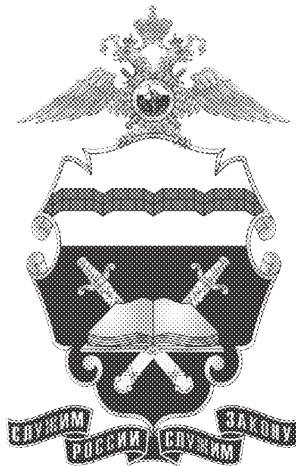

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

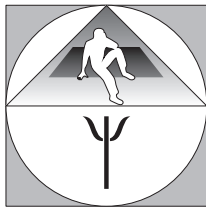

Научно-практический журнал

**Психопедагогика
в правоохранительных органах
Том 31
№ 2(105) апрель – июнь 2026 г.**

Scientific practical journal

**Psychopedagogy in Law Enforcement
Volume 31
No 2(105) April – June 2026**

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ 2026. Том 31, № 2(105)

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

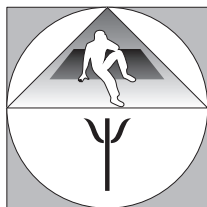
Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям наук: психологические науки, педагогические науки, юридические науки

Редакционная коллегия

Г. Д. Бабушкин, д-р пед. наук, проф. (Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск) — *заместитель главного редактора*
М. И. Марьин, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет) — *заместитель главного редактора*
В. Л. Цветков, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя) — *заместитель главного редактора*
В. А. Адольф, д-р пед. наук, проф. (Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева)
В. Н. Александровская, д-р филос. наук, д-р психол. наук, проф. (Донецкий государственный медицинский университет им. М. Горького Минздрава России)
И. Ф. Андрущишин, д-р пед. наук, проф. (Казахская академия спорта и туризма, Алматы)
Л. Н. Антилогова, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Н. В. Астафьев, д-р пед. наук, проф. (Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России)
А. В. Булгаков, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
В. В. Вахнина, д-р психол. наук, проф. (Университет прокуратуры РФ, Москва)
И. В. Вачков, д-р психол. наук, проф. (Московский институт психоанализа)
И. А. Ветренко, д-р полит. наук, проф. (Северо-Западный институт РАНХиГС, Санкт-Петербург)
И. А. Вишняков, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
А. В. Глазков, д-р психол. наук, проф. (Иркутский государственный университет)
М. А. Ерофеева, д-р пед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
С. Ю. Жданова, д-р психол. наук, проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет)
Э. В. Зауторова, д-р пед. наук, проф. (Вологодский институт права и экономики ФСИН России)
В. О. Зверев, д-р ист. наук, доц. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
Э. Р. Исаков, д-р мед. наук, проф. (Башкирский государственный медицинский университет, Уфа)
Т. Н. Кильмашкина, д-р юрид. наук, проф. (Государственный университет просвещения, Москва)
М. П. Клеймёнов, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)
В. И. Коваленко, д-р пед. наук, проф. (Белгородский государственный институт искусств и культуры)
В. В. Кожевников, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)
В. Н. Коновалов, д-р пед. наук, проф. (Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск)
И. О. Котенев, канд. психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
О. М. Краснорядцева, д-р психол. наук, проф. (Томский государственный университет)
В. Б. Куликов, д-р филос. наук, проф. (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург)
И. Б. Лебедев, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
А. В. Литвинов, канд. техн. наук, доц. (Омская академия МВД России)
Е. И. Мещерякова, д-р пед. наук, проф. (Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, Воронеж)
Н. А. Минжанов, д-р пед. наук, проф. (Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, Республика Казахстан)
Е. А. Науменко, д-р психол. наук, проф. (Ургенчский государственный университет, Республика Узбекистан)
А. А. Нечепуренко, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
В. Е. Петров, канд. психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
О. Л. Подлиняев, д-р пед. наук, проф. (Иркутский государственный университет)
Д. С. Рудьман, канд. юрид. наук, доц. (Омская академия МВД России)
Н. Н. Савина, д-р пед. наук, проф. (Новосибирский государственный университет)
Н. В. Сердюк, д-р пед. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)
А. Н. Сухов, д-р психол. наук, проф. (Академия ФСИН России, Рязань)
А. Ю. Федотов, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Н. В. Ходякова, д-р пед. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)

Н. В. Чекалева, д-р пед. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Е. В. Черный, д-р психол. наук, проф. (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь)
Д. В. Четвериков, д-р психол. наук (Клиническая психиатрическая больница им. Н. Н. Солодниковой, Омск)
А. С. Шаров, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
В. М. Ялтонский, д-р мед. наук, проф. (Московский государственный медико-стоматологический университет им. А. И. Евдокимова)
М. С. Яницкий, д-р психол. наук, проф. (Кемеровский государственный университет)
Редакционный совет
В. Л. Кубышко, канд. пед. наук (МВД России, Москва) — *председатель редакционного совета*
В. М. Крук, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана) — *заместитель председателя редакционного совета*
А. Г. Абдуллин, д-р психол. наук, проф. (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск)
М. В. Бавсун, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
Т. Ю. Базаров, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)
Б. Б. Булатов, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
С. К. Буряков, канд. полит. наук (Омская академия МВД России)
Б. А. Вяткин, д-р психол. наук, проф. (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
И. В. Гайдмашко, д-р психол. наук, проф. (ФНЦ психологических и междисциплинарных исследований, Москва)
О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф. (Байкальский государственный университет, Иркутск)
В. А. Гусев, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
Б. Ю. Дерешко, канд. юрид. наук, доц. (Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва)
В. Ф. Енгальцев, д-р психол. наук, проф. (Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского)
Ф. К. Зиннуров, д-р пед. наук, проф. (Казанский юридический институт МВД России)
А. Г. Караяни, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ)
А. Г. Маклаков, д-р психол. наук, проф. (Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург)
С. Б. Малых, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
А. Н. Пастушеня, д-р психол. наук, проф. (Академия МВД Республики Беларусь, Минск)
В. М. Поздняков, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
А. А. Реан, д-р пед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
В. Ю. Рыбников, д-р психол. наук, д-р мед. наук, проф. (Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России, Санкт-Петербург)
В. Л. Ситников, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
О. А. Ульянина, д-р психол. наук, доц. (ФКЦ по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования, Москва)
Р. Х. Усманов, д-р полит. наук, проф. (Астраханский государственный университет)
С. Н. Федотов, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Б. А. Федулов, д-р пед. наук, проф. (Барнаульский юридический институт МВД России)
Ю. А. Шаранов, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)

Учредитель издания: федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Омская орден Почета академия Министерства внутренних дел Российской Федерации». Главный редактор **А. Ф. Караваев**. Редактирование, корректура **М. В. Виноградовой**. Компьютерная правка и верстка **М. Ю. Чалковой**. Перевод, корректура **Ю. И. Алферовой**. Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии): Россия, 644092, г. Омск, пр-кт Комарова, 7, ОМА МВД России. Тел.: +7-913-971-80-28, факс: +7(3812)750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru, <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru>. Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись ПИ № ФС 77-74589 от 24 декабря 2018 г. Выход в свет: 29.06.2026. Тираж 50 экз. Уч.-изд. л. 15,2. Усл. печ. л. 14,4. Заказ № 190. Бесплатно. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. © Омская академия МВД России, 2026

PSYCHOPEDAGOGY IN LAW ENFORCEMENT

Volume 31, No 2(105). 2026

Has been published quarterly since May 1995

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences: juridical sciences, psychological sciences, pedagogical sciences

Editor-in-chief Aleksandr F. Karavaev — Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Omsk, Russia)

The Editorial Board

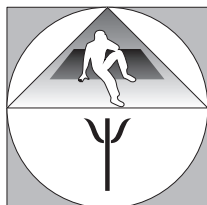
G. D. Babushkin, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor — *Assistant chief editor* (Omsk, Russia)
M. I. Mar'in, Doctor of Science (in Psychology), Professor — *Assistant chief editor* (Moscow, Russia)
V. L. Tsvetkov, Doctor of Science (in Psychology), Professor — *Assistant chief editor* (Moscow, Russia)
V. A. Adolf, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Krasnoyarsk, Russia)
V. N. Alexandrovskaya, Doctor of Science (in Philosophy), Doctor of Science (in Psychology), Professor (Donetsk, Russia)
I. F. Andrushchishin, Doctor of Science (Pedagogy), Professor (Almaty, the Republic of Kazakhstan)
L. N. Antilogova, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Omsk, Russia)
N. V. Astafiev, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Tyumen, Russia)
A. V. Bulgakov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
V. V. Vahnina, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
I. V. Vachkov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
I. A. Vetrenko, Doctor of Science (in Political), Professor (St. Petersburg, Russia)
I. A. Vishnyakov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Omsk, Russia)
A. V. Glazkov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Irkutsk, Russia)
M. A. Yerofeyeva, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
S. Y. Zhdanova, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Perm, Russia)
E. V. Zautorova, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Vologda, Russia)
O. V. Zverev, Doctor of Science (in History), Associate-professor (St. Petersburg, Russia)
E. R. Iskhakov, Doctor of Science (in Medicine), Professor (Ufa, Russia)
T. N. Kil'mashkina, Doctor of Science (in Law), Professor (Moscow, Russia)
M. P. Kleymenov, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
V. I. Kovalenko, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Belgorod, Russia)
V. V. Kozhevnikov, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
V. N. Konovalov, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
I. O. Kotenev, Candidate of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
O. M. Krasnoryadtseva, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Tomsk, Russia)
V. B. Kulikov, Doctor of Philosophy, Professor (Yekaterinburg, Russia)
I. B. Lebedev, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
A. V. Litvinov, Candidate of Science (in Technical), Associate-professor (Omsk, Russia)
E. I. Mescheryakova, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Voronezh, Russia)
N. A. Minzhanov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Karaganda, the Republic of Kazakhstan)
E. A. Naumenko, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Urgench, the Republic of Uzbekistan)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
V. Ye. Petrov, Candidate of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
O. L. Podlinyaev, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Irkutsk, Russia)
D. S. Rudman, Candidate of Science (in Law), Associate-professor (Omsk, Russia)
N. N. Savina, Doctor of Science (in Pedagogy), Associate-professor (Novosibirsk, Russia)
N. V. Serdyuk, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
A. N. Sukhov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Ryazan, Russia)
A. Yu. Fedotov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)

N. V. Khodyakova, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
N. V. Chekaleva, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
E. V. Cherniy, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Simferopol, Russia)
D. V. Chetveryakov, Doctor of Science (in Psychology) (Omsk, Russia)
A. S. Sharov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Omsk, Russia)
V. M. Yaltonsky, Doctor of Science (in Medicine), Professor (Moscow, Russia)
M. S. Yanitsky, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Kemerovo, Russia)

The Editorial Council

V. L. Kubyshko, Candidate of Science (in Pedagogical) — *chairman of the editorial council* (Moscow, Russia)
V. M. Kruk, Doctor of Science (in Psychology), Professor — *Assistant chairman of the editorial council* (Moscow, Russia)
A. G. Abdullin, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Chelyabinsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Science (in Law), Professor (St. Petersburg, Russia)
T. Yu. Bazarov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
B. B. Bulatov, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, Candidate of Science (in Political) (Omsk, Russia)
B. A. Vyatkin, Doctor of Science (in Psychology), Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia)
I. V. Gaydamashko, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
O. P. Gribunov, Doctor of Science (in Law), Professor (Irkutsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
B. Yu. Dereshko, Candidate of Science (in Law), Associate-professor (Moscow, Russia)
V. F. Engalychev, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Kaluga, Russia)
F. K. Zinnurov, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Kazan, Russia)
A. G. Karayani, Doctor of Science (in Psychology), Professor, corresponding member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
A. G. Makiakov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (St. Petersburg, Russia)
S. B. Malykh, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
A. N. Pastushenya, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Minsk, the Republic of Belarus)
V. M. Pozdnyakov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
A. A. Rean, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
V. Yu. Rybnikov, Doctor of Science (in Psychology), Professor, Doctor of Medical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
V. I. Sitnikov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (St. Petersburg, Russia)
O. A. Ulyanina, Doctor of Science (in Psychology), Associate-professor (Moscow, Russia)
R. Kh. Usmanov, Doctor of Political Science, Professor (Astrakhan, Russia)
S. N. Fedotov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
B. A. Fedulov, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Barnaul, Russia)
Yu. A. Sharanov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (St. Petersburg, Russia)

Founder Federal State Public Institution of Higher Education «Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation». Editor-in-chief Karavaev A. F. Editor and Proofreading Vinogradova M. V. Desktop publishing Chalkova M. Yu. Translation and Proofreading Alferova Yu. I. Publisher, editorial office, graphic arts and express printing group address (printing house): Russia, 644092, Omsk, pr-kt Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian MIA. Tel.: +7-913-971-80-28, fax: +7(3812)750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru. <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru>. Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration entry PI No FS 77-74589 dated December 24, 2018. Issued: 29.06.2026. Circulation: 50. Published sheets 15,2. Conventional printed sheets: 14,4. Order No 190. Free of charge. Any use of publication's materials is possible only with reference to the journal. © Omsk Academy of the Russian MIA, 2026

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ 2026. Том 31, № 2(105)

Издаётся с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА, БЕЗОПАСНОСТЬ И НАДЕЖНОСТЬ

Хавыло А. В., Енгальчев В. Ф., Устенко А. В.,
Азарова Н. В. Анализ мимической активности
как инструмент повышения надёжности
исследований с применением полиграфа 130

Максутова А. И., Васильева И. В.
Специфика семантического пространства
представлений о благополучии
у жителей регионов, вошедших
в состав Российской Федерации. 138

Цветков В. Л., Боева С. Р. Психологические
детерминанты восприятия будущего и отношения
к технологиям искусственного интеллекта
у курсантов образовательных организаций
МВД России 146

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Базаров Т. Ю., Ли Ю. Ю. Феномен
«стоять на своём»: иллюзия победы
и реальность тупика 154

Александровская В. Н., Муханова И. Ф., Пузь И. В.
Онтогенез жизненных перспектив личности:
социокультурная природа и имажинальные
детерминанты 159

Штраух К. П., Абдуллин А. Г. Альтруистические
установки и просоциальное поведение
как предикторы зрелых форм патриотизма 166

Бурикова И. С., Коновалова М. А., Огарева Е. И.,
Титова В. В., Пушкина М. А. Психологические
особенности ветеранов специальной
военной операции: ключевые аспекты
для адаптации и трудоустройства 172

ПСИХОКОРЕКЦИЯ И РЕГУЛЯЦИЯ СОСТОЯНИЙ

Ситников В. Л., Стреленко А. А. Приемные семьи
как ресурс профилактики детско-подростковой
виктимности 181

Науменко Е. А., Кодиров О. С.
Психолого-педагогические подходы
к профилактике отклоняющегося поведения
подростков в Узбекистане 189

Зверев В. О., Прокопцева Н. В. Психологические
аспекты мужского единоначалия в женских
коллективах органов внутренних дел. 197

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Афанасьев А. Д., Афанасьева Ж. С.,
Подлинняев О. Л., Вэньчжао П., Лихун А.
Цифровой инструмент для обучения
иностранным языкам на основе педагогической
гибкости и нейрокогнитивных принципов 204

Матвеев Е. В., Шунякова О. В. Особенности
социокультурной адаптации иностранных
студентов в российском образовательном
пространстве: правовые
и педагогические аспекты 212

Федулов Б. А., Заречнев Д. О. Подготовка
сотрудников полиции к выбору оптимальных
решений в условиях специальных
правовых режимах. 221

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА СПОРТА, ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ И ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Бабушкин Г. Д. Профессионально важные
психологические качества в спорте. 227

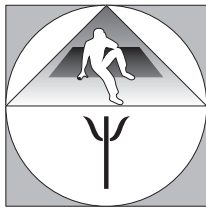
Андрущишин И. Ф., Каранеев А. А.,
Гераськин А. А., Денисенко Ю. П.
Эффективность технико-тактической
деятельности в бильярдном спорте. 236

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Ревягин А. В. Состояние криминологического
обеспечения безопасности личности 244

Информация для авторов 249

PSYCHOPEDAGOGY IN LAW ENFORCEMENT

Volume 31, No 2(105). 2026

Has been published quarterly since May 1995

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

CONTENTS

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

MORALLY-PSYCHOLOGICAL, PROFESSIONAL TRAINING, SECURITY AND RELIABILITY

**Khavylo A. V., Engalychev V. F., Ustenko A. V.,
Azarova N. V.** Analysis of Mimic Activity
as a Tool for Improving the Reliability
of Polygraph Examination. 130

Maksutova A. I., Vasilieva I. V. Special Features
of the Semantic Field of Ideas about Well-Being
among Residents of the Regions joining
the Russian Federation. 138

Tsvetkov V. L., Boeva S. R. Psychological
Determinants of Perception of the Future
and Attitude towards Artificial Intelligence
Technologies in Cadets of the Educational
Organizations of the Russian Ministry
of Internal Affairs. 146

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF PERSONALITY FORMATION AND DEVELOPMENT

Bazarov T. Yu., Li Yu. Yu. The Phenomenon
of "Standing your Ground": the Illusion
of Victory and the Reality of a Deadlock 154

Alexandrovskaya V. N., Mukhanova I. F., Puz' I. V.
Ontogenesis of Life Perspectives of Personality:
Sociocultural Nature and Imaginal Determinants ... 159

Shtraukh K. P., Abdullin A. G. Altruistic Attitudes
and Prosocial Behavior as Predictors
of Mature Forms of Patriotism. 166

**Burikova I. S., Konovalova M. A., Ogareva E. I.,
Titova V. V., Pushkina M. A.** Psychological Features
of Veterans of the Special Military Operation:
Key Aspects for Adaptation and Employment. 172

PSYCHO-CORRECTION AND REGULATION OF STATES

Sitnikov V. L., Strelenko A. A. Foster Families
as a Resource to Prevent Child-Adolescent
Victimization. 181

Naumenko E. A., Kodirov O. S. Psychological
and Pedagogical Approaches used
to Prevent Juvenile Deviant Behavior
in Uzbekistan. 189

Zverev V. O., Prokoptseva N. V. Psychological
Aspects of Male One-Man Management
in Female-Dominated Collectives
of Law Enforcement Bodies. 197

PEDAGOGICAL SCIENCES

GENERAL PEDAGOGY, THEORY AND METHODS OF PROFESSIONAL EDUCATION, LEARNING AND UPBRINGING

**Afanasiev A. D., Afanasieva Zh. S., Podlinyaev O. L.,
Wenzhao P., Lihong A.** Digital Tool for Teaching
Foreign Languages based on Pedagogical Flexibility
and Neurocognitive Principles. 204

Matveev E. V., Shunyakova O. V. Features
of Socio-Cultural Adaptation of Foreign Students
in the Russian Education Space:
Legal and Pedagogical Aspects. 212

Fedulov B. A., Zarechnev D. O. Preparing Police
Officers to Choose Effective Management Decisions
in Special Law Conditions. 221

THEORY AND METHODS OF SPORTS, PROFESSIONAL PHYSICAL TRAINING AND HEALTH IMPROVING PHYSICAL CULTURE

Babushkin G. D. Professionally Important
Psychological Qualities in Sports. 227

**Andrushchishin I. F., Karanev A. A.,
Geras'kin A. A., Denisenko Yu. P.** Efficiency
of Technical and Tactical Activities
in Billiard Sports. 236

JURIDICAL SCIENCES

GENERAL THEORETICAL AND BRANCH-RELATED ISSUES OF JURIDICAL SCIENCE AND PRACTICE

Revyagin A. V. The State of Personal Security
by means of Criminology 244

Information for authors. 249

Морально-психологическая, профессиональная подготовка, безопасность и надежность

Morally-psychological, professional training, security and reliability

Научно-практическая статья

УДК 159.9 © Хавыло А. В., Енгальцев В. Ф., Устенко А. В., Азарова Н. В., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-130-137

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Анализ мимической активности как инструмент повышения надежности исследований с применением полиграфа

Алексей Викторович Хавыло, кандидат психологических наук, заведующий лабораторией информационно-психологической безопасности, доцент кафедры общей и социальной психологии института психологии¹; khavyloav@tksu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2739-0136>

Вали Фатехович Енгальцев, доктор психологических наук, профессор, руководитель научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики, профессор кафедры общей и социальной психологии института психологии¹; valiyen@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3587-8986>

Анастасия Викторовна Устенко, аспирант института психологии¹; ustenko.nastya@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9795-5879>

Наталья Владимировна Азарова, аспирант института психологии¹; azarovavl@tksu.ru; <https://orcid.org/0009-0000-7307-122X>

¹ Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского, 248023, Калуга, ул. Степана Разина, 26, Россия

Реферат. Введение. Актуальность обусловлена необходимостью повышения надежности психофизиологических исследований с применением полиграфа за счет включения дополнительных, менее контролируемых индикаторов эмоциональной реакции. Несмотря на широкое распространение полиграфа, его диагностические возможности ограничены вариативностью физиологических реакций. В связи с этим особый интерес представляет анализ мимической активности как дополнительного источника информации, способного повысить точность выявления субъективно значимых стимулов. Цель — оценить диагностическую эффективность автоматизированного анализа мимической активности в сочетании с традиционными физиологическими каналами полиграфа. **Материалы и методы.** Экспериментальная база — лаборатория информационно-психологической безопасности Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского. В исследовании участвовали 56 добровольцев в возрасте 18–37 лет. Регистрация физиологических реакций осуществлялась на полиграфе «Диана-07», мимическая активность анализировалась с использованием программного комплекса FaceReader 8.0. Испытуемым предъявлялись визуальные стимулы (целевые и нейтральные), параллельно фиксировались показатели электродермальной активности, дыхания, фотоплетизмограмма, частота сердечных сокращений, а также интенсивность экспрессий базовых эмоций. Для статистической обработки применен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). **Результаты и обсуждение.** Интеграция мимических показателей с физиологическими данными статистически значимо повышает точность дифференциации реакций на целевые и нейтральные стимулы. Наиболее информативными физиологическими каналами оказались электродермальная активность, фотоплетизмограмма и показатели дыхания. Данные подтверждают, что мимическая активность является независимым диагностическим каналом, что согласуется с современными моделями эмоциональной регуляции и исследованиями в области детекции скрываемой информации. **Выводы.** Анализ мимической активности демонстрирует высокую эффективность как дополнительный инструмент повышения надежности полиграфных исследований. Установленные различия между реакциями на целевые и нейтральные стимулы подтверждают целесообразность разработки мультимодальных протоколов психофизиологического исследования, основанных на сочетании физиологических данных и параметров мимической активности.

Ключевые слова: специальное психофизиологическое исследование, полиграф, мимическая активность, психоэмоциональное состояние, детекции скрываемой информации, FaceReader

Для цитирования: Хавыло А. В., Енгальцев В. Ф., Устенко А. В., Азарова Н. В. Анализ мимической активности как инструмент повышения надежности исследований с применением полиграфа // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 2(105). С. 130–137. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-130-137>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9 © Khavylo A. V., Engalychev V. F., Ustenko A. V., Azarova N. V., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-130-137

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Analysis of Mimic Activity as a Tool for Improving the Reliability of Polygraph Examination

Alexei V. Khavylo, Candidate of Science (in Psychology), head of the laboratory of Information and Psychological Security, Associate-Professor at the chair of General and Social Psychology of the Institute of Psychology¹;

khavyloav@tksu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2739-0136>

Vali F. Engalychev, Doctor of Science (in Psychology), Professor, head of Science and Research Centre in the field of Forensic Examination and Criminalistics, Professor at the chair of General and Social Psychology of the Institute of Psychology¹;

valiyen@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3587-8986>

Anastasia V. Ustenko, post-graduate student of the Institute of Psychology¹;

ustenko.nastya@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9795-5879>

Natalya V. Azarova, post-graduate of the Institute of Psychology¹; azarovavnl@tksu.ru; <https://orcid.org/0009-0000-7307-122X>

¹ Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski, 26, Stepan Razin st., Kaluga, 248023, Russia

Abstract. Introduction. Relevance of the topic is determined by the requirement to increase the reliability of psychophysiological examinations using a polygraph due to the inclusion of additional, less controlled indicators of emotional response. Despite the widespread use of the polygraph, its diagnostic capabilities are limited by the variability of physiological reactions. In this regard, the analysis of facial expressions as an additional source of information that can increase the accuracy of identifying subjectively significant stimuli is of particular interest. The purpose is to evaluate the diagnostic performance of automated mimic activity analysis in combination with traditional physiological polygraph channels. **Materials and Methods.** Experimental base is the laboratory of information and psychological security of Kaluga State University named after. K. E. Tsiolkovski. The study involved 56 volunteers aged 18–37 years. Physiological reactions were recorded on a polygraph "Diana-07," mimic activity was analyzed using the FaceReader 8.0 software complex. The respondents were given visual stimuli (target and neutral), while electrodermal activity, respiration, photoplethysmogram, heart rate and the intensity of expression of basic emotions were recorded. One-way analysis of variance (ANOVA) was used for statistical processing. **Results and Discussion.** Integration of facial expressions with physiological data significantly improves the accuracy of differentiating responses to target and neutral stimuli. The most informative physiological channels were electrodermal activity, photoplethysmogram and respiratory parameters. The data confirm that mimic activity is an independent diagnostic channel, which is consistent with modern models of emotional regulation and research in the field of detection of hidden information. **Conclusions.** The analysis of facial expressions demonstrates high efficiency as an additional tool for improving the reliability of polygraph examinations. The established differences between responses to targeted and neutral stimuli support the feasibility of developing multimodal protocols of psychophysiological examination based on a combination of physiological data and mimic activity parameters.

Keywords: special psychophysiological examination, polygraph, mimic activity, psychoemotional state, detection of hidden information, FaceReader

Citation: Khavylo A. V., Engalychev V. F., Ustenko A. V., Azarova N. V. Analysis of Mimic Activity as a Tool for Improving the Reliability of Polygraph Examination. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 2(105). Pp. 130–137 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-130-137>

Основные положения

1. Мимическая активность в рамках психофизиологического исследования с применением полиграфа представляет собой малоосознаваемый и слабоконтролируемый канал эмоциональной экспрессии, отражающий подлинное психоэмоциональное состояние человека и возникающие в момент воздействия значимых стимулов реакции, которые не могут быть полностью подавлены волевыми усилиями.

2. Бимодальный подход, включающий автоматизированный анализ мимической активности, позволяет повысить точность и надежность выявления субъективно значимой информации, расширяя возможности интерпретации данных психофизиологического исследования и снижая вероятность искажения результатов при произвольном контроле со стороны испытуемого.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. В условиях стремительного развития технологий и растущих требований к обеспечению национальной и общественной безопасности возрастает значимость инструментальных методов выявления скрываемой информации [1; 2]. Одним из таких методов является психофизиологическое исследование (далее — ПФИ) с применением полиграфа, активно используемое как в России, так и за рубежом [3]. Современная практика показывает, что полиграф стал важным инструментом не только в правоохранительной деятельности, но и в кадровом обеспечении стратегически значимых организаций [4].

Однако, несмотря на высокую точность (до 95 %), полиграф имеет ограничения, связанные с вариаци-

бельностью физиологических реакций и их взаимозависимостью [5; 6]. Поэтому возрастает потребность в использовании дополнительных, более надежных и чувствительных индикаторов психоэмоционального состояния испытуемого, способных повысить точность, интерпретируемость и воспроизводимость результатов ПФИ. Одним из наиболее перспективных направлений в данном контексте выступает анализ мимической активности, позволяющий расширить возможности детекции скрываемой информации за счет регистрации микроэкспрессий и других слабо контролируемых проявлений эмоционального реагирования [7].

В настоящее время анализ мимической активности осуществляется как в формате экспертной оценки — визуальной интерпретации выражений лица квалифицированным специалистом, так и с применением цифровых технологий, включая автоматизированные системы компьютерного зрения [8; 9]. Наибольшее внимание уделяется анализу микроэкспрессий — скоротечных и часто неосознаваемых мимических реакций продолжительностью менее 0,5 секунды, отражающих подлинное эмоциональное состояние обследуемого [9]. Их регистрация возможна посредством видеозаписи с высоким временным разрешением и последующего покадрового анализа либо с применением алгоритмов машинного обучения, способных идентифицировать характерные активации мышц лица. В практической и научной деятельности применяются такие подходы, как система кодирования лицевых движений Facial Action Coding System (FACS), нейросетевые методы автоматического распознавания выражений и гибридные технологии, объединяющие мимические и физиологические параметры [10; 11].

Современные технологии, такие как автоматизированный анализ мимической активности, открывают новые возможности для повышения надежности ПФИ за счет интеграции невербальных данных [12]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения точности интерпретации результатов ПФИ, особенно в условиях, когда испытуемые пытаются контролировать свои физиологические реакции [13]. **Цель** — оценить возможности использования анализа мимической активности для повышения надежности ПФИ. **Гипотеза** исследования: использование параметров мимической активности как дополнительного источника информации увеличивает надежность выявления субъективно значимых стимулов в ПФИ.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Впервые на территории нашей страны опрос с использованием полиграфа применялся сотрудниками спецслужб в середине 70-х годов прошлого столетия [2]. На современном этапе развития общества полиграф востребован различными организационными структурами: правоохранительными органами, государственными и коммерческими организациями. Государственными и коммерческими структурами результаты

этих исследований используются, как правило, в целях обеспечения кадровой безопасности при решении вопроса о приеме на работу кандидатов путем выявления негативных, с точки зрения работодателя, нравственных и профессиональных качеств или биографических фактов, а также пресечения фактов нарушения дисциплины и законности при осуществлении должностных обязанностей. Такие исследования проводятся исключительно с превентивными, профилактическими целями [4].

За годы использования полиграфа для оценки достоверности сообщаемой информации решилось множество вопросов, касающихся обеспечения национальной безопасности во всем мире. Данный метод активно применяется не только в оперативно-розыскных мероприятиях, кадровых проверках, но и в гражданских делах. В некоторых странах результаты ПФИ могут выступать в качестве доказательств в суде, но существуют и страны, где само применение полиграфа считается недопустимым. В Великобритании и Германии метод инструментальной верификации лжи практически не используется из-за соблюдения этических норм. В Польше полиграф разрешен только в рамках оперативной деятельности правоохранительных органов [3]. В США полиграф используется в целях профилактики и предупреждения преступлений, в ходе оперативной деятельности правоохранительных органов. В некоторых штатах (Техас, Пенсильвания, Калифорния и т. д.) специалистам позволено рассматривать результаты проверок на полиграфе в качестве доказательств в суде [3]. В Канаде психофизиологическое исследование, проводимое при помощи полиграфа, активно применяется в ходе расследования преступлений. Однако, в отличие от США, результаты проверок на полиграфе не служат доказательством вины подсудимого. Правоохранительные органы Канады обращаются за помощью к полиграфологу только в целях установления непосредственного факта совершения преступления либо сужения круга подозреваемых, при этом полиграф используют в отношении не только обвиняемого, но и потерпевшего, свидетелей и истцов [3]. В Израиле с детектором лжи разрешено работать спецслужбам и полиции [14]. Результаты полиграфных проверок, так же как и в Канаде, могут быть приняты в качестве доказательств по гражданским делам [3; 14]. В Японии ведущая роль проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа отведена полиции [3].

За последние три десятилетия в России отмечается повышенный интерес к использованию полиграфа в борьбе с преступностью. Применение полиграфа не только специалистами правоохранительных органов, но и исследователями в области психологии, психофизиологии показывает его широкий потенциал, особенно в Краснодарском крае, где создан один из первых отделов, специализирующихся на психофизиологических исследованиях [3]. Граждане, поступающие на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, обя-

заны предоставлять достоверную информацию о себе и своих близких родственниках, а также раскрывать мотивы выбора данной профессии*.

В связи с этим в рамках профессионального психологического отбора перед специалистами — психологом и полиграфологом стоит задача выявления факторов, препятствующих принятию кандидата на службу. Одним из этапов комплексной оценки является проведение специального психофизиологического исследования (далее — СПФИ) с использованием полиграфа. В ходе этого этапа специалистам необходимо установить наличие так называемых противоправных намерений — преднамеренных попыток обследуемого лица скрыть или исказить важную информацию, которая может стать основанием для отказа в приеме на службу [4].

Правовое регулирование применения полиграфа в процессе отбора кандидатов осуществляется на основании соответствующих нормативных документов.

Современные специалисты в области безопасности, включая психологов и полиграфологов, располагают широким набором инструментов для получения достоверной информации о человеке, особенно в условиях ограниченного времени. Одним из таких инструментов является визуальная психодиагностика, которая основывается на наблюдении устойчивых индивидуально-личностных особенностей и невербального поведения обследуемого [8].

Как отмечает К. Аратулы, физиологические реакции человека могут изменяться при предъявлении ему значимых стимулов. В качестве стимулов используются слова, фотографии, рисунки, предметы и т. д. [15]. У человека, находящегося в стрессовом состоянии, в ситуации оценивания или пытающегося лгать, чтобы скрыть информацию по значимой для него теме, как правило, и возникают внешние признаки лжи, проявление которых он не способен полностью регулировать. В свою очередь, полиграфолог на основании их приходит к выводу о внутреннем состоянии человека и его обмане. По данным исследований П. Экмана, У. Фризена, Ф. Олдерта, наиболее информативными признаками сокрытия информации являются голос, движение глаз, физиологические изменения, телесные движения и мимические реакции [16].

Полиграф как инструмент ПФИ фиксирует физиологические показатели дыхания, электродермальной активности (ЭДА), частоты сердечных сокращений (ЧСС, АД), отражающие активацию вегетативной нервной системы [2]. Однако, как отмечает С. И. Журин, полиграф регистрирует реакции на стимулы, а не сам факт лжи, что требует дополнительных источников данных для повышения точности [5].

Современные технологии анализа мимики, такие как система FACS и программное обеспечение

FaceReader, позволяют объективно оценивать эмоциональные состояния с точностью до 98%, что делает их перспективным дополнением к ПФИ [11]. Наблюдение за невербальным поведением обследуемого лица в ходе проведения предтестовой беседы может дать специалисту-полиграфологу возможность еще до начала тестирования сделать определенные предположения о его намерениях скрыть какую-либо значимую информацию [13]. Ч. Дарвин утверждал, что эмоции имеют эволюционное происхождение и проявляются через мимику и физиологические реакции, что делает их ценным индикатором психического состояния [17].

Теория Джеймса-Ланге подчеркивает связь эмоций с физиологическими изменениями, тогда как нейрокультурная теория П. Экмана выделяет универсальные базовые эмоции (гнев, страх, печаль, удивление, отвращение, счастье), проявляющиеся через микровыражения длительностью 40–200 мс [10]. Анализ мимической активности — это не только традиционный, но и до сих пор остающийся востребованным подход к выявлению возможного искажения сообщаемой информации [7]. Мимические экспрессии играют важную роль в межличностной коммуникации, являясь выразителями внутренних эмоциональных состояний. Мимика отражает внутренние состояния как через макровыражения (0,75–2 сек.), которые человеческому глазу достаточно легко заметить, так и через микровыражения (<0,25 сек.) [10].

Последние крайне кратковременны и почти не поддаются волевому контролю, что делает их важным инструментом в выявлении обмана. Исследования, начатые П. Экманом, показали, что мимические экспрессии связаны с базовыми эмоциями человека и часто выступают индикатором попыток скрыть свое истинное психоэмоциональное состояние, что делает анализ микровыражений перспективным в сфере детекции лжи [10]. Наряду с традиционными методами регистрации мимической активности и вегетативных реакций, в последние годы активно развиваются подходы, основанные на применении нейросетевых алгоритмов. Нейронная сеть обучается на физиологических реакциях, формируемых конкретным опрашиваемым человеком, и потому ее заключение объективно учитывает индивидуальные особенности организма именно этого человека [18, с. 67]. Это открывает перспективы для автоматизации анализа и использования технологий машинного обучения при обработке мимических и физиологических показателей в прикладных психологических исследованиях.

Современные исследования подтверждают эффективность анализа микровыражений с помощью компьютерных технологий для выявления обмана [11]. Гипотезу о диагностической значимости мимической активности как отражения устойчивых личностных характеристик

* О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

поддерживают А. В. Устенко, А. В. Хавыло, В. Ф. Енгальцев, установившие статистически значимые связи между выраженностью эмоций и такими переменными, как стрессоустойчивость и нейротизм. В частности, интенсивность выражения печали коррелировала с низкой стрессоустойчивостью, а радости — с высоким уровнем нейротизма. Эти результаты подчеркивают потенциал мимики как независимого канала информации, усиливающего надежность интерпретации данных при психофизиологическом исследовании с применением полиграфа [19]. Теоретический анализ показал, что мимика как менее контролируемый человеком канал может служить независимым индикатором эмоционального напряжения, усиливая надежность ПФИ [13].

Материалы и методы

Методы исследования. Исследование проводилось на базе лаборатории информационно-психологической безопасности Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. Выборка включала 56 студентов (45 женщин, 11 мужчин) в возрасте 18–37 лет, участвовавших добровольно с письменным согласием на видеосъемку и обработку данных. Для регистрации физиологических реакций использовался полиграф «Диана 07» (версия ПО 7.9.1), фиксирующий электродермальную активность (ЭДА), ФПГ, АД, верхнее (ВДХ) и нижнее дыхание (НДХ), частоту сердечных сокращений (ЧСС) и двигательную активность [20]. Мимическая активность анализировалась с помощью FaceReader (версия 8), определяющего базовые эмоции (счастье, печаль, гнев, удивление, страх, отвращение) и нейтральное состояние [19].

Дизайн эксперимента. Испытуемым предлагалось выбрать карточку с фигурой, запомнить ее и придумать ассоциацию. Затем на экране с интервалом 12 секунд предъявлялись визуальные стимулы (6 фигур, включая целевой — красный квадрат) в трех сериях. Задача участников — называть фигуры и их цвет с одинаковой интонацией, скрывая реакцию на целевой стимул (рис. 1). Видеозапись велась с разрешением 800×600 пикселей (25 кадров/сек.) с помощью веб-камеры Logitech HD.

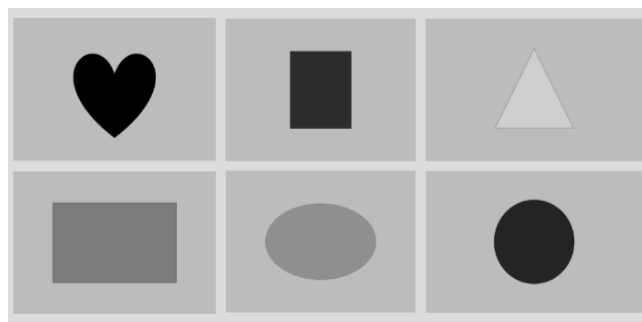

Рис. Стимульный материал
(Fig. Stimuli)

Обработка данных. Физиологические и мимические данные нормировались (z-оценки) и анализирова-

лись с использованием однофакторного дисперсионного анализа в IBM SPSS 27. Информативность физиологических каналов оценивалась метрической системой с алгоритмом ChanceCalc [21].

Результаты и обсуждение

Для статистической проверки гипотезы о различии физиологических и мимических реакций на целевые и нейтральные стимулы был применен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Исследование охватывало два блока данных: мимическую активность и физиологические показатели, регистрируемые при помощи полиграфа. Результаты анализа параметров мимической активности представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты дисперсионного анализа по мимической активности
(Table 1. Results of analysis of variance according to mimic activity)

Показатели	Сумма квадратов	Средний квадрат	F-кр	Уровень значимости, р
Нейтральное выражения лица	79,561	79,561	79,592	<0,001
Радость	666,154	666,154	668,364	<0,001
Грусть	13,744	13,744	13,745	<0,001
Гнев	8,193	8,193	8,193	<0,001
Удивление	37,680	37,680	37,687	<0,001
Страх	34,800	34,800	34,806	<0,001
Отвращение	333,371	333,371	333,922	<0,001
Смушение	112,839	112,839	112,902	<0,001
Валентность	57,405	57,405	57,4	<0,001
Возбуждение	463,596	463,596	464,664	<0,001

Анализируя данные таблицы 1, можно сделать вывод, что по целевому и нейтральному стимулу наблюдаются статистически значимые различия по всем эмоциям ($p < 0,001$).

Для оценки различий в физиологических реакциях при восприятии целевых и нейтральных стимулов был выполнен однофакторный дисперсионный анализ. В качестве зависимой переменной была использована субъективная значимость стимула (целевые и нейтральные), в качестве независимых переменных (предикторов) выступили измеренные физиологические показатели. Результаты дисперсионного анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2. Результаты дисперсионного анализа по физиологическим показателям
(Table 2. Results of analysis of variance according to physiological indicators)

Показатели	Сумма квадратов	Средний квадрат	F-кр.	Уровень значимости, р
Брюшное дыхание	72,332	72,332	72,358	<0,001
Грудное дыхание	72,701	72,701	72,727	<0,001
Артериальное давление	7,568	7,568	7,568	<0,001
Электродермальная активность	19,112	19,112	19,114	<0,001
Тоническая ЭДА	2,809	2,809	2,809	<0,001
ЧСС	84,976	84,976	85,012	<0,001
Фотоплетизмограмма	7,354	7,354	7,354	<0,007

Анализируя данные таблицы 2, можно сделать вывод, что по целевому и нейтральному стимулу наблюдаются статистически значимые различия по всем физиологическим показателям ($p < 0,001$). Это подтверждает, что реакция испытуемых на целевые стимулы действительно отличается от реакции на нейтральные по эмоциональному выражению.

Рассмотрим наиболее высокие значения F-критерия.

По параметру «радость» было зафиксировано наивысшее значение F-критерия ($F=668,364$; $p < 0,001$), что свидетельствует о наличии статистически значимых различий между сравниваемыми группами. Полученные данные указывают на то, что уровень выраженности эмоции радости значительно варьировался в зависимости от экспериментального условия или группы наблюдения.

Анализ дисперсии по показателю «отвращение» выявил также высокое значение F-критерия ($F=333,922$; $p < 0,001$), что подтверждает наличие существенных межгрупповых различий. Это позволяет предположить, что выраженность эмоции отвращения значительно отличалась между условиями исследования.

Показатель «возбуждение» (Arousal) продемонстрировал высокую степень чувствительности к экспериментальному воздействию ($F=464,664$; $p < 0,001$). Такие значения указывают на достоверные различия на уровне физиологического возбуждения между различными группами или условиями эксперимента.

Это свидетельствует о выраженных различиях в мимических проявлениях, особенно по шкалам возбуждения и базовых эмоций, что может быть связано с высокой субъективной значимостью целевых стимулов [10]. Дополнительно было установлено, что при восприятии целевого стимула преобладающим типом выражения лица становится нейтральное (на фоне подавления других эмоций), при этом наибольшая выраженность наблюдается у эмоции «страх». Вероятно, это связано с внутренним напряжением и попыткой испытуемых контролировать внешние проявления [10].

Результаты дисперсионного анализа физиологических данных представлены в таблице 2. Рассмотрим наиболее значимые различия.

Показатели брюшного дыхания продемонстрировали статистически значимые различия ($F=72,358$; $p < 0,001$), что свидетельствует о выраженных изменениях дыхательной активности в зависимости от восприятия различных стимулов [20].

Показатели грудного дыхания также говорят о высокой чувствительности ($F=72,727$; $p < 0,001$), указывая на вариативность дыхательных паттернов, обусловленную субъективной значимостью предъявляемых стимулов [20].

Анализ дисперсии выявил высокое значение F-критерия ($F=85,012$; $p < 0,001$), что позволяет вести речь о достоверных различиях в активности частоты

сердечных сокращений в зависимости от условий эксперимента.

Наиболее выраженные различия были зафиксированы по показателю частоты сердечных сокращений: значение F-критерия составило $F=85,012$ при $p < 0,001$, что свидетельствует о наличии статистически значимых различий в активности сердечно-сосудистой системы при восприятии целевых и нейтральных стимулов. Это означает, что ЧСС изменялась в зависимости от субъективной значимости предъявляемого стимула: у испытуемых наблюдалось учащение сердцебиения при предъявлении целевых (значимых) стимулов по сравнению с нейтральными. Такой физиологический отклик может быть интерпретирован как проявление повышенного психоэмоционального напряжения и активации симпатического отдела вегетативной нервной системы, что соответствует концепциям стрессовой и эмоциональной реактивности [11].

Рассмотрим менее выраженные, но также статистически значимые различия.

Несмотря на более низкое значение F-критерия ($F=7,568$; $p < 0,001$), различия по параметру «артериальное давление» остаются достоверными, указывая на определенную степень вариативности сосудистой реакции [20].

По показателю «фотоплетизмограмма» также наблюдались статистически значимые различия ($F=7,354$; $p < 0,007$), отражающие изменения периферического кровообращения [20].

В совокупности полученные результаты демонстрируют, что даже при предъявлении визуально нейтральных стимулов (например, геометрических фигур) различия в субъективной значимости воспринимаемой информации способны вызывать достоверные изменения в физиологических реакциях организма. Это подчеркивает тесную взаимосвязь между когнитивно-эмоциональной оценкой и соматическими проявлениями [22].

Проведенный дисперсионный анализ позволил сделать следующие выводы. Мимическая активность варьируется в зависимости от типа стимула (целевой или нейтральный). Это проявляется в изменении выраженности базовых эмоций и снижении общей мимической подвижности [9]. Физиологические показатели также демонстрируют статистически значимые изменения, особенно по каналам, ассоциированным с дыханием и сердечной активностью. Наиболее информативными предикторами являются сочетания показателей электродермальной активности (ЭДА), ФПГ и ВДХ, что позволяет улучшить точность интерпретации реакции испытуемого в условиях полиграфного тестирования.

Данные различия подтверждают гипотезу о том, что мимическая активность может выступать надежным дополнительным источником информации при проведении психофизиологического исследования с применением полиграфа [10].

Высокие показатели ЭДА и ФПГ согласуются с выводами Н. D. Critchley о роли электродермальной активности в отражении когнитивной нагрузки и стресса [22]. Преобладание страха при целевых стимулах соответствует теории П. Экмана о трудности подавления базовых эмоций, особенно в условиях попытки контроля [10]. Анализ дисперсии выявил значимые различия по показателям ЧСС, брюшного и грудного дыхания, а также артериального давления и фотоплетизмограммы, что указывает на выраженную физиологическую реактивность испытуемых на варьирование значимости стимула [20].

Даже визуально нейтральные стимулы, включая простые геометрические фигуры, способны вызывать статистически значимые сдвиги физиологических показателей [23]. Эти данные позволяют рассматривать психофизиологическую реактивность как чувствительный индикатор скрытого эмоционального напряжения и когнитивной значимости стимула даже при отсутствии выраженных внешних проявлений [23]. Вместе с тем выраженность таких реакций определяется не только характеристиками самого зрительного объекта, но и предварительной когнитивной установкой испытуемого [24]. Иначе говоря, восприятие простых визуальных образов опосредуется актуальным мотивационным контекстом, что отражается в динамике ориентировочной реакции, кожно-вегетативных и сосудистых ответов, а также в общем уровне автономной активации и динамике автономной реактивности [24].

Полученные данные также согласуются с современными представлениями о возможностях нейросетевого анализа психофизиологических реакций, что подтверждается, в частности, в исследовании З. И. Сичинавы, где рассматриваются алгоритмы интегральной обработки поведенческих и физиологических показателей респондентов в задачах оценки достоверности информации [18]. Снижение мимической подвижности и акцент на нейтральном выражении могут указывать на сознательное подавление эмоций, что требует дальнейшего изучения в реальных условиях ПФИ [13].

В представленном исследовании статистический анализ проводился с использованием однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) для проверки различий между условиями. Следует отметить, что данные имели характер повторных измерений (многократные наблюдения одного испытуемого), что может приводить к определенной зависимости наблюдений. В связи с этим результаты следует интерпретировать с осторожностью: значимость выявленных эффектов может быть несколько завышена по сравнению с моделями, учитывающими внутрисубъектные корреляции (например, линейными, смешанными моделями). Тем не менее направление и структура эффектов остаются устойчивыми и согласуются с теоретическими ожиданиями, что позволяет

рассматривать их как предварительные, но надежные индикаторы закономерностей в данных.

Ограничения исследования включают искусственный характер стимулов и однородность выборки (студенты), что снижает обобщаемость результатов. Практические рекомендации включают использование фронтальной камеры (25–50 см от лица), стабильного освещения и пауз для отдыха испытуемых при сборе мимических данных [13].

Результаты проведенного эмпирического исследования позволяют сделать выводы, имеющие теоретико-прикладное значение в контексте повышения надежности психофизиологических исследований с применением полиграфа.

Выводы

1. На основе однофакторного дисперсионного анализа установлено наличие статистически значимых различий в выраженности как физиологических, так и мимических показателей при восприятии испытуемыми целевых и нейтральных визуальных стимулов ($p < 0,001$) [20]. Это подтверждает гипотезу о том, что субъективная значимость стимула проявляется в достоверно различающихся физиологических и поведенческих реакциях. Согласно результатам анализа наиболее информативными физиологическими предикторами субъективной значимости стимула выступают электродермальная активность, фотоплетизмограмма и показатели дыхания. Данные параметры позволяют с высокой степенью вероятности идентифицировать эмоционально значимые реакции испытуемого.

2. Анализ мимической активности выявил, что при восприятии целевого стимула происходит подавление экспрессивных выражений, что проявляется в снижении общего уровня мимической подвижности и доминировании нейтрального выражения лица. При этом базовая эмоция «страх» демонстрирует наибольшую выраженность по сравнению с другими эмоциональными категориями [10]. Полученные результаты подтверждают целесообразность интеграции параметров мимической активности в структуру психофизиологического исследования.

3. Мимика как менее контролируемый индивидом канал выражения эмоций может служить надежным независимым индикатором внутреннего психоэмоционального состояния обследуемого. Совокупность выявленных различий указывает на потенциал комплексного подхода к оценке достоверности информации, при котором мимическая активность рассматривается не как вспомогательный, а как полноценный диагностический показатель, способствующий снижению вероятности получения искаженных данных в ходе ПФИ [7; 13].

Область применения и перспективы. Интеграция автоматизированного анализа мимических реакций в методику ПФИ представляется перспективным направлением, способным повысить точность и надежность

заклучений при производстве судебной комплексной психолого-психофизиологической экспертизы, а также в практике кадровых проверок и оперативно-розыскной деятельности. Практическая значимость подхода связана с задачей повышения объективности диагностических критериев: учет параметров мимической активности расширяет доказательную базу за счет дополнительного канала регистрации эмоционального реагирования.

В кадровой работе использование мимического канала может повысить эффективность профессионального психологического отбора на должности с повышенными требованиями к стрессоустойчивости и ответственности. В оперативно-розыскной практике технология способна

увеличить информативность психофизиологических исследований в отношении подозреваемых, свидетелей и потерпевших, содействуя уточнению направлений расследования и сужению круга проверяемых лиц.

Научные перспективы связаны с развитием алгоритмов автоматизированной обработки на основе методов машинного обучения и искусственного интеллекта, включая нейросетевые модели. Это создает предпосылки для разработки адаптивных диагностических систем, учитывающих индивидуально-психологические особенности обследуемых, а также для расширения методических возможностей полиграфного исследования за счет интеграции с другими поведенческими каналами.

Список литературы / References

1. Варламов В. А., Варламов Г. В. Компьютерная детекция лжи. М., 2010. 944 с.
2. Варламов В. А., Варламов Г. В. Психофизиология полиграфных проверок / под ред. А. Г. Сапунова. Краснодар, 2000. 239 с.
3. Ушаков А. Ю. Международный опыт применения полиграфа в борьбе с преступностью // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 4. С. 110–112.
4. Дашко М. Н., Виноградов М. В., Ульянина О. А. Организационные и правовые аспекты проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа с кандидатами на службу в органы внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 2(73). С. 67–72.
5. Журин С. И. Практика и теория использования детекторов лжи. М., 2015. 144 с.
6. Комиссарова Я. В. Основы полиграфологии : учебник для магистратуры. М., 2022. 256 с.
7. Азарова Н. В., Енгальцев В. Ф., Хавыло А. В. Современные технологии анализа мимической активности как инструмент оценки достоверности показаний жертвы и обвиняемого // Викимология. 2025. Т. 12, № 1. С. 98–110.
8. Никитина Л. Н. Роль визуальной диагностики в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72-2. С. 143–147.
9. Экман П. Психология лжи: обмани меня, если сможешь. СПб., 2016. 384 с.
10. Den Uyl M., Van Kuilenburg H. The FaceReader: Online facial expression recognition. *Proceedings of Measuring Behavior*. 2005. Vol. 30. No. 72. Pp. 589–590.
11. Lewinski P., Den Uyl M., Butler C. Automated facial coding: Validation of basic emotions and FACS AUs in FaceReader. *Journal of Neuroscience, Psychology, and Economics*. 2014. Vol. 7. No 4. Pp. 227–236.
12. Хавыло А. В., Леонова Е. В., Енгальцев В. Ф., Никуличева Е. О., Еремина И. И. Компьютерные методы оценки общей мимической активности при восприятии субъективно значимой информации (в контексте задач судебной психологической экспертизы) // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. 2021. Т. 4, № 1(10). С. 12–22.
13. Лабунская В. А. Интерпретация невербального поведения как социальная способность // Познавание в структуре общения. М., 2009. С. 203–210.
14. Кузнецов И., Лунгу А. Особенности применения полиграфа в Израиле // Закон и жизнь. 2022. № 9. С. 104–111.
15. Садеков Р. Р. Современные подходы к определению противоправных намерений личности по внешним признакам поведения // Педагогика и психология: академический журнал. 2024. № 2(5). С. 43–50.
16. Фрай О. Ложь. Три способа выявления. Как читать мысли лжеца. Как обмануть детектор лжи / пер. с англ. СПб., 2006. 284 с.
17. Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных. СПб., 2001. 384 с.
18. Сичинава З. И. Нейросетевые алгоритмы анализа поведения респондентов : дис. ... канд. техн. наук. Пенза, 2014. 115 с.
19. Хавыло А. В., Устенко А. В., Енгальцев В. Ф. Перспективы использования психофизиологических методов для оценки стрессоустойчивости в ситуации профессионального психологического отбора // Психология и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 153–165.
20. Звёздочкина Н. В. Исследование психофизиологического состояния человека с помощью полиграфа : учеб.-метод. пособие. Казань, 2015. 65 с.
21. Сошников А. П., Пеленицын А. Б. Универсальная комбинаторно-вероятностная модель оценки значимости психофизиологических стимулов и ее использование в полиграфе «Диана-01» // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров : мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2006. С. 133–139.
22. Critchley H. D. Electrodermal responses: what happens in the brain. *The Neuroscientist*. 2002. Vol. 8. No. 2. Pp. 132–142.
23. Armbruster D., Suchert V., Gärtner A., Strobel A. Threatening shapes: The impact of simple geometric configurations on peripheral physiological markers. *Physiology & Behavior*. 2014. Vol. 135. Pp. 215–221.
24. Maltzman I., Gould J., Barnett O. J., Raskin D. C., Wolff C. Habituation of the GSR and digital vasomotor components of the orienting reflex as a consequence of task instructions and sex differences. *Physiological Psychology*. 1979. Vol. 7. Pp. 213–220.

Поступила 22.12.2025; одобрена после рецензирования 11.01.2026; принята к публикации 30.03.2026.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.9.072 © Максимова А. И., Васильева И. В., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-138-145

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Специфика семантического пространства представлений о благополучии у жителей регионов, вошедших в состав Российской Федерации

Алина Искандаровна Максимова, преподаватель кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел¹, аспирант департамента психологии и дефектологии²;

raiylchka@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-7811-6934>

Инна Витальевна Васильева, доктор психологических наук, доцент, директор департамента психологии и дефектологии²; профессор кафедры философии, иностранных языков, гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел¹;

i.v.asileva@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0740-7260>

¹ Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, Тюмень, ул. Амурская, 75, Россия

² Тюменский государственный университет, 625003, Тюмень, ул. Володарского, 6, Россия

Реферат. Введение. Исследование обусловлено необходимостью обеспечения качества жизни жителей вновь присоединенных регионов. Цель — выявление и описание системы представлений о благополучии жителей территорий, вошедших в состав Российской Федерации. **Материалы и методы.** В исследовании принял участие 121 человек (53 жителя Донецкой Народной Республики, присоединенной к РФ, 68 граждан РФ) в возрасте от 18 до 65 лет. Данные были собраны с помощью ассоциативного эксперимента с ограничением количества и формы ассоциатов на слово-стимул «благополучие». Был проведен частотный анализ и рассчитан z-критерий для сравнения семантических групп ассоциаций. **Результаты и обсуждение.** Анализ представлений о благополучии выявил ключевую семантическую группу для обеих групп участников — «эмоциональное состояние», что указывает на важность эмоциональной оценки жизненных ситуаций. У жителей новых территорий РФ семья ассоциируется со страхом потери родных и борьбой за выживание, у граждан РФ — преимущественно с традиционными семейными ценностями. Семантическая группа «материальная и финансовая обеспеченность» для первых связана с базовыми потребностями, для вторых — с самореализацией. Семантическая группа «экзистенция» для граждан РФ — с семантикой активного действия, для жителей присоединенных территорий — с самим фактом существования. У последних также выделяется семантическая группа «здоровье». Расчет z-критерия показал статистически значимую разницу между наполненностью ассоциатами семантических групп «финансовая и материальная обеспеченность» ($p=0,0248$; $p<0,05$). Остальные семантические группы ассоциаций оказались принципиально общими. **Выводы.** Структура семантического пространства представлений о благополучии у граждан РФ и жителей территорий, присоединенных к РФ, имеет универсальные и специфические компоненты. Ядро семантического пространства в обеих группах — позитивное эмоциональное состояние и семья. Средняя зона — финансовая и материальная обеспеченность, здоровье и экзистенция. У группы граждан РФ к периферийной относятся ассоциации, связанные с успехом. У жителей территорий, вошедших в состав РФ, такая ассоциативная группа отсутствует.

Ключевые слова: факторы благополучия, новые территории, ассоциации жителей, психосемантика

Для цитирования: Максимова А. И., Васильева И. В. Специфика семантического пространства представлений о благополучии у жителей регионов, вошедших в состав Российской Федерации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 2(105). С. 138–145. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-138-145>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9.072 © Maksimova A. I., Vasilieva I. V., 2026

doi:10. 24412/1999-6241-2026-2105-138-145

5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

Special Features of the Semantic Field of Ideas about Well-Being among Residents of the Regions joining the Russian Federation

Alina I. Maksimova, lecturer at the chair of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian training of Law Enforcement Officers¹, post-graduate student of the department of Psychology and Defectology²; raiylchka@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-7811-6934>

Inna V. Vasilieva, Doctor of Science (in Psychology), Associate-Professor, director of the department of Psychology and Defectology²; Professor at the chair of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian training of Law Enforcement Officers¹;

i.v.asileva@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0740-7260>

¹ Tyumen Advanced Training Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, 75, Amurskaya st., Tyumen, 625049, Russia

² Tyumen State University, 6, Volodarsky st., Tyumen, 625003, Russia

Abstract. Introduction. The study is relevant due to the necessity of ensuring the quality of life of residents of the reunified regions. The goal is to identify and describe a system of ideas about the well-being of residents of the territories joining the Russian Federation. **Materials and Methods.** The study involved 121 people (53 residents of the Donetsk People's Republic, 68 citizens of the Russian Federation) aged from 18 to 65. Data were collected through an association experiment with limiting

the number and forms of associates for the word-stimulus "well-being". A frequency analysis was performed and a z-test was calculated to compare semantic association groups. **Results and Discussion.** Analysis of visions about well-being revealed a key semantic group for both groups of participants — "emotional state," indicating the importance of emotional assessment of life situations. For residents of new territories of the Russian Federation, a family is associated with fear of losing relatives and a struggle for survival, for citizens of the Russian Federation — mainly with traditional family values. The semantic group "material and financial security" for the former is associated with basic needs, for the latter — with self-realization. The semantic group "existence" for citizens of the Russian Federation is related to the semantics of active performance, for residents of the joining territories — to the very fact of existence. The latter also distinguish the semantic group "health". Calculation of the z-test showed a statistically significant difference between the content of associations of semantic groups "financial and material security" ($p=0,0248$; $p<0,05$). The remaining semantic groups of associations proved to be fundamentally common. **Conclusions.** The structure of the semantic field of ideas about well-being among citizens of the Russian Federation and residents of territories joining the Russian Federation has universal and specific components. A positive emotional state and family compose the core of the semantic field in both groups. The middle zone consists of financial and material security, health and existence. For a group of citizens of the Russian Federation, associations related to success belong to periphery. Residents of territories joining the Russian Federation do not have such an associative group.

Keywords: factors of well-being, new territories, residents' associations, psychosemantics

Citation: Maksutova A. I., Vasilieva I. V. Special Features of the Semantic Field of Ideas about Well-Being among Residents of the Regions Incorporated into the Russian Federation. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 2(105). Pp. 138–145 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-138-145>

Основные положения

1. На психологическое благополучие человека оказывает влияние множество факторов: политическое устройство государства, экономика, изменение принадлежности территорий, наличие окружения, адаптация к психотравмирующим событиям, здоровье и экзистенциальные смыслы.

2. Представления о благополучии у жителей новых территорий определяются эмоциональным состоянием, наличием семьи, материальной и финансовой обеспеченностью, здоровьем и возможностью просто жить (существовать). Материальные блага важны для выживания, а эмоциональное благополучие и близкие отношения — для желания жить. В травматических ситуациях здоровье приобретает особую ценность.

3. Выявленные особенности психологического благополучия жителей новых территорий помогут психологам, работающим с населением, проживающим на территориях, вошедших в состав Российской Федерации.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Тема исследования обусловлена необходимостью сохранения психического здоровья и обеспечения качества жизни жителей территорий, вошедших в состав Российской Федерации. Мирное население, которое проживало в нынешних Донецкой и Луганской народных республиках, с 2014 г. находилось в зоне боевых действий, а также в прифронтовых районах. Жителям необходимо было адаптироваться к психотравмирующим событиям, которые несли и продолжают нести угрозу жизни и благополучию, но это не единственный фактор, влияющий на благополучие людей [1]. Отя-

гощает психологическое состояние людей то обстоятельство, что противостояние происходит не только на поле боя, но и между родственниками, друзьями, сотрудниками. Когда-то родные люди добровольно оказались по разные стороны, а полем боя стали также семейные праздники, междугородние звонки, общение в социальных сетях.

По историческим сводкам, с конца 2013 г. можно проследить не только жизнь населения территорий Донецкой и Луганской народных республик при боевых действиях, но и политические [2], экономические и территориальные изменения¹. Запрет русского языка, культуры и истории [3] привел к росту межэтнической напряженности и негативно сказался на восприятии культурных традиций, жизненных концепций и ценностных ориентаций, что спровоцировало кризис во всех сферах жизни общества и стало причиной конфликтов между мирными жителями. Данные факторы повлияли на психологическое благополучие жителей территорий, вошедших в состав Российской Федерации. Наблюдалось формирование двух групп, каждая из которых характеризовалась сплоченностью вокруг общей идеи: одни — за территориальную целостность Украины, а другие — за восстановление исторических границ и присоединение к Российской Федерации. Отношение украинских военных к мирному населению вызывало страх и чувство незащищенности в собственных домах. Будучи в составе Украины, население Донбасса подвергалось гонениям за использование русского языка, приверженность культуре и истории России.

Под влиянием политических [2], экономических, территориальных изменений², боевых действий, пан-

¹ Официальные сетевые ресурсы посольства Российской Федерации в Норвегии. URL: https://norway.mid.ru/ru/embassy/press-centre/news/o_vossoedinenii_kryma_s_rossiy/ (дата обращения: 04.09.2024).

² Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://duma.gov.ru/news/55420/> (дата обращения: 04.09.2024).

демии COVID-19 [4] жители территорий, присоединенных к Российской Федерации, теряли свои родственные и дружеские связи. Были разрушены жилища и учреждения, где работали люди. Одни жители ДНР и ЛНР переехали вглубь России, другие — за рубеж и больше не поддерживают отношения с родственниками ввиду разных политических взглядов. Женщины испытывают стресс из-за дестабилизации обстановки, неопределенности будущего своих детей, страха одиночества. Мужчины, потерявшие работу и стабильный заработок, вынуждены соглашаться на любой труд, даже не соответствующий их уровню образования и квалификации, чтобы обеспечить семьи. Вынужденная миграция населения из-за вооруженного конфликта является фактором, воздействующим на психологическое благополучие, так как оказывает влияние на все сферы жизнедеятельности [5]. Часть переселенцев живет в местах временного пребывания, а часть — нашла новое место жительства, работу и социальное окружение. Изменились условия жизнедеятельности населения, произошла смена перспектив и жизненных ориентиров. Жители территорий, присоединенных к Российской Федерации, испытывают влияние ряда факторов на разные аспекты благополучия:

- изменение окружения (социальное благополучие — удовлетворенность человека своей ролью в обществе, культурными нормами и стремлением принадлежать к определенному обществу);
- близость к физической смерти (духовное благополучие — понимание экзистенциальных смыслов);
- болезни, увечья и отсутствие свободного доступа к воде и электроэнергии (физическое благополучие — здоровье и комфорт физического тела);
- потеря или повреждение жилья, ограниченное количество продуктов питания, отсутствие работы, предложения на рынке труда низкоквалифицированной работы с маленькой зарплатой (материальное благополучие — удовлетворенность своей материальной обеспеченностью и достатком (жилье, питание, отдых));
- изменения в территориальной принадлежности, в экономической и политической сферах, разделение жизни на «до и после», утрата социальных связей, боевые действия, острый стресс (психологическое благополучие — согласованность психических процессов и функций, чувство внутреннего равновесия и целостности).

Данные факторы благополучия разделены условно, так как они сопряжены друг с другом в реальной жизнедеятельности человека [6].

Существует связь между различными аспектами благополучия и представлениями о благополучии, когда актуальность фактора проявляется через ассоциации (материальное благополучие — дом, физическое благополучие — здоровье). Такая реакция указывает

на связь психических процессов и слова-стимула, что позволяет описать аффективный комплекс [7]. Эта взаимозависимость наиболее отчетливо проявляется в рамках психосемантического подхода, где представления о благополучии непосредственно соотносятся с аффективными реакциями на вербальные стимулы. Поэтому был выбран ассоциативный эксперимент, так как при его реализации появляется возможность изучить представления групп со специфичным опытом.

Была выдвинута гипотеза, что представления о благополучии жителей территорий, вошедших в состав Российской Федерации, отличаются от представлений о благополучии жителей, которые постоянно проживают на территории Российской Федерации и не имеют опыта пребывания на территории боевых действий.

Цель — выявить и описать систему представлений о благополучии у жителей территорий, вошедших в состав РФ.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Анализ литературы показал существование большого количества исследований психологического благополучия, направленных на определение составляющих психологического здоровья и личностного равновесия [8]. К. Рифф выделяет ключевые компоненты психологического благополучия: самопринятие, позитивные отношения, наличие целей и стремление к личностному росту, причем главным компонентом благополучия выступает личностный рост [9]. Э. Динер фокусируется на субъективной оценке жизни и вводит понятие «удовлетворенность жизнью» [10]. Д. А. Леонтьев рассматривает благополучие как измеримый эквивалент счастья, определяемый конкретными личностными характеристиками [11]. Противоположностью в содержательном отношении факторам психологического благополучия являются факторы дистресса, отсутствие чувства безопасности [12].

Пролонгированное воздействие стрессоров, связанных с боевыми действиями в прифронтовых районах, характеризуется высокой интенсивностью и повторяемостью, что обуславливает адаптацию психики к новым условиям выживания, отличным от мирного времени [13]. У населения, проживающего в прифронтовых районах, трансформировалось восприятие к предметному миру: понимание возможности потери всего привело к появлению «тревожной сумки» с набором самых необходимых вещей и документов [14]. Близость потерь стимулирует человека определить самое ценное в своей жизни, следствием боевых действий стало мирное сосуществование народов, что явилось немаловажным обстоятельством для психологического благополучия населения [15]. Взрослое население испытывает повышенное беспокойство о детях, так как в прифронтовых районах отсутствует не только физическая безопасность, но и доступ к об-

разованию и общению со сверстниками. Недостаток финансовых ресурсов влияет на удовлетворенность жизнью жителей новых территорий, присоединенных к Российской Федерации. Несмотря на трудности, сама жизнь воспринимается более осмысленно и ассоциируется с радостными моментами, со стремлением жить настоящим [16].

Таким образом, отсутствует целостное представление о психологическом благополучии населения Донбасса и существует необходимость во всестороннем исследовании для восстановления адекватного социально-экономического уровня жизни.

Материалы и методы

В представленном исследовании выборка состояла из 121 человека в возрасте от 18 до 65 лет: 1) 53 жителей присоединенных территорий Донецкой Народной Республики, из них 12 мужчин (22,64 %), 41 женщина (77,36 %), $M_{\text{возраст}}=42$; $SD_{\text{возраст}}=11,37$; 2) 68 граждан Российской Федерации, которые не меняли гражданство, из них 18 мужчин (26,47 %), 50 женщин (73,53 %), $M_{\text{возраст}}=29,5$; $SD_{\text{возраст}}=12,09$.

Для проверки гипотезы и достижения цели исследования была использована методика «ассоциативный эксперимент». Участники опроса фиксировали возникающие ассоциации к слову «благополучие» в форме трех существительных, трех прилагательных и трех глаголов (всего 9 слов). Опрос проводился анонимно и добровольно с помощью онлайн-сервисов.

Ассоциации, полученные в ходе опроса, были объединены на основе сходства форм слов и их смысла. Полученные группы обработаны частотным анализом, а затем рассчитаны ранги в соответствии с частотой встречаемости. Методом z-критерия производилось сравнение результатов двух выборок в рамках одной семантической группы.

Результаты и обсуждение

Ассоциативное поле «благополучие» у жителей территорий, присоединенных к Российской Федерации, и у граждан Российской Федерации, которые не меняли гражданство. В ходе ассоциативного эксперимента были получены ассоциации на слово «благополучие». Для обработки слов-ассоциаций был использован метод частотного анализа. Ассоциативные группы формировались путем объединения одно-коренных слов, имеющих общий смысл. Нижней границей встречаемости слов, которые затем рассматривались в исследовании, является граница в 1 % встречаемости от всех результатов выборки.

1. Жители присоединенных территорий Донецкой Народной Республики высказали 477 ассоциаций (100 % выборки), 1 % встречаемости ассоциаций по выборке — это 5 слов (табл. 1).

Отобранные ассоциации объединялись в смысловые группы с частотой встречаемости 1 % и более от выборки для последующей интерпретации результа-

тов. Категории менее 1 % от общего объема в описание включены не были.

Таблица 1. Наиболее часто встречающиеся ассоциации на слово «благополучие» у жителей территорий, присоединенных к РФ
(Table 1. The most common associations to the word “well-being” among residents of the territories joining the Russian Federation)

Ассоциативные группы	Сумма частот	Ранги по частотам
Счастье-17, счастливое-11, счастливая-1, счастливым-1, осчастлививает-1	31	1
Семья-20, семейное-9	29	2
Здоровье-15, здоровое-2, здравие-2, оздоравливает-2	21	3
Любовь-8, любить-4, любит-4, любимое-2, любящая-1, любимая-1	20	4
Жизнь-5, жизни-3, жизненное-1, жить-4, живет-2, живем-1	16	5
Радует-7, радостное-3, радовать-2, радость-1, радоваться-1, радуется-1	15	6,5
Умиротворяет-1, умиротворение-1, мир-10, мирная-1, мирное-1, мирит-1	15	6,5
Спокойствие-4, спокойное-4, успокаивает-3, спокойный-1	12	8
Стабильное-6, стабильность-3, стабилизирует-1, стабилизируется-1	11	9
Деньги-8, денежное-1	9	10
Достаток-7, достаточное-1	8	12
Дом-8	8	12
Работать-4, работает-2, работа-2	8	12
Успех-5, успешное-2	7	14
Благополучие-2, благо-2, благоустроить-1, благодушие-1	6	16,5
Богатое-2, богатство-2, богатый-1, богатеет-1	6	16,5
Дарит-3, дарить-2, одаривает-1	6	16,5
Удача-6	6	16,5
Родные-3, родной-2	5	20,5
Дети-5	5	20,5
Духовный-2, духовное-2, одушевляет-1	5	20,5
Улучшать-2, лучший-1, улучшение-2	5	20,5

2. Граждане Российской Федерации, которые не меняли гражданство, выразили 612 ассоциаций (100 % выборки), 1 % встречаемости ассоциаций по выборке — это 6 слов (табл. 2).

Анализ рангов ассоциативных групп показал:

— преобладают темы, связанные со счастьем, семьей, здоровьем и любовью, а реже всего встречаются ассоциации, связанные с духовностью и улучшением качества жизни у жителей территорий, присоединенных к РФ (табл. 1);

— преобладают темы, связанные с семьей, счастьем, радостью и деньгами, а реже всего встречаются ассоциации, связанные с мечтами и светом у граждан РФ, которые не меняли гражданство (табл. 2).

Семантический анализ представлений о благополучии. По результатам опроса жителей территорий, присоединенных к РФ и не менявших гражданство РФ, было составлено 5 семантических групп по представлениям о благополучии:

Таблица 2. Наиболее часто встречающиеся ассоциации на слово «благополучие» граждан Российской Федерации, которые не меняли гражданство
(Table 2. The most common associations with the word “well-being” among citizen of the Russian Federation who have not changed their citizenship)

Ассоциативные группы	Сумма частот	Ранги по частотам
Семья-33, семейное-7, семейный-3	43	1
Счастье-20, счастливое-7, счастливый-4, счастливые-3, осчастлививает-1, осчастливить-1, счастливо-2, счастливая-1	39	2
Радует-10, радостное-8, радость-6, радуется-5, радостный-2, радостные-2, радоваться-1, радовать-1, жизнерадостный-1	36	3
Деньги-25, денежное-1	26	4
Любить-7, любовь-6, любит-5, любимый-3, любимые-2, любимое-1, любвеобильный-1	25	5
Живет-8, живые-1, жить-5, жизнь-4	18	6
Достаток-11, достаточное-3, самодостаточный-1	15	7
Богатый-4, богатство-3, богатеть-1, богатые-2, богатое-3	13	8,5
Спокойное-6, спокойствие-5, спокойный-2	13	8,5
Успех-5, успешный-3, успешное-3	11	12,5
Работать-7, работает-2, работа-2	11	12,5
Дом-11	11	12,5
Благополучное-2, благо-4, благая-1, благодарное-1, благодарит-1, благоприятное-2	11	12,5
Теплое-6, теплый-2, теплая-2, теплота-1	11	12,5
Красивое-6, прекрасная-2, прекрасное-1, красивый-1, прекрасно-1	11	12,5
Здоровье-6, здоровое-2, здоровая-1, здоровым-1	10	16
Друзья-4, дружелюбный-2, дружная-1, дружба-1	8	17,5
Помогает-5, помогать-1, помощь-1, помогает-1	8	17,5
Дается-1, отдающее-1, дает-5	7	19,5
Отдыхать-4, отдыхает-2, отдых-1	7	19,5
Получает-4, получается-1, получил-1	6	25
Приятное-6	6	25
Свобода-3, свободное-2, освобождает-1	6	25
Уверенное-3, уверенный-2, уверенность-1	6	25
Стабильное-3, стабильность-2, стабильна-1	6	25
Творить-3, творит-2, творчество-1	6	25
Достигает-3, достигать-3	6	25
Мечта-2, мечтать-1, мечты-3	6	25
Светит-1, светлое-5	6	25

— жители территорий, присоединенных к Российской Федерации: эмоциональное состояние, семья, финансовая и материальная обеспеченность, здоровье и экзистенция (табл. 3);

— жители, которые не меняли гражданство Российской Федерации: эмоциональное состояние, финансовая и материальная обеспеченность, семья, экзистенция и успех (табл. 4).

Представления, занимающие 20 % и более от общего количества ассоциатов, были приняты как ядерные, категории, достигшие 1–4 % от общего количества ассоциатов, — как периферийные. Категории, составляющие менее 1 %, в описание не были включены.

Таблица 3. Семантическое поле представлений о благополучии у жителей территорий, присоединенных к Российской Федерации
(Table 3. The semantic field of ideas about well-being among residents of territories joining the Russian Federation)

Семантические группы	Ассоциации	Абсолютная частота встречаемости в выборке	Абсолютная частота/ранг/процент встречаемости в выборке
Эмоциональное состояние	счастье-17, счастливое-11, счастливая-1, счастливый-1, осчастлививает-1	31	104/1/21,80
	любовь-8, любить-4, любит-4, любимое-2, любящая-1, любимая-1	20	
	радует-7, радостное-3, радовать-2, радость-1, радоваться-1, радуется-1	15	
	умиротворяет-1, умиротворение-1, мир-10, мирная-1, мирное-1, мирит-1	15	
	спокойствие-4, спокойное-4, успокаивает-3, спокойный-1	12	
	стабильное-6, стабильность-3, стабилизирует-1, стабилизируется-1	11	
Семья	семья-20, семейное-9	29	39/2/8,18
	родные-3, родной-2	5	
	дети-5	5	
Финансовая и материальная обеспеченность	деньги-8, денежное-1	9	31/3/6,71
	дом-8	8	
	достаток-7, достаточное-1	8	
	богатое-2, богатство-2, богатый-1, богатеет-1	6	
Здоровье	здоровье-15, здоровое-2, здоровье-2, оздоравливает-2	21	21/4/4,40
Экзистенция	жизнь-5, жизни-3, жизненное-1, живет-2, живем-1, жить-4	16	16/5/3,35

Полученные семантические группы разнородны по смыслу. Самой значительной семантической группой для двух групп испытуемых является «эмоциональное состояние». Семантическая группа «эмоциональное состояние» состоит из позитивных эмоций большей или меньшей интенсивности. Эмоции, имеющие высокую частотность (66 ассоциатов — жители новых территорий; 100 ассоциатов — граждане РФ): счастье, любовь, радость. Эмоции более низкой частотности (38 ассоциатов — жители новых территорий; 31 ассоциат — граждане РФ): спокойствие, умиротворение, уверенность, стабильность, приятное. Обе группы демонстрируют выраженную фокусировку на счастье, любовь и радость, что подтверждается высокой частотностью соответствующих ассоциаций. Можно предположить, что стремление к позитивному эмоциональному состоянию, не зависящему от материальных благ или удовлетворенности потребностей, является универсальной ценностью для обеих групп. Однако,

Таблица 4. Семантическое поле представлений о благополучии у жителей, не менявших гражданство Российской Федерации
(Table 4. The semantic field of ideas about well-being among residents who have not changed citizenship of the Russian Federation)

Семантические группы	Ассоциации	Абсолютная частота встречаемости в выборке	Абсолютная частота/ранг/процент встречаемости в выборке
Эмоциональное состояние	счастье-20, счастливое-7, счастливый-4, счастливые-3, осчастлививает-1, осчастливить-1, счастливо-2, счастливая-1	39	131/1/21,41
	радует-10, радостное-8, радость-6, радуется-5, радостный-2, радостные-2, радоваться-1, радовать-1, жизнерадостный-1	36	
	любить-7, любовь-6, любит-5, любимый-3, любимые-2, любимое-1, любвеобильный-1	25	
	спокойное-6, спокойствие-5, спокойный-2	13	
	приятное-6	6	
	уверенное-3, уверенный-2, уверенность-1	6	
	стабильное-3, стабильность-2, стабильна-1	6	
Финансовая и материальная обеспеченность	деньги-25, денежное-1	26	64/2/10,62
	богатый-4, богатство-3, богатеть-1, богатые-2, богатое-3	13	
	достаток-11, достаточное-3	14	
	дом-11	11	
Семья	семья-33, семейное-7, семейный-3	43	51/3/7,03
Экзистенция	живет-8, живые-1, жить-5, жизнь-4	18	18/4/2,94
Успех	успеха-1, успех-4, успешный-3, успешное-3	11	11/5/1,80

несмотря на общее сходство, были обнаружены и различия. В ассоциативном поле жителей новых территорий присутствует понятие «умиротворение», которое можно интерпретировать как стремление к полному покою и удовлетворению [17]. Данная ассоциация отсутствует у граждан РФ, у которых, в свою очередь, выявляется категория «уверенность» как позитивное отношение к своим навыкам и способностям в контексте ситуативных требований [18]. Данное различие может быть обусловлено спецификой жизненного опыта жителей новых территорий, для которых умиротворение представляется более актуальной потребностью, связанной с преодолением стрессовых ситуаций. Для граждан РФ, живущих в более стабильных условиях, на первый план выходит уверенность в своих силах как фактор достижения целей и самореализации.

Несмотря на различия, участники обеих групп стремятся к стабильности — это не просто желание покоя, а потребность в предсказуемости, безопасности и контроле над собственной жизнью.

Семантическая группа «семья» у жителей территорий, присоединенных к РФ, стоит на втором месте и на третьем месте у граждан РФ, не менявших гражданство. Можно предположить, что из-за боевых действий и различных политических взглядов жители ДНР потеряли или были близки к потере родственных связей, для выживания люди сближались, чтобы согреться и прокормиться, поэтому данная семантическая группа более выражена. Менее важна семантическая группа «семья» для граждан РФ, но и здесь прослеживается потребность в близком окружении и взаимодействии друг с другом. За счет общения, совместной деятельности, сотворения добра для своего объекта происходит поддержание эмоционального состояния и, как следствие, мотивация к жизни.

Семантическая группа «финансовая и материальная обеспеченность» стоит на втором месте у граждан РФ, отражая значимость материальных аспектов жизни и позицию человека относительно материальных целей и потребностей. Ассоциаты данной семантической группы указывают не только на желание человека обладать достаточным количеством финансовых и материальных средств, стремление удовлетворить свои базовые потребности, но и на необходимость самореализации, о чем говорит наличие семантической группы «успех» в структуре семантического поля представлений о благополучии. У жителей территорий, присоединенных к РФ, семантическая группа «успех» отсутствует.

На третьем месте семантическая группа «финансовая и материальная обеспеченность» у жителей территорий, присоединенных к РФ, что, с одной стороны, свидетельствует о реальной потребности в жилье и предметах первой необходимости [16], а с другой — ценность материального благополучия снижена за счет переориентации ценностей, происшедшей под влиянием травматических событий: боевых действий, потери родных и близких, угрозы жизни и переживания за своих детей и родных. В данном контексте деньги воспринимаются не как средство достижения успеха или удовлетворения потребительских желаний, а прежде всего как необходимый ресурс для выживания и обеспечения базовых потребностей.

У жителей новых территорий на четвертом месте находится семантическая группа «здоровье», что подчеркивает желание людей выжить, а также это отражение беспокойства за родных и близких в сложившихся обстоятельствах. Долгое время на новых территориях не было аптек, в которых можно купить лекарственные препараты, а в больницах и поликлиниках работали только врачи определенных специальностей, отсут-

ствовали лаборатории для медицинской диагностики. Люди испытывали боль, страдали от инфекций и хронических заболеваний, умирали без своевременного оказания медицинской помощи. У граждан РФ, не менявших регион проживания, данная семантическая группа отсутствует. Возможно, из-за того, что смерть воспринимается как что-то далекое, а фокус внимания перенесен с лечения на оздоровление и профилактику заболеваний.

Семантическая группа «экзистенция» стоит на четвертом месте у граждан РФ и на пятом месте у жителей присоединенных территорий. Несмотря на сходство общего смысла, наполненность этой семантической группы для каждой выборки имеет свои особенности. Ассоциаты граждан РФ в группе «экзистенция» в большей части являются глаголами, а жителей новых территорий — существительными. Можно предположить, что для граждан РФ семантическая группа «экзистенция» связана с активными действиями, динамикой и процессами, а также с самореализацией (на это указывает ассоциативная группа «успех» как компонент семантической группы). В то время как для жителей новых территорий данная группа свидетельствует о потребности в стабильном состоянии, что обусловлено специфичным опытом и актуальными жизненными обстоятельствами.

Сравнение семантических групп «финансовая и материальная обеспеченность» в выборках жителей присоединенных территорий и граждан РФ, не менявших гражданство, показало статистически значимую разницу по z-критерию ($p=0,0248$, $p<0,05$) между частотой встречаемости ассоциатов. В семантических группах «эмоциональное состояние» ($p=0,8893$, $p<0,05$), «семья» ($p=0,4558$, $p<0,05$), «экзистенция» ($p=0,6995$, $p<0,05$) по частоте встречаемости ассоциатов статистически значимой разницы не обнаружено между выборками жителей присоединенных территорий и граждан РФ, не менявших гражданство.

Выводы

1. Структура семантического пространства представлений о благополучии у граждан РФ и жителей

территорий, присоединенных к РФ, имеет универсальные и специфические компоненты. Ядром семантического пространства представлений о благополучии в обеих группах являются позитивное эмоциональное состояние и семья. К средней зоне относятся в обеих группах финансовая и материальная обеспеченность, здоровье и экзистенция. У группы граждан РФ выделяется периферийная зона в структуре семантического поля представлений о благополучии: ассоциации, связанные с успехом. У жителей территорий, присоединенных к РФ, такая ассоциативная группа отсутствует.

2. Представления о благополучии у жителей территорий, присоединенных к Российской Федерации, состоят из маркеров эмоционального состояния, наличия семьи, финансовой и материальной обеспеченности, здоровья и экзистенции. Материальные блага воспринимаются как необходимость для выживания, а эмоциональное состояние и наличие близкого окружения являются мотивацией для жизни. Столкнувшись с обстоятельствами, которые нельзя было контролировать, для людей ценностью стало здоровье.

3. У населения Российской Федерации, которое не меняло гражданство, в представлениях о благополучии присутствуют маркеры материальной и финансовой обеспеченности, которые быстро и легко должны войти в их жизнь. Эмоциональное состояние и семья составляют основу благополучия.

4. Изучение психологического благополучия жителей территорий, присоединенных к Российской Федерации, необходимо для обеспечения качества их жизни.

Область применения и перспективы. Изучение специфических маркеров благополучия жителей территорий, вновь присоединенных к Российской Федерации, важно для обеспечения качественной психологической помощи. В связи с этим будет полезным изучить вопросы, связанные с половыми и возрастными различиями, спецификой пережитого травматического опыта, наличием и выраженностью симптоматики посттравматического стрессового расстройства.

Список литературы / References

1. Захарова Н. М., Цветкова М. Г. Психические и поведенческие нарушения у мирного населения регионов, подвергшихся локальным боевым действиям // Психология и право. 2020. Т. 10, № 4. С. 185–197.
2. Коголов Ю. На пути к неизбежному: Как майдан двигался к большой крови // RG.RU. 2023. URL: <https://rg.ru/2023/12/01/pa-puti-k-neizbezhnomu.html> (дата обращения: 05.09.2024).
3. Радтке О. Д. Пять лет с конфискацией за советскую символику // Радтке-Прядко и партнеры: [сайт]. 2015. URL: https://www.lawfirm-pryadko.com/articles/pyat лет s_konfiskaciej_za_sovetskuyu_simvoliku (дата обращения: 04.09.2024).
4. Психологическое сопровождение пандемии COVID-19 : коллективная монография / под ред. Ю. П. Зинченко. М., 2021. С. 31–61.
5. Роганова А. Е., Константинов В. В. Психологическое благополучие лиц, находящихся в пунктах временного размещения // Актуальные проблемы исследования массового сознания : мат-лы 7-й междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2023. С. 264–268.
6. Куликов Л. В. Детерминанты удовлетворенностью жизнью // Общество и политика : сб. СПб., 2000. С. 476–510.
7. Кожевникова О. В., Вьюжанина С. А. Психосемантика. Метод семантического дифференциала : учеб.-метод. пособие. Ижевск, 2016. 118 с.

8. Шамионов Р. М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Саратов, 2008. 294 с.
9. Ryff C. D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological wellbeing. *Journ. Pers. Soc. Psychol.* 1989. No. 57. Pp. 1069–1081.
10. Diener E. Most people are happy. *Psychological Science*. 1996. No. 7. Pp. 181–185.
11. Леонтьев Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1(155). С. 14–37.
12. Дымова Е. Н., Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е. Параметры психологического благополучия/неблагополучия при разном уровне психической травматизации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2015. № 2. С. 37–50.
13. Мананников Д. Ю. Социальная поддержка военнослужащих и членов семей погибших (умерших) участников боевых действий в условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины // Наука. Общество. Государство : электронный научный журнал. 2022. Т. 10, № 1. С. 80–88.
14. Лопатина О. А. Влияние русско-украинских военных (боевых) действий на психологическое состояние граждан // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2023. № 29(1). С. 122–131.
15. Тагирова Р. А. Изучение ценностных ориентаций как структурных элементов чеченской культуры // Теория и практика общественного развития. 2013. № 10. С. 161–165.
16. Абакумова И. В., Рядинская Е. Н., Богрова К. Б., Щетинин А. А., Сотников С. В. Ценностно-смысловая сфера населения районов локальных вооруженных конфликтов: психологический анализ // Российский психологический журнал. 2024. № 2. С. 169–183.
17. Колодина Н. И. Компоненты понятия и эмоционального состояния (на материале междисциплинарного исследования обыденного сознания) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 8. С. 228–233.
18. Ромек В. Г. Уверенность в себе как социально-психологическая характеристика личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 1997. 23 с.

Поступила 05.09.2025; одобрена после рецензирования 12.10.2025; принята к публикации 30.03.2026.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.9 © Цветков В. Л., Боева С. Р., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-146-153

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Психологические детерминанты восприятия будущего и отношения к технологиям искусственного интеллекта у курсантов образовательных организаций МВД России

Вячеслав Лазаревич Цветков, доктор психологических наук, профессор, начальник кафедры юридической психологии¹; czvetkov_slava@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4619-6494>

Светлана Рудольфовна Боева, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры юридической психологии¹; s.nov6505@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3114-1570>

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 117437, Москва, ул. Волгина, 12, Россия

Реферат. Введение. Подготовка будущих сотрудников органов внутренних дел требует всестороннего анализа психологических факторов, влияющих на восприятие возможного будущего и отношение к технологиям искусственного интеллекта. Цель — выявить психологические детерминанты восприятия будущего и особенности отношения к технологиям искусственного интеллекта у курсантов образовательных организаций МВД России, а также определить их роль в формировании профессиональной устойчивости и готовности к деятельности в условиях цифровой трансформации правоохранительной системы. **Материалы и методы.** Эмпирическая часть основана на исследовании, проведенном среди 60 курсантов. Использовались шкала ненадежности профессии (Occupation Insecurity Scale, адаптация А. Н. Демина); шкала «темного будущего» (Dark Future Scale, DFS 3. Заленски, адаптация Т. А. Нестика); опросник отношения пользователя к технологиям искусственного интеллекта (И. А. Филенко, С. В. Моисеев) и опросник креативности в профессиональной деятельности (Р. Э. Васильченко, С. А. Поздняков). **Результаты и обсуждение.** Проведен обзор факторов, определяющих временную перспективу личности, степень тревоги по поводу будущего и особенности эмоционально-когнитивного отношения к интеллектуальным технологиям. Результаты свидетельствуют об умеренном уровне тревоги о будущем на фоне выраженного интереса и положительного настроения в отношении технологий искусственного интеллекта. Курсанты показывают уверенность в собственных цифровых навыках, открытость к инновациям и достаточно высокий уровень креативности, который становится ресурсом адаптации к технологическим изменениям. **Выводы.** Умеренная тревога о будущем не препятствует восприятию технологий искусственного интеллекта как перспективного инструмента профессиональной деятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, тревога о будущем, ненадежность профессии, креативность, цифровая готовность

Для цитирования: Цветков В. Л., Боева С. Р. Психологические детерминанты восприятия будущего и отношения к технологиям искусственного интеллекта у курсантов образовательных организаций МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 2(105). С. 146–153. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-146-153>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9 © Tsvetkov V. L., Boeva S. R., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-146-153

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Psychological Determinants of Perception of the Future and Attitude towards Artificial Intelligence Technologies in Cadets of the Educational Organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs

Vyacheslav L. Tsvetkov, Doctor of Science (in Psychology), Professor, chief of the chair of Legal Psychology¹; czvetkov_slava@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4619-6494>

Svetlana R. Boeva, Candidate of Science (in Psychology), senior lecturer at the chair of Legal Psychology¹; s.nov6505@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3114-1570>

¹ V. Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 12, Volgin st., Moscow, 117437, Russia

Abstract. Introduction. Training of future law enforcement officers requires a comprehensive analysis of psychological factors affecting the perception of a possible future and attitude to artificial intelligence technologies. The purpose is to reveal psychological determinants of the perception of the future and the peculiarities of attitude towards artificial intelligence technologies among cadets of educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs, as well as to understand their role in the formation of professional stability and readiness for activities in the context of the digital transformation of the law enforcement system. **Materials and Methods.** The empirical part of the research is based on a study conducted among 60 cadets. The following methods were employed: the Occupation Insecurity Scale (adapted by A. N. Demin); Z. Zaleski "dark future" scale (adapted by Nestik T. A.); a questionnaire of the user's attitude to artificial intelligence technologies (I. A. Filenko, S. V. Moiseev) and a questionnaire of creativity

in professional activities (R. E. Vasilchenko, S. A. Pozdnyakov). **Results and Discussion.** A review of factors determining the temporal perspective of the personality, the degree of anxiety about the future and the peculiarities of emotional and cognitive attitude to intellectual technologies was carried out. The results suggest a moderate level of anxiety about the future amid expressed interest and positive attitude regarding artificial intelligence technologies. Cadets demonstrate confidence in their own digital skills, openness to innovation and a fairly high level of creativity, which becomes a resource for adapting to technological changes. **Conclusions.** Moderate anxiety about the future does not interfere with the perception of artificial intelligence technologies as a promising tool for professional activities.

Keywords: artificial intelligence, anxiety about the future, insecurity of occupation, creativity, digital proficiency

Citation: Tsvetkov V. L., Boeva S. R. Psychological Determinants of Perception of the Future and Attitude towards Artificial Intelligence Technologies in Cadets of the Educational Organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 2(105). Pp. 146–153 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-146-153>

Основные положения

1. Цифровая трансформация правоохранительной деятельности, связанная с внедрением технологий искусственного интеллекта, оказывает существенное влияние на формирование профессионального самосознания курсантов и их представлений о будущем.

2. Восприятие будущего курсантами образовательных организаций МВД России следует рассматривать как многокомпонентное психологическое образование, объединяющее когнитивные представления о вероятных сценариях профессионального и личностного развития, эмоциональные реакции на неопределенность, мотивационные установки и ценностно-смысловые ориентации, обуславливающие направленность поведения в долгосрочной перспективе.

3. К числу ключевых психологических детерминант формирования временной перспективы относятся субъективное восприятие надежности выбранной профессии, выраженность тревожности, связанной с ожиданиями относительно будущего, уровень рефлексивности, а также степень осознания собственных адаптационных ресурсов и возможностей профессионального саморазвития.

4. Отношение курсантов к технологиям искусственного интеллекта характеризуется многоуровневой структурой, включающей эмоциональную настороженность, рациональную оценку функциональной полезности цифровых решений и готовность к их практическому применению в контексте служебной деятельности.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Социальные и технологические преобразования последних лет создают новую реальность, в которой формируется профессиональное самосознание будущих сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД). Расширение применения интеллектуальных систем, автоматизированных комплексов обработки данных, аналитических алгоритмов и предиктивных моделей оказывает влияние на структуру служебной деятельности и на внутренний мир обучающихся. Возникает необходимость анализа того, каким образом курсанты воспринимают будущее своей профессии и какие

психологические процессы определяют отношение к инновационным технологиям.

Масштабность происходящих изменений актуализирует проблему оценки личностных ресурсов курсантов, включая их способность адаптироваться к цифровым изменениям, формировать взвешенные прогнозы и сохранять профессиональную устойчивость. Психологические детерминанты восприятия будущего приобретают все большую значимость, поскольку именно они обуславливают глубину профессиональной идентичности и устойчивость к неопределенности.

Технологическое обновление приводит к расширению перечня функций сотрудника ОВД, что формирует предпосылки для появления новых форм служебной активности. Курсант вынужден учитывать перспективу изменения содержания профессии, что усиливает роль таких феноменов, как профессиональные ожидания, эмоциональные прогнозы и отношение к интеллектуальным системам, которые активно внедряются в различные сферы служебной деятельности.

Цель — выявить психологические детерминанты восприятия будущего и особенности отношения к технологиям искусственного интеллекта (далее — ИИ) у курсантов образовательных организаций МВД России, определить их роль в формировании профессиональной устойчивости и готовности к деятельности в условиях цифровой трансформации правоохранительной системы.

Теоретические предпосылки и обзор проблемы. Интерес к изучению факторов, влияющих на восприятие будущего курсантами, обусловлен расширением профессиональных требований, вызванных технологическими изменениями в современной правоохранительной деятельности. Формирование представлений о будущем выступает значимым компонентом профессионального становления, поскольку отражает уровень самосознания и степень готовности личности к предстоящим служебным задачам.

Психологическая перспектива будущего, согласно подходам Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева, является сложным образованием, включающим взаимосвязь когнитивных представлений, эмоциональных переживаний, мотивов и смысловых структур, определяющих

направленность профессионального развития. Ученые подчеркивали единство аффективных и интеллектуальных процессов, влияющих на формирование жизненных прогнозов и оценку будущих событий [1; 2].

Исследования М. В. Даниловой показали, что временная перспектива человека формируется на основе личностных смыслов, уровня активности и способности учитывать долгосрочные цели. Подобный подход позволяет рассматривать образ будущего курсантов как систему ориентаций, отражающих динамику профессионального развития и степень готовности воспринимать технологические изменения в служебной сфере [3].

К числу ключевых детерминант относится когнитивный уровень, включающий субъективные прогнозы относительно изменений содержания профессии, вероятности автоматизации отдельных функций и влияния интеллектуальных технологий на структуру служебной деятельности. Концепции Е. И. Головахи и А. А. Кроника, посвященные психологическому времени личности, подчеркивают, что когнитивные модели будущего формируются на основе переработки информации о возможных событиях и оценки собственных ресурсов [4].

Как указывает М. И. Ясин, эмоциональный компонент восприятия будущего проявляется через переживание неопределенности, тревоги или, напротив, уверенности и оптимизма. Психологические исследования убеждают, что эмоциональная устойчивость способствует конструктивному отношению к изменениям, тогда как выраженная тревожность усиливает восприятие рисков [5].

Мотивационная направленность занимает важное место среди детерминант временной перспективы. Установки на профессиональное развитие, стремление к освоению новых технологий и готовность к самосовершенствованию формируют активное отношение к предстоящим изменениям. Идеи Б. Г. Ананьева и С. Л. Рубинштейна отражены в исследовании Е. Л. Солдатовой и Г. У. Солдатовой и подчеркивают связь мотивов, целей и жизненной перспективы личности, что позволяет рассматривать мотивационный аспект как основу прогностической активности курсантов [6–8].

Особую роль играет рефлексивность, рассматриваемая в исследованиях В. В. Знакова и авторов когнитивной школы. Способность анализировать собственные переживания, выстраивать логические связи между текущими возможностями и прогнозируемыми результатами служит психологическим механизмом формирования реалистичных представлений о служебном будущем [9].

Смысловой компонент восприятия будущего, опирающийся на концепцию Д. А. Леонтьева о структуре смыслового опыта, обеспечивает устойчивость

прогнозов, связывает профессиональные ценности с требованиями служебной деятельности и формирует целостное понимание собственной роли в правоохранительной системе [10].

Таким образом, психологические детерминанты восприятия будущего курсантами объединяют когнитивные, эмоциональные, мотивационные, рефлексивные и ценностно-смысловые компоненты, которые определяют глубину и устойчивость прогнозов, отражают уровень профессиональной зрелости и формируют готовность к технологическим и социальным изменениям, происходящим в деятельности ОВД.

Расширение технологических возможностей современной правоохранительной деятельности усиливает интерес исследователей к анализу психологических механизмов отношения личности к интеллектуальным системам. Развитие цифровой среды приводит к изменению структуры профессиональных задач, что делает изучение отношения курсантов к технологиям ИИ важным элементом анализа профессиональной готовности.

Отечественные исследования в области цифровой психологии подчеркивают многомерность отношения к новым технологиям. Авторы, занимающиеся проблематикой цифровой социализации (А. Е. Войскунский, Е. Л. Солдатов, Г. У. Солдатов и др.), указывают, что оценка инновационных технологий включает когнитивные, эмоциональные и операциональные компоненты, формирующие основу цифровой компетентности личности [6–8; 11]. Степень доверия к интеллектуальным системам определяется уровнем технической грамотности, опытом взаимодействия и субъективной оценкой возможных рисков.

Исследования Е. Л. Солдатовой и Г. У. Солдатовой демонстрируют, что цифровая готовность связана с уверенностью в собственных навыках, способностью эффективно применять технологические средства и убежденностью в их полезности для профессиональной деятельности [6–8]. Такой подход позволяет рассматривать эффективность взаимодействия с интеллектуальными системами как важный показатель профессионального становления курсантов.

Отношение к технологиям ИИ состоит из нескольких основных компонентов. *Первый* — уровень принятия технологий, отражающий открытость инновациям и готовность включать интеллектуальные системы в структуру профессиональных действий. В исследованиях А. В. Карпова и представителей когнитивной школы подчеркивается, что принятие инноваций формируется на основе оценки функциональности технологии, а также субъективной пользы, которую она приносит личности [12].

Второй компонент — эффективность взаимодействия, которая характеризует степень уверенности в собственных цифровых навыках и способность адап-

тироваться к технологическим изменениям. Согласно А. Е. Войскунскому, успешность взаимодействия с цифровыми средствами определяется уровнем сформированности операциональной грамотности, наличием опыта в работе с интеллектуальными алгоритмами и качеством саморефлексии, сопровождающей взаимодействие с технологическими системами [11].

Третьим компонентом выступает эмоциональное отношение, представляющее собой спектр переживаний, от интереса и вдохновения до тревоги или настороженности. Исследования психологических аспектов восприятия инноваций (Е. Л. Солдатова, Д. Н. Погорелов) показывают, что эмоциональная реакция на технологии формируется под воздействием культурных стереотипов, восприятия рисков, уровня доверия к цифровой среде и оценки собственного опыта [6].

У курсантов подобные компоненты приобретают особое значение. В процессе обучения формируется профессиональная идентичность, ориентированная на работу в условиях технологических изменений. Интеллектуальные системы постепенно становятся частью аналитических, диагностических и управленческих процессов, что требует развитой цифровой компетентности, эмоциональной устойчивости и социальной ответственности.

Итак, отношение курсантов к технологиям ИИ является сложным психологическим образованием, включающим когнитивно-оценочные, эмоциональные и операциональные компоненты, которые формируются под влиянием опыта, уровня цифровой грамотности и профессиональных ожиданий. Степень выраженности указанных компонентов определяет готовность к адаптации в условиях цифровой трансформации и демонстрирует уровень профессиональной зрелости будущих сотрудников органов внутренних дел.

Материалы и методы

Анализ строится на междисциплинарных подходах, объединяющих психологию личности, когнитивную эргономику, психологию труда и современные исследования цифровой среды. Эмпирическое исследование выполнено с использованием количественных психодиагностических методов. В выборку вошли курсанты образовательных организаций МВД России очной формы обучения в количестве 60 человек. Отбор респондентов носил добровольный характер, участие в исследовании осуществлялось при соблюдении принципов анонимности и информированного согласия.

Для изучения психологических детерминант восприятия будущего и отношения к технологиям ИИ применялся комплекс стандартизированных методик. Оценка субъективной надежности профессиональной деятельности осуществлялась с использованием Шкалы ненадежности профессии (Occupation Insecurity

Scale, OCIS) в адаптации А. Н. Демина, позволяющей выявить представления респондентов о стабильности профессии и рисках профессиональных изменений. Для диагностики тревожных ожиданий и негативных прогнозов относительно будущего использовалась Шкала «темного будущего» (Dark Future Scale, DFS) З. Залески в адаптации Т. А. Нестика.

Отношение к технологиям ИИ исследовалось с помощью опросника «Отношение пользователя к технологиям искусственного интеллекта» И. А. Филенко, С. В. Моисеева, направленного на выявление когнитивных, эмоциональных и поведенческих аспектов восприятия ИИ. Уровень креативности в профессиональной деятельности, рассматриваемый как личностный ресурс адаптации к условиям технологической неопределенности, оценивался с применением опросника креативности в профессиональной деятельности Р. Э. Васильченко, С. А. Позднякова.

Статистическая обработка данных осуществлялась с применением методов описательной статистики, включая анализ средних значений и распределение показателей по шкалам. Интерпретация результатов проводилась с опорой на теоретические положения психологии личности, психологии труда и исследований в области цифровой социализации.

Результаты и обсуждение

Представления о степени устойчивости собственной профессиональной деятельности. Проведенное эмпирическое исследование привело к выводу, что оценивание надежности профессии позволяет проанализировать представления респондента о степени устойчивости собственной профессиональной деятельности в условиях технологических и рыночных изменений. Совокупность ответов формирует образ профессии как структуры, подверженной значительным внешним воздействиям, требующим постоянной адаптации и готовности к переобучению.

Высокие показатели по позициям, отражающим опасения относительно исчезновения профессии, свидетельствуют о снижении субъективной предсказуемости профессиональной среды. Такая установка формируется на фоне быстро развивающихся технологических процессов, которые, по мнению респондентов, способны привести к нарушению привычных форм занятости. Доля ответов, указывающих на регулярное беспокойство по поводу необходимости смены профессиональной деятельности, подчеркивает наличие устойчивого переживания риска утраты прежней профессиональной идентичности (табл. 1).

Существенный интерес вызывает блок утверждений о трансформации содержания труда. Значимая часть выборок по этим пунктам отражает восприятие собственной профессиональной сферы как динамичной и требующей постоянного обновления компетенций. Респонденты допускают возможность

радикального пересмотра профессиональных функций, что трактуется как признак сформированного реалистического взгляда на изменения, происходящие на современном рынке труда.

Таблица 1. Результаты исследования по методике «Шкала ненадежности профессии», %
(Table 1. Results of the study by method of "Occupation Insecurity Scale", %)

Утверждения	Совсем не согласен	Не согласен	Частично согласен	Согласен	Полностью согласен
Я беспокоюсь, что из-за развития технологий моя профессия в будущем будет не нужна	50	29	16	0	5
Я беспокоюсь, что моя профессия может исчезнуть из-за автоматизации труда и применения других технологий	42	33	16	5	5
Существует риск, что мне придется сменить свою профессию из-за автоматизации и применения других технологий	36	33	25	0	5
Я беспокоюсь, что в дальнейшем (через 5–10 лет) мне придется сменить профессию из-за развития технологий	33	8	21	29	8
Я думаю, что моя профессия претерпит существенные изменения в связи с развитием технологий	25	25	33	8	8
Некоторые из задач, которые я выполняю в рамках своей профессии, в будущем будут неактуальны	21	8	46	21	5
Я уверен, что до того, как я выйду на пенсию, мои профессиональные обязанности значительно модифицируются из-за технологических изменений	25	29	25	16	5

Показатели, отражающие ощущение недостаточной подготовленности к будущим требованиям профессии, указывают на внутреннее напряжение, возникающее в ситуации столкновения с технологическими инновациями.

Установки к технологиям искусственного интеллекта. Изучение установок по отношению к технологиям ИИ позволяет выявить эмоциональные, когнитивные и поведенческие аспекты восприятия цифровых трансформаций. Профиль ответов обучающихся отражает сочетание настороженности перед ускоряющимися технологическими изменениями и одновременно готовности интегрировать интеллектуальные системы в повседневную и профессиональную деятельность в целях повышения эффективности.

Показатели, характеризующие опасения относительно масштабного распространения ИИ, свидетельствуют о формировании устойчивой тревожной ориентации, связанной с воспринимаемыми социальными и индивидуальными рисками технологического прогресса (табл. 2).

Эмоциональная реактивность проявляется в частом возникновении напряжения и негативных переживаний при взаимодействии с интеллектуальными системами [13]. Подобные реакции нередко наблюда-

ются у пользователей, склонных интерпретировать цифровизацию как вызов устоявшимся компетенциям и привычным моделям функционирования общества.

При этом когнитивный компонент отношения к ИИ демонстрирует более рациональный характер. Исследуемые обучающиеся характеризуются готовностью применять алгоритмические инструменты в ситуациях, требующих оптимизации процессов, повышения точности или ускорения выполнения задач. Такая эмоциональная настороженность при сохранении практической ориентации на использование технологических возможностей рассматривается в современной научной литературе как проявление адаптивной стратегии освоения высокотехнологичной среды [14].

Высокие показатели по утверждениям, связанным с желанием применять технологии ИИ в профессиональных и повседневных задачах, позволяют вести речь о сформированной установке на инструментальную ценность цифровых решений. Курсанты трактуют ИИ не только как угрозу, но и как *потенциальный ресурс*, способный расширять возможности деятельности.

Таблица 2. Результаты исследования по методике «Отношение пользователя к технологиям ИИ», %
(Table 2. Results of the study by method of "User's attitude to AI technologies", %)

Утверждения	Не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь с ответом	Скорее согласен	Полностью согласен
ИИ создает новые трудности для меня и других людей	29	29	42	0	0
Возможное широкое применение ИИ вызывает у меня страх	46	16	25	8	5
Я хочу использовать технологии, основанные на ИИ, для решения учебных, профессиональных и повседневных задач	5	0	46	33	16
Я чувствую себя компетентным во взаимодействии с ИИ, когда такая ситуация возникает	5	5	46	33	13
Проблемы, связанные с ИИ, более существенны, чем возможные позитивные результаты	29	21	38	8	5
Когда я использую ИИ, я чувствую, что контролирую себя и ситуацию	8	5	33	42	13
Когда я использую ИИ, я уверен, что смогу достичь поставленных целей	5	5	54	25	13
Недостатки технологий ИИ значительны, а их преимущества для большинства людей неочевидны	21	13	50	8	0
Я испытываю негативные эмоции по поводу ИИ	29	33	33	0	0
Взаимодействуя с ИИ, я остаюсь самостоятельным в своих оценках и решениях	8	0	29	38	25

Суждения о собственной компетентности при работе с ИИ свидетельствуют о восприятии себя как пользователя, способного контролировать технологические процессы и достигать поставленных целей.

Подобный уровень субъективной эффективности может компенсировать тревожные ожидания, формируя баланс между эмоциональной и когнитивной составляющими отношения к ИИ.

Двойственность оценок рассматривается исследователями как типичная реакция на формирование новой технологической среды, в которой позитивные возможности и потенциальные угрозы цифровизации воспринимаются параллельно и требуют когнитивной переработки. Подобная двойственность отражает процесс поиска внутренних опор в условиях изменений, когда субъект стремится одновременно воспользоваться преимуществами инноваций и сохранить чувство контроля над происходящим.

Совокупность полученных данных демонстрирует многокомпонентную структуру отношения к ИИ, объединяющую эмоциональную настороженность, критическое восприятие возможных рисков и функционально ориентированную готовность использовать ИИ для решения прикладных задач. Профиль соответствует адаптивной позиции пользователя, находящегося в фазе активного освоения цифровых технологий и стремящегося интегрировать инновационные инструменты в собственную деятельность при сохранении относительной автономии [15].

Оценка выраженности тревожных ожиданий и социального будущего. Использованная методика «Шкала темного будущего» направлена на оценку выраженности тревожных ожиданий, связанных с прогнозированием личного и социального будущего. Полученная конфигурация показателей отражает умеренно повышенный уровень беспокойства, обращенного к перспективам личной жизни, социально-экономическим изменениям и реализации индивидуальных планов (табл. 3).

Ответы говорят о склонности воспринимать текущие трудности как состояние, способное сохраняться длительное время, а также страх нереализации собственных целей демонстрирует снижение субъективного контроля над жизненной перспективой. Умеренное преобладание подобных ответов может свидетельствовать о внутреннем конфликте между стремлением к росту и опасением ограничивающих обстоятельств.

В целом структура результатов указывает на формирование *тревожно-пессимистической* позиции по отношению к будущему. Респонденты оценивают личные перспективы через призму неопределенности, подверженности внешним обстоятельствам и возможных ограничений. Подобный профиль обычно формируется в условиях высокой эмоциональной или профессиональной нагрузки и требует укрепления субъективной активности, развития стратегий совладания и переосмысления *образа будущего* в сторону большей конструктивности и реалистичности.

Таблица 3. Результаты исследования по методике «Шкала темного будущего», %

(Table 3. Results of the study by method of “dark future” scale, %)

Утверждения	Совершенно не согласен	Не согласен	Скорее не согласен	Трудно сказать	Скорее согласен	Согласен	Совершенно согласен
Я опасюсь, что проблемы, с которыми я сейчас сталкиваюсь, останутся еще надолго	25	25	8	25	15	0	0
Меня ужасает мысль, что я могу когда-то столкнуться с жизненными кризисами и трудностями	29	33	0	16	5	0	5
Я боюсь, что в будущем моя жизнь изменится к худшему	25	33	5	15	5	5	5
Я опасюсь, что изменения политической и экономической ситуации поставят под угрозу мое будущее	25	25	8	13	5	8	5
Меня беспокоит мысль, что в будущем я не смогу реализовать свои цели	29	16	8	16	5	13	0

Интеграция результатов трех диагностических методик выявляет целостную систему установок обучающихся, отражающих их отношение к профессиональной перспективе, технологическим инновациям и собственному будущему. Профиль исследуемых курсантов демонстрирует сочетание адаптивных и тревожных элементов, что позволяет рассматривать их взаимодействие с изменяющейся социальной и профессиональной средой как динамичный, но напряженный процесс.

Показатели по «Шкале ненадежности профессии» свидетельствуют о формировании выраженной чувствительности к технологическим трансформациям, затрагивающим профессиональную сферу. Установки, выявленные методикой, позволяют предположить, что респонденты воспринимают свою деятельность как находящуюся в зоне риска и подверженную радикальным изменениям. Ощущение неполной профессиональной защищенности сочетается с готовностью к адаптации, что отражает современную тенденцию к «гибкой профессиональной идентичности». При этом наблюдается значимое внутреннее напряжение, связанное с возможным несоответствием между текущими компетенциями и прогнозируемыми требованиями рынка труда.

Анализ отношения к технологиям ИИ подтверждает двойственный характер установок исследуемых. Страх перед развитием ИИ и настороженность в отношении его последствий формируют эмоциональную составляющую восприятия инноваций. Однако когнитивно-операционная сфера демонстрирует противоположную динамику: респонденты проявляют готовность использовать ИИ, оценивают собственную компетентность при взаимодействии с ним достаточно высоко и склонны рассматривать ИИ как инструмент

расширения функциональных возможностей. Такое сочетание эмоциональной тревожности и практической ориентированности позволяет говорить о процессе адаптации к цифровым изменениям, который протекает *неравномерно* и сопровождается внутренними противоречиями.

Результаты методики «Шкала темного будущего» подтверждают наличие устойчивого тревожного фона, направленного на различные аспекты будущего — личные, профессиональные и социально-экономические. Переживание неопределенности и ожидание возможных негативных событий формируют специфическую структуру временной перспективы, в которой будущее воспринимается как область потенциальных угроз, а не возможностей. Подобная установка способна усиливать тревожные реакции, связанные с технологическими и профессиональными изменениями, и препятствовать формированию устойчивой уверенности в собственных ресурсах.

Направления психологического сопровождения по укреплению профессиональной устойчивости и повышению адаптивности к технологическим изменениям. Комплексная диагностическая оценка позволяет определить направления психологического сопровождения, которые могут способствовать укреплению профессиональной устойчивости, снижению тревожности по поводу будущего и повышению адаптивности к технологическим изменениям. Ниже представлены некоторые рекомендации, вытекающие из анализа результатов эмпирического исследования:

- в числе приоритетных направлений целесообразно выделить систематическое освоение современных приложений, программных комплексов и сервисов, функционирующих на основе ИИ, поскольку накопление позитивного опыта взаимодействия с технологическими новшествами способствует снижению эмоциональной напряженности и формированию более устойчивого отношения к цифровым изменениям;

- существенное значение имеет использование образовательных подходов, ориентированных на развитие цифровой компетентности. Эффективными представляются самостоятельное моделирование профессиональных задач, анализ практических кейсов, а также участие в специализированных онлайн-курсах, направленных на расширение технологической грамотности и повышение профессиональной мобильности;

- позитивному принятию технологических инноваций способствует применение стратегий рационального анализа, предполагающих осмысление как преимуществ, так и ограничений использования искусственного интеллекта. Подобный подход позволяет снижать выраженность когнитивного диссонанса и формировать более взвешенную позицию по отношению к внедрению цифровых решений в профессиональную деятельность;

- отдельное внимание следует уделять развитию навыков самостоятельного принятия решений при использовании интеллектуальных технологий. Усиление внутреннего локуса контроля способствует снижению тревожности и препятствует формированию деструктивных интерпретаций цифровых преобразований;

- поддержание психологического благополучия требует систематической работы с механизмами стрессоустойчивости. В практическом плане значимыми являются техники дыхательной регуляции, методы осознанности, телесно ориентированные практики и иные способы эмоциональной саморегуляции, направленные на стабилизацию психоэмоционального состояния;

- расширение репертуара копинг-стратегий предполагает активное использование социального и профессионального ресурсного окружения, что повышает уровень адаптивности в условиях неопределенности. Повышению уверенности в собственных возможностях способствует рефлексивная фиксация профессиональных и личных достижений, позволяющая укреплять самооэффективность и поддерживать позитивную профессиональную идентичность;

- перспективным направлением развития выступает усиление субъектной позиции посредством поиска сфер деятельности, в которых сохраняется высокий уровень автономии и контроля над результатами собственной работы. Подобная ориентация создает условия для формирования устойчивого чувства профессиональной компетентности.

Комплекс предложенных рекомендаций направлен на укрепление психологической и профессиональной устойчивости, а также на формирование конструктивного отношения к технологическим изменениям. Реализация обозначенных направлений способствует снижению тревожных ожиданий, повышению адаптивного потенциала личности и укреплению внутренних ресурсов, что приобретает особую значимость в условиях динамичной цифровой трансформации рынка труда.

Выводы

1. Восприятие будущего курсантами образовательных организаций МВД России характеризуется сочетанием тревожных ожиданий и выраженной ориентации на профессиональное развитие, что свидетельствует о напряженном, но в целом адаптивном процессе формирования временной перспективы в условиях социальной и технологической неопределенности.

2. Цифровая уверенность и профессиональная креативность выступают значимыми психологическими ресурсами, способствующими снижению дезадаптивного воздействия тревоги о будущем и повышающими готовность к восприятию технологических изменений.

3. Выявленные психологические детерминанты свидетельствуют о необходимости целенаправленного психологического сопровождения курсантов, ориентированного на развитие рефлексивности, укрепление профессиональной устойчивости и формирование конструктивного образа будущего в условиях цифровой трансформации правоохранительной сферы.

4. Результаты эмпирического исследования свидетельствуют о том, что умеренная выраженность тревожности, связанной с будущим, сочетается с устойчивым интересом к технологиям искусственного интеллекта и признанием их инструментальной значимости для профессионального роста и повышения эффективности деятельности.

5. Уверенность в собственных цифровых компетенциях и креативность в профессиональной деятельности выступают значимыми ресурсами адаптации к условиям технологической неопределенности.

6. Выявленная двойственность установок по отношению к будущему и ИИ отражает адаптивный про-

цесс профессионального становления, требующий целенаправленного психологического сопровождения и развития субъектной позиции личности.

Область применения и перспективы. Материалы исследования целесообразно применять в учебных дисциплинах психологического и психолого-педагогического профиля, а также в практике консультативной и профилактической работы с обучающимися, при разработке программ формирования профессиональной устойчивости, цифровой готовности и адаптации курсантов к условиям технологической трансформации служебной деятельности. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением выборки, сравнительным анализом различных категорий обучающихся и сотрудников правоохранительных органов, а также с углубленным изучением факторов, определяющих динамику отношения к технологиям искусственного интеллекта и трансформацию образа профессионального будущего в процессе служебного становления.

Список источников / References

1. Выготский Л. С. Конкретная психология человека // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1986. № 1. С. 51–64.
2. Леонтьев Д. А. Развитие личности в норме и затрудненных условиях // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10, № 3. С. 97–106.
3. Данилова М. В. Личностные и социальные факторы в восприятии стресса юношами и девушками старшего подросткового возраста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14, № 1. С. 62–78.
4. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психология вчера, сегодня и завтра // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3-4. С. 447–451.
5. Ясин М. И. Отношение к искусственному интеллекту, тревога и открытость опыту // Известия Саратовского университета. Новая серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, № 4. С. 449–453.
6. Солдатова Е. Л., Погорелов Д. Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. № 5. С. 105–124.
7. Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Илюхина С. Н. Цифровые предикторы психологического благополучия молодежи в реальном и виртуальном мирах // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2025. № 1. С. 78–100.
8. Солдатова Г. У., Войскунский А. Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 431–450.
9. Знаков В. В. Психология понимания многомерного мира человека (доклад) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2016. № 1. С. 47–57.
10. Леонтьев Д. А. Рефлексия как предпосылка самодетерминации // Психология человека в современном мире : мат-лы всерос. юбилейной науч. конф., посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г. М., 2009. С. 40–49.
11. Войскунский А. Е. Киберпсихология: современный этап развития // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. № 1. С. 21–39.
12. Карпов А. В., Климонтова Т. А. Рефлексивные процессы в системе внутреннего мира человека // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2016. № 3. С. 40–44.
13. Caruso L. Digital innovation and the fourth industrial revolution: epochal social changes? *AI & Society*. 2018. Vol. 33. Pp. 379–392.
14. Mc Crae R. R. and Sutin A. R. Openness to Experience. *Handbook of Individual Differences in Social Behavior*. M. R. & Hoyle R. H., eds. Guilford, 2009. Pp. 257–273.
15. Montag C., Diefenbach S. Towards Homo Digitalis: Important Research Issues for Psychology and the Neurosciences at the Dawn of the Internet of Things and the Digital Society. *Sustainability*. 2018. Vol. 10(2). Pp. 415–436.

Поступила 10.12.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 30.03.2026.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Психологические аспекты становления и развития личности

Psychological aspects of personality formation and development

Научно-практическая статья

УДК 159 © Базаров Т. Ю., Ли Ю. Ю., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-154-158

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Феномен «стоять на своем»: иллюзия победы и реальность тупика

Тахир Юсупович Базаров, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии¹;
tbazarov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1591-3932>

Юлия Юрьевна Ли, магистрант 2 курса направления «Психология переговоров»²;
li.yuliya.01@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-9195-3826>

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Москва, Ленинские горы, 1, Россия

² Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, филиал в Ташкенте, 100060, Ташкент,
пр-кт Амира Темура, 22, Республика Узбекистан

Реферат. Введение. Анализируется психологическая игра, моделирующая ситуацию нетранзитивного выбора (парадокс Кондорсе). Описывается феномен, условно названный «принципиальным голоданием», когда участники предпочитают остаться без результата, лишь бы не уступить. На материале игровых раундов и включенного наблюдения показано, как автоматизм защиты своей позиции блокирует коллективное решение. Проанализированы теоретические основания нетранзитивности, разобраны механизмы формирования переговорных тупиков и предложены практические рекомендации для выхода из состояния «стратегического упрямства». Цель — выявить психологические механизмы возникновения переговорных тупиков в ситуациях нетранзитивности и описать условия перехода участников от автоматической защиты позиции к поиску выхода из тупика. **Материалы, результаты и обсуждение.** Анализ интерактивной игры «Гастрономические предпочтения» в контексте нетранзитивных отношений на материале игровых раундов и включенного наблюдения показал, как автоматизм защиты своей позиции блокирует коллективное решение. Особое внимание уделяется моменту «пробуждения» — переходу от эго-позиции к мета-позиции, позволяющему увидеть ситуацию целиком и найти неочевидные варианты. **Выводы.** В нетранзитивных ситуациях «стратегическое упрямство» приводит к тупику, вызванному автоматической защитой эго-позиции. Выход возможен только через осознание участниками структуры нетранзитивного цикла и переход на мета-уровень восприятия, что позволяет трансформировать деструктивный цикл в поиск эффективных решений.

Ключевые слова: нетранзитивность, парадокс Кондорсе, позиция, иллюзия победы, автоматизм, пробуждение, переговоры

Для цитирования: Базаров Т. Ю., Ли Ю. Ю. Феномен «стоять на своем»: иллюзия победы и реальность тупика // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 2(105). С. 154–158. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-154-158>

Scientific and Practical Article

UDC 159 © Bazarov T. Yu., Li Yu. Yu., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-154-158

5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

The Phenomenon of "Standing your Ground": the Illusion of Victory and the Reality of a Deadlock

Takhir Yu. Bazarov, Doctor of Science (in Psychology), Professor at the chair of Social Psychology¹;
tbazarov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1591-3932>

Yulia Yu. Li, second-year master's degree student majoring in "Psychology of Negotiations"²;
li.yuliya.01@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-9195-3826>

¹ Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russia

² Lomonosov Moscow State University, Tashkent branch, 22, Amir Temur pr., Tashkent, 100060, the Republic of Uzbekistan

Abstract. Introduction. Under analysis is a psychological game that simulates a situation of non-transitive choice (Condorcet paradox). A phenomenon is described, conventionally called "principle starvation," when participants prefer to be left without

a result, just not to yield. The material of the game rounds and the included observation proves how the automatism of defending one's position blocks the collective decision. The authors analyze theoretical foundations of non-transitivity, consider the mechanisms for forming negotiation deadlocks, and propose practical recommendations to get out of the state of "strategic stubbornness." The objective is to identify the psychological mechanisms of arising of negotiation deadlocks in situations of non-transitivity and describe the conditions for the transition of participants from automatic protection of the position to finding a way out of the deadlock. **Materials, Results and Discussion.** An analysis of the interactive game "Gastronomic Preferences" in the context of non-transitive relationships based on the material of game rounds and the included observation showed how the automatism of defending one's position blocks a collective decision. The emphasis is given to the moment of "awakening" — the transition from ego position to meta position, allowing you to see the whole situation and find non-obvious options. **Conclusions.** In non-transitive situations, "strategic stubbornness" leads to gridlock caused by the automatic protection of the ego position. The exit is possible only through the participants' awareness of the structure of the non-transitive cycle and the transition to the meta-level of perception, which makes it possible to transform the destructive cycle into a search for effective solutions.

Keywords: non-transitivity, Condorcet paradox, position, illusion of victory, automatism, awakening, negotiations

Citation: Bazarov T. Yu., Li Yu. Yu. The Phenomenon of "Standing your Ground": the Illusion of Victory and the Reality of a Deadlock. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 2(105). Pp. 154–158 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-154-158>

Основные положения

1. В ситуациях нетранзитивного превосходства привычная стратегия «настаивания на своем» неизбежно ведет к коллективному проигрышу, превращая защиту позиции в психологическую ловушку («принципиальное голодание»).

2. Ключевым фактором разрешения переговорного тупика является способность субъекта выйти из «тумана» автоматизмов на мета-уровень, что позволяет увидеть ситуацию целиком и заменить борьбу позиций поиском системного решения.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. В современном мире, особенно в контексте межличностных и групповых взаимодействий, мы часто сталкиваемся с ситуациями, где привычные рациональные стратегии принятия решений приводят к неожиданным тупикам. Несмотря на кажущуюся логичность и последовательность индивидуальных предпочтений, коллективный выбор может оказаться противоречивым и «зацикленным». Этот феномен, известный как нетранзитивность или парадокс Кондорсе, описанный еще в XVIII в., находит подтверждение в широком спектре междисциплинарных исследований. Актуальность данной проблемы возрастает в переговорных процессах, где «стратегическое упрямство» становится серьезным барьером для конструктивного диалога. Сущность проблемы заключается в том, что за математической формулой нетранзитивности скрывается психологическая ловушка: неспособность участников взаимодействия выйти из циклической логики ведет к феномену «принципиального голодания» или «стратегического упрямства», когда защита собственной позиции становится важнее достижения общей цели. Понимание механизмов, лежащих в основе нетранзитивных выборов, и способности личности к «пробуждению» от автоматизма защиты своей правоты имеет решающее значение для разработки эффективных стратегий преодоления конфликтов и поиска решений в сложных, многосторонних взаи-

модействиях. Анализ этого феномена через моделирование нетранзитивной ситуации в интерактивной игре позволяет глубже исследовать психологическую природу тупиков и пути выхода из них.

Цель — выявить психологические механизмы возникновения переговорных тупиков в ситуациях нетранзитивности и описать условия перехода участников от автоматической защиты позиции к поиску выхода из тупика.

Материалы, результаты и обсуждение

Ловушка рациональности. Мы привыкли думать, что если каждый знает, чего хочет, и действует последовательно, то общий результат будет логичным и справедливым. Но жизнь, особенно переговорная, постоянно предъявляет ситуации, где эта логика дает сбой. Еще в XVIII в. маркиз Кондорсе заметил странную вещь: даже если предпочтения каждого участника прозрачны и непротиворечивы, коллективный выбор может зациклиться [1]. Сегодня мы называем это нетранзитивностью.

Но за математической формулой скрывается нечто большее — психологическая ловушка. Попадая в цикл «А лучше Б, Б лучше С, но С лучше А», человек не просто теряется в расчетах, он начинает упираться. И чем сильнее он упирается, тем дальше от результата. Предлагаем рассмотреть, как мы сами создаем себе тупики и что нужно, чтобы из них выйти.

В классической науке и традиционной логике принцип транзитивности долгое время позиционировался как фундаментальный критерий рациональности и один из ключевых показателей интеллектуального развития личности. Согласно этой аксиоме если элемент А превосходит В, а В превосходит С, то А должно безусловно превосходить С. Подобная линейная иерархия кажется интуитивно понятной, однако переход от абстрактных моделей к анализу живых систем обнаруживает существование гораздо более сложных закономерностей. Как показывают междисциплинарные исследования, во множестве областей принцип транзитивности перестает работать, уступая место

феномену нетранзитивности [2]. Первые системные сомнения в универсальности транзитивных рассуждений возникли еще в XVIII в. в работах маркиза де Кондорсе, который описал парадокс социального выбора. Суть этого парадокса заключается в том, что при наличии трех и более альтернатив коллективное решение группы может образовать замкнутый цикл, даже если предпочтения каждого отдельного участника логичны и последовательны. Например, в ситуации выбора из трех вариантов большинство участников может предпочесть вариант А варианту В и вариант В варианту С, но при итоговом сравнении вариант С внезапно оказывается предпочтительнее варианта А. Этот феномен, известный как парадокс голосования Кондорсе, наглядно демонстрирует, что общественный выбор может быть внутренне противоречивым и «зацикленным», что ставит под сомнение саму возможность существования единого рационального волеизъявления большинства [2; 3].

Дальнейшее математическое обоснование этой проблемы в XX в. было связано с моделью нетранзитивных игровых костей Б. Эфрона, где для любого набора костей можно подобрать такие числа на гранях, что каждая последующая кость будет статистически выигрывать у предыдущей, но последняя в ряду неизбежно проиграет у первой. В рамках этой модели становится очевидным, что в сложных системах не существует «объективно лучшего» элемента, так как результат взаимодействия определяется специфическим сочетанием характеристик в момент столкновения. Как справедливо отмечает К. А. Михайлов [3], любая попытка выстроить такие объекты в устойчивую пирамиду превосходства обречена на провал. Более глубокий системный анализ этого явления проведен А. Н. Поддьяковым, который утверждает, что аксиома транзитивности теряет силу в ситуациях непосредственного взаимодействия объектов [2]. Он подчеркивает, что следование привычной логике транзитивности в таких случаях может стать серьезной интеллектуальной ошибкой, превращаясь в «тройного коня» обучения. Когда объекты обладают сложной структурой, включающей средства воздействия и зоны уязвимости, их иерархия неизбежно закольцовывается. В другой работе А. Н. Поддьяков выделяет уровни сложности нетранзитивности, указывая на то, что в интерактивных системах превосходство всегда контекстуально и зависит от того, с каким конкретным соперником происходит взаимодействие [4].

Психологическая плоскость данной проблемы раскрывается через призму мультисубъектной организации личности. Одно из ключевых исследований, которое провели К. Г. Акопян и В. А. Петровский, показывает прямую связь между личностными чертами человека и его склонностью к совершению нетранзитивных выборов [5]. Авторы обнаружили,

что предикторами «зацикленного» поведения часто выступают характеристики так называемой темной триады. В частности, они указывают, что высокий уровень нарциссизма и психопатии является значимым предиктором нарушения логики транзитивности. Исследователи объясняют это внутренней инконгруэнтностью личности: постоянное противоречие между эго-состояниями заставляет человека бесконечно менять ракурсы сравнения альтернатив, что ведет к нерациональному поведению. При этом макиавеллизм, как отмечают К. Г. Акопян и В. А. Петровский, напротив, чаще связан с транзитивным выбором, так как манипулятивная прагматичность требует жесткой последовательности в достижении выгоды [5].

На наш взгляд, понимание природы нетранзитивности имеет решающее значение для анализа переговорных тупиков. Когда участники взаимодействия оказываются в ситуации принципиального упрямства, они часто становятся заложниками именно этой циклической ловушки. Неспособность игрока уступить, даже под угрозой общего краха, может быть следствием не только внешней сложности, но и внутренней психологической конфигурации, где защита собственного эго становится важнее результата. Как указывает А. Н. Поддьяков, выход из подобных ситуаций возможен только через переход на мета-уровень, когда происходит осознание самой структуры нетранзитивного цикла [6]. Только такое пробуждение из тумана автоматизмов позволяет переговорщику предложить новую рамку взаимодействия, превращая деструктивную нетранзитивность в конструктивный поиск решений. Полагаем, что нетранзитивность превосходства — это объективное свойство сложной реальности, требующее от субъекта отказа от линейного мышления и готовности к глубокой психологической трансформации в процессе принятия решений.

Методика: игра как модель жизни. Мы не стали изобретать ненужные абстракции, а просто предложили студентам пообедать, вернее, выбрать общий обед для всей группы. И создали условия, в которых договориться невозможно, если каждый будет «твердо стоять на своей позиции».

Участники: 25 магистрантов-психологов, разделенных на три активные команды и одну группу аналитиков.

Правила: каждая команда получила легенду — свои «гастрономические предпочтения», выстроенные так, чтобы образовался нетранзитивный цикл:

- команда 1: пицца > бургеры > роллы;
- команда 2: бургеры > роллы > пицца;
- команда 3: роллы > пицца > бургеры.

Сначала было проведено честное голосование, и получился классический парадокс: пицца бьет бургеры, бургеры бьют роллы, но роллы бьют пиццу. Победителя нет. Дальше началась игра: 7 раундов, где

команды одновременно выбирали блюдо, а результат определялся по принципу «камень-ножницы-бумага». Цель — набрать больше побед.

Результаты: упрямство как стратегия. Результаты представлены в таблице, они красноречиво говорят сами за себя.

Таблица. Динамика групповых выборов
(Table. Dynamics of group choices)

Раунд	Команда 1	Команда 2	Команда 3	Итог раунда
1	пицца	бургеры	бургеры	пицца
2	пицца	бургеры	роллы	ничья
3	роллы	бургеры	роллы	бургеры
4	пицца	пицца	роллы	роллы
5	пицца	бургеры	роллы	ничья
6	пицца	бургеры	роллы	ничья
7	пицца	пицца	роллы	роллы

Обращают внимание второй, пятый и шестой раунды. Это чистая ничья. Ситуация, когда каждый выбрал свое решение, и в общем поле ничего не произошло. В терминах игры — все остались голодными.

Феномен «принципиального голодания». Самое интересное началось после второго раунда. Участники уже поняли механику. Аналитики зафиксировали в протоколах реплики: «Если мы сейчас не договоримся, мы все проиграем». И тем не менее в пятом и шестом раундах они снова голосуют каждый за «свое». Почему? Потому что включился автоматизм. Позиции «я — сторонник здорового образа жизни» или «я — экономный прагматик» стали важнее, чем результат. Отказаться от нее — значит предать себя, показать слабость. И группа предпочитает остаться голодной, но «принципиальной».

Это и есть тот самый феномен, который мы назвали «стратегическим упрямством». Человек не видит ситуацию целиком. Он видит только свою правоту. И в этой правоте он готов проигрывать снова и снова.

Наблюдения аналитиков: атмосфера тумана. «Совет аналитиков» отметил любопытную динамику: к пятому раунду в комнате повисло напряжение; команды перестали просто обсуждать — они начали доказывать; кто-то повышал голос, кто-то демонстративно отворачивался; эмоции захлестнули и даже превзошли логику.

Аналитики зафиксировали: участники погрузились в состояние тумана. Они не слышали друг друга. Они слышали только себя. И чем дольше длилась игра, тем сильнее они увязали в этом тумане.

Момент пробуждения: роль третьего. Выход наступил не внутри игры, а после, на этапе рефлексии, когда ведущий (в данном случае — один из авторов этих строк) задал простой вопрос: «А что для вас важнее — остаться правыми или пообедать?»

Этот вопрос прозвучал как удар колокола, потому что в реальной жизни мы редко его себе задаем. Мы

живем в иллюзии, что «стоять на своем» — это сила. На самом деле это ловушка.

Особенно ярко этот переход описан в отчете участницы Надежды Ц., фрагмент которого приведем:

«Тахир Юсупович сказал: „Если вы сейчас не выберете, вы останетесь голодными“. И это стало поворотным моментом. Я поняла: мы в тумане. И я сошла с позиции „стоять на своем“ и стала искать способ разбудить другого».

Заметьте: не «переубедить», не «продавить», а именно «разбудить». Потому что другой тоже в тумане. И пока он спит, никаких переговоров не будет.

Последствие: как иллюзия рассеивается. Поворотный момент произошел на следующий день. Надежда описала кейс с таксистом, казалось бы, бытовая мелочь, но в ней вся суть. Водитель остановил автомобиль не там, нагрубил, отказался принимать крупную купюру. Классический конфликт. Еще вчера Надежда, скорее всего, включилась бы в борьбу: «Почему вы мне хамите?», «Это ваша проблема — ищите сдачу», т. е. встала бы в позицию. Но она вдруг посмотрела на эту сцену другими глазами, под воздействием вчерашней игры. Увидела двух людей в тумане, которые вот-вот «останутся голодными», т. е. испортят друг другу настроение, потратят нервы, но ничего не добьются. И она поступила иначе. Она сказала искренне: «Мы на самом деле хорошие люди». И водитель... очнулся. Начал помогать, подвез максимально близко, пожелал удачи.

Что произошло? Надежда вышла из автоматизма, перестала доказывать, начала видеть ситуацию целиком и другого человека целиком. И вместо борьбы случился контакт.

Обсуждение: где прячется победа? В переговорах мы часто путаем победу с «продавливанием». Нам кажется, если мы настояли на своем, мы выиграли. Но давайте вернемся к игре. Команды, которые стояли на своем, проигрывали раунд за раундом. Они получали ноль, когда могли заработать хотя бы что-то.

Базаровская формула проста: **выигрывает не тот, кто прав, а тот, кто видит ситуацию целиком**, кто способен выйти из своей позиции, посмотреть на систему снаружи и найти ход, которого не замечают остальные.

В нетранзитивных играх этот ход часто лежит не в плоскости «кто кого переупрямит», а в плоскости «кто первый предложит новую рамку». Кто скажет: «Давайте подумаем, как нам всем не остаться голодными».

Заключение: иллюзия обмана. Есть такое выражение — «иллюзия обмана», т. е. ты думаешь, что двигаешься к цели, а на самом деле увязаешь все глубже. Позиция «стоять на своем» — это в чистом виде иллюзия обмана. Человеку кажется, что он сильный, принципиальный, что он не сдается. А на самом деле он просто застыл, и пока он стоит, жизнь идет мимо.

Проведенная игра показала: прорыв происходит только тогда, когда кто-то один выходит из транса. Сначала видит туман, потом себя в этом тумане, затем другого, делает шаг навстречу. Это не уступка, а расширение реальности. И именно этому стоит учиться психологам-переговорщикам.

Выводы

1. В условиях нетранзитивного выбора, моделируемого интерактивной игрой, участники склонны демонстрировать феномен «принципиального голодания», или «стратегического упрямства». Это проявляется в автоматической защите собственной эго-позиции, что приводит к блокированию коллективного решения и неспособности достичь общего результата, даже когда это невыгодно для всех.

2. Выход из нетранзитивного тупика возможен посредством «пробуждения» — осознанного перехода на мета-уровень восприятия ситуации, который позволяет увидеть замкнутую структуру проблемы. Преодоление автоматизма поведения и состояния тумана (когда участники не слышат друг друга и сосредоточены лишь на собственной правоте) способствует нахождению новых, конструктивных вариантов решения и трансформации деструктивного цикла взаимодействия в эффективный поиск общего результата.

Область применения и перспективы. Полученные результаты имеют высокую практическую

значимость для психологии переговоров, медиации и разрешения конфликтов. Понимание феномена «принципиального голодания» и механизмов «пробуждения» может быть использовано для разработки тренинговых программ, направленных на развитие мета-позиции и гибкости мышления у переговорщиков. В области практической психологии эти знания помогут специалистам эффективнее работать с группами и отдельными людьми, застрявшими в позиционных конфликтах.

Перспективы дальнейших исследований включают изучение того, как индивидуальные личностные особенности участников влияют на проявление «стратегического упрямства» и способность к «пробуждению» в нетранзитивных ситуациях. Необходимо также рассмотреть факторы, которые усиливают фиксацию на эго-позиции или способствуют переходу на мета-уровень восприятия. Целесообразно проведение серии дополнительных замеров и игровых сессий с варьирующимися условиями на разных выборках, что позволит проследить динамику принятия решений в нетранзитивных циклах. Кроме того, сравнительный анализ феномена «принципиального голодания» и механизмов выхода из тупика в различных культурных контекстах поможет выявить универсальные и культурно-специфические факторы нетранзитивного поведения.

Список источников / References

1. Кондорсе М. де. Эссе о применении анализа к вероятности решений, принимаемых большинством голосов. Париж, 1785. 194 с
2. Поддьяков А. Н. Непереходность (нетранзитивность) отношений превосходства и принятие решений // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. № 3. С. 88–111.
3. Михайлов К. А. Логика : учебник для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014. 636 с.
4. Поддьяков А. Н. Принцип нетранзитивности превосходства в разных парадигмах // Вопросы психологии. 2019. № 2. С. 3–16.
5. Акоюн К. Г., Петровский В. А. Нетранзитивность выбора в темной триаде // Вопросы психологии. 2019. № 2. С. 16–28.
6. Поддьяков А. Н. Правило транзитивности против нетранзитивности выбора // Наука и жизнь. 2017. № 3. С. 130–137.

Поступила 27.12.2025; одобрена после рецензирования 21.01.2026; принята к публикации 30.03.2026.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-теоретическая статья

УДК 159.923.2+152.26+31 © Александровская В. Н., Муханова И. Ф., Пузь И. В., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-159-165

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Онтогенез жизненных перспектив личности: социокультурная природа и имагинальные детерминанты

Валентина Николаевна Александровская, доктор философских наук, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и психологии¹; valentinaalexandrovskaya@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-8263-3834>

Ирина Федоровна Муханова, кандидат психологических наук, доцент кафедры философии и психологии¹; mukhanovai@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3666-4581>

Ирина Владимировна Пузь, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры философии и психологии¹; i.puz2025@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3697-1637>

¹ Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького Минздрава России, 283003, Донецк, пр-кт Ильича, 16, Донецкая Народная Республика, Россия

Реферат. Введение. В отличие от классических представлений о жизненной перспективе как о когнитивной схеме (плане) или временной трансперспективе, в работе впервые предлагается рассматривать ее как продукт имагинативного конструирования. Цель — концептуализировать бинарную структуру онтогенеза жизненных перспектив личности. **Материалы и методы.** Использовалась система методов историко-психологического анализа: теоретические, структурно-аналитический, генетический методы, методы интерпретации, сравнительный, логический и исторический анализ. **Результаты и обсуждение.** Представлена исследовательская модель триады «культура — идеальный образ — жизненные перспективы» как идеальный механизм онтогенеза жизненных перспектив личности. Сам онтогенез жизненных перспектив дан как бинарное образование «онтогенез — дизонтогенез», показаны его последствия и перспективы работы с ним. Методологический подход позволил на основе трех научных комплексов осмыслить жизненные перспективы как идеальный феномен, социокультурную систему и синдромокомплекс в сфере сознания, определить основные направления работы с иррациональными образованиями в онтогенезе жизненных перспектив личности. **Выводы.** Изучение концептуально-методологического вектора исследования заявленной нами проблемы как в психологии, так и на междисциплинарном уровне позволило сделать главный вывод о том, что жизненные перспективы являются продуктом культуры, а имагинальные (идеальные) детерминанты выступают ключевым механизмом их формирования и трансформации в онтогенезе.

Ключевые слова: жизненные перспективы, культура, онтогенез, дизонтогенез, идеальный образ, социокультурный синтез, модель, имагинальные детерминанты

Для цитирования: Александровская В. Н., Муханова И. Ф., Пузь И. В. Онтогенез жизненных перспектив личности: социокультурная природа и имагинальные детерминанты // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 2(105). С. 159–165. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-159-165>

Scientific and Theoretical Article

UDC 159.923.2+152.26+31 © Alexandrovskaya V. N., Mukhanova I. F., Puz' I. V., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-159-165

5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

Ontogenesis of Life Perspectives of Personality: Sociocultural Nature and Imaginal Determinants

Valentina N. Alexandrovskaya, Doctor of Science (in Philosophy), Doctor of Science (in Psychology), Professor, head of the chair of Philosophy and Psychology¹; valentinaalexandrovskaya@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-8263-3834>

Irina F. Mukhanova, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor at the chair of Philosophy and Psychology¹; mukhanovai@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3666-4581>

Irina V. Puz', Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Philosophy and Psychology¹; i.puz2025@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3697-1637>

¹ Donetsk State Medical University named after M. Gorky of the Russian Ministry of Health, 16, Ilyich pr., Donetsk, the Donetsk People's Republic, 283003, Russia

Abstract. Introduction. In contrast to the classical ideas about life perspective as a cognitive scheme (plan) or temporal transperspective, the work for the first time proposes to consider it as a product of imaginative constructing. The aim is to conceptualize the binary structure of ontogenesis of the life prospects of a person. **Materials and Methods.** A system of methods of historical and psychological analysis was used: theoretical, structural and analytical, genetic methods, interpretation methods, comparative, logical and historical analysis. **Results and Discussion.** A research model is presented – the triad "culture-ideal image-life prospects" as an ideal mechanism for ontogenesis of life prospects of a person. The ontogenesis of life prospects itself is given as a binary formation "ontogenesis – dysontogenesis," its consequences and prospects for working with it shown. The methodological approach made it possible, on the basis of three scientific complexes, to comprehend life prospects as an ideal phenomenon, a sociocultural system and a syndrome complex in the field of consciousness, to determine the main areas of work with irrational formations in the ontogenesis

of life prospects of a person. **Conclusions.** The study of the conceptual and methodological vector of the research of the alleged problem both in psychology and at the interdisciplinary level allowed us to draw the main conclusion that life prospects are a product of culture, and imaginal (ideal) determinants are the key mechanism for their formation and transformation in ontogenesis.

Keywords: life perspectives, culture, ontogenesis, dysontogenesis, ideal image, sociocultural synthesis, model, imaginal determinants

Citation: Alexandrovskaya V. N., Mukhanova I. F., Puz' I. V. Ontogenesis of Life Perspectives of Personality: Sociocultural Nature and Imaginal Determinants. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 2(105). Pp. 159–165 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-159-165>

Основные положения

1. Впервые в научный оборот вводится и обосновывается синтетическая модель «культура — идеальный образ — жизненные перспективы». Имманентная взаимосвязь элементов данной триады обеспечивается их единой идеальной (нематериальной) природой. Это позволяет рассматривать культуру, идеальные образы и жизненные перспективы не как разрозненные феномены, а как сопряженные психические механизмы, определяющие онтогенез личности.

2. Жизненные перспективы имеют не генетическую, а социокультурную природу; именно культура, а не социальные требования формирует личность с ее жизненными перспективами. Жизненные перспективы — это внутренняя форма языка познания окружающего мира; чисто методологически это ситуация, когда внешнее познается через внутреннее.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Современная социокультурная ситуация характеризуется высокой степенью неопределенности, ускорением социально-политических изменений и кризисом традиционных моделей жизненного пути личности, в связи с чем линейное планирование жизни утрачивает свою эффективность. Это требует переосмысления того, как формируется образ будущего у человека в процессе взросления. На современном этапе в науке наблюдается «имагинальный поворот» (переход от изучения репродуктивного воображения к продуктивному). Исследователи все чаще обращаются к роли образов, фантазий и ментальных репрезентаций в регуляции поведения. Однако вопрос, как именно воображение (имагинативные процессы) определяет содержание и структуру жизненных перспектив на разных этапах онтогенеза, остается недостаточно разработанным.

В современном понимании жизненная перспектива рассматривается как целостный образ будущего. Ее содержание составляют не только цели и планы, но также представления о способах их реализации, ресурсном обеспечении, потенциальных препятствиях и совокупности вероятных (планируемых и ожидаемых) событий, образующих сложную многостороннюю взаимосвязь. Подчеркивается, что данный феномен имеет динамическую природу, находясь в процессе постоянного развития и трансформации [1].

Жизненные перспективы личности — это не прямолинейное или одномерное явление. Это сложное и многофакторное образование. Прежде всего, жизненные перспективы имеют многофакторную социокультурную природу и полифункциональную организацию, а сам онтогенез жизненных перспектив движется по вектору социокультурного содержания с определенными уровнями своего развития.

Кроме того, образ жизненных перспектив, как и культура в целом, является идеальной (нематериальной) сферой мироздания и занимает особое место в «картине мира». Формируя жизненные перспективы, культура и идеальный образ детерминируют их качественное развитие и удерживают в природных человеческих рамках.

В разное время рядом современных авторов вводились культурные основания психики: «Культура работы сознания» (Л. С. Выготский); «Культура психической деятельности» (Н. В. Абаев); «Культурная палитра сознания» (В. В. Сидорова); «Творческая активность сознания» (М. Н. Морозов); «Культурные модели и способы деятельности психики», а также «Бессознательные комплексы человеческой психики» (С. В. Лурье); «Социокультурная среда детства» (Р. Вудвордс, Г. Лебон, М. Мольц, Г. Тард, Э. Торндайк, Дж. Уоллес и др.); «Теория культурно-исторической психики» (Л. С. Выготский); общие вопросы методологии культуры психики (Г. Балл, Н. Чепелева и др.).

В настоящей статье предлагается *синтетическая модель триады* «культура — идеальный образ — жизненные перспективы». Эта триада представляет культуру и идеальный образ как имманентную взаимосвязь и взаимодействие, являющиеся механизмами онтогенеза жизненных перспектив личности.

В связи с этим **цель** нашего исследования — концептуализировать бинарную структуру онтогенеза жизненных перспектив личности. **Задача** работы — оказать функционирование и механизмы действия модели «культура — идеальный образ — жизненные перспективы».

Новизна исследования заключается в обосновании синтетической модели триады «культура — идеальный образ — жизненные перспективы», элементы которой объединены общей идеальной природой и выступают механизмами онтогенеза жизненных перспектив, а также в междисциплинарной интегра-

ции философско-феноменологического, культурно-исторического и психологического подходов для объяснения того, как и почему именно в воображении (имагинации) зарождается и развивается образ будущего человека, и его вплетения в ткань социокультурного бытия.

Материалы и методы

Методологическим основанием предложенной нами синтетической модели, отражающей механизм онтогенеза жизненных перспектив, служили концепция «культурно-исторического развития психики» Л. С. Выготского [2]; теория «системной динамической локализации высших психических функций человека» А. Р. Лурия [3]; ряд понятий из нейропсихологии: «мозговая локализация», «функциональные системы», «синдромный (факторный) анализ», «дифференциальная диагностика» и другие принципы психологического анализа [4].

Данный общенаучный методологический подход позволил сформулировать три научных комплекса для частнонаучной психологической проблемы жизненных перспектив личности.

Первый научный комплекс — «феноменологический»: 1) проблема выяснения фундаментальных основ онтогенеза жизненных перспектив личности; 2) определение категориального оформления феномена социокультурной природы и имагинальных детерминант жизненных перспектив личности; 3) представление жизненных перспектив личности как социокультурного образования; 4) понимание и объяснение существования в обществе и науке бинарной структуры онтогенеза жизненных перспектив личности.

Второй научный комплекс — «системный»: 1) выяснение природы жизненных перспектив (их гносеологический анализ); 2) установление структурно-функциональной организации жизненных перспектив; 3) определение имманентных связей жизненных перспектив, их места и роли в индивидуальной психике личности; 4) выделение базовых основ в онтогенезе жизненных перспектив; 5) экспансия проблемы жизненных перспектив на междисциплинарный уровень и научное становление данной проблемы как базового вектора исследования в психологии личности.

Третий научный комплекс — «метасистемный»: 1) теоретико-методологическая рефлексия психологии жизненных перспектив личности; 2) концептуализация психологического онтогенеза жизненных перспектив; 3) теоретические обоснования дифференциации социокультурной природы и имагинальных детерминант как бинарного синдрома комплекса жизненных перспектив личности.

Использовалась система методов историко-психологического исследования: 1) теоретические методы (анализ, синтез, обобщение, индукция, дедукция, абстрагирование); 2) эмпирические методы: а) методы

планирования (структурно-аналитический, сравнительный, генетический); б) методы интерпретации (идеогенез, моделирование, парадигмальный, категориальный анализ); 3) в системном подходе: а) сравнительный анализ (динамика процессов); б) логический анализ (развитие ситуации); в) исторический анализ (существование проблемы).

Результаты и обсуждение

Историко-психологический обзор. Сама идея жизненных перспектив — это сфера идеального (психического) пространства. В истории философии и науки началом классического понимания идеального считается подход Сократа, согласно которому учение об идеях как источнике идеального с самого начала могло зародиться только в сфере культуры, а не в мире природы, поэтому надо рассматривать не природу вещей, а природу людей как носителей не только биологической, но и социокультурной эволюции человечества, так как именно культура и культурное сознание (мышление) как идеальная сфера способны порождать идеи (эйдосы, по Платону), идеальное (психическое).

Поэтому особенностью нашей модели «культура — образ — жизненные перспективы» является, прежде всего, их общая идеальная (социокультурная) сущность. В современной науке идеальный образ — это психический фокус неорганического (идеального), социокультурного развития человека и человеческой цивилизации. В настоящее время идеальный образ поднялся на уровень психического отражения действительности и является стратегическим вектором междисциплинарного исследования и базовой категорией психологии. В рамках этой перспективы развивается и научная психологическая проблема жизненных перспектив человека.

Исследователи данной проблемы считают, что в историко-психологическом смысле для идеального образа настал «час imago» — образ достиг своего исторического признания; он включился (вследствие социокультурной трансформации человечества) в новые условия своего существования — в «визуально-ориентированную цивилизацию» [5], выступает как стереотип не только эволюционных процессов, но и исторического развития человечества [2]. На уровне индивидуального возрождения этих природных процессов идеальный образ предстает как модель поведения, культурный навык, носитель социокультурной онтологии человеческой психики [6]. Он является свидетельством того, что культурное развитие — это сфера компенсации недостаточности органического развития.

В XX в. историки психологии признали тот факт, что образ как психологическое понятие имеет более чем 25-столетнюю историю своего научного бытия. Поэтому попытки исключить его из системы психологических категорий, предпринятые в начале XX сто-

летия, в ходе антименталистского бунта, закончились «возвращением образа из изгнания» и обновлением позиций данного понятия даже в таком крайнем выражении науки, как бихевиоризм. И как один из наиболее фундаментальных психический образ все еще остается труднодоступным для конкретно-научного исследования [7; 8].

«Возвратившись из изгнания» идеальный (психический) образ получил культурно-историческое обоснование, методологический статус и место базовой категории в психологии. Он продемонстрировал свою культурную гносеологию и онтологию. Так, синтез идеального образа, культуры и жизненных перспектив — это фундаментальная связь, формирующая сознательного субъекта, а сам процесс формирования жизненных перспектив — это культурогенез человека в обществе [6, с. 76].

Кризис культуры приводит к кризису в идеальной сфере, к формированию иррационального мышления со всеми вытекающими последствиями не только в смысле жизненных перспектив личности, но и в когнитивно-поведенческих, эмоциональных, психосоматических и др. [2].

Хотя формирование жизненных перспектив — это осмысленный процесс с социокультурной психикой в основании, тем не менее каждый феномен имеет свой антипод. Иными словами, гносеологическими корнями, природой и началом построения жизненных перспектив являются как рациональное мышление, так и иррациональное. Разумеется, имея в своем основании противоположное (и даже антагонистическое) основание, жизненные перспективы таких личностей будут кардинально разными — как просоциальными, так и антисоциальными. В целевой установке таких индивидов, особенно в юношеском возрасте, будут находить совершенно противоположные «картины мира» (табл. 1).

Образ жизненных перспектив человека демонстрирует специфические свойства психики, как бы «маркирует» человека в обществе, а сами жизненные перспективы наполняются новыми понятиями, пониманием, движением к цели.

В связи с этим необходимо указать и тот факт, что онтогенез жизненных перспектив личности с недостаточной культурной развитостью имеет и свой антипод — дизонтогенез с соответствующими свойствами. Понятие «дизонтогенез» впервые появилось в психиатрии и было введено Й. Швальбе. В детской психиатрии оно означало наличие морфологически незрелых структур плода у новорожденного. В дальнейшем обобщенный характер этого понятия стал трактоваться довольно широко как в психиатрии, так и в ряде других наук — психологии, культурологии и др. В общем, дизонтогенез стал означать «искажение онтологического развития» (Г. Я. Трошкин), «лич-

Таблица 1. Характеристика типов иррационального мышления проблемной молодежи
(Table 1. Characteristics of types of irrational thinking of problematic youth)

Типы	Характеристики иррационального мышления
Выборочное абстрагирование	Лица юношеского возраста произвольно выбирают ситуацию из жизненного контекста, на ее основе обобщают и интерпретируют весь свой жизненный цикл (онтогенез), в том числе видение своих жизненных перспектив
Произвольное суждение	Молодой человек делает вывод на основе слухов, домыслов, мыслей и даже противоречивых доказательств
Более преувеличенные обобщения	Из одного аспекта социальной ситуации (действий одного коллектива, преподавателя) молодежь выводит необоснованный общий вывод (о школе, вузе, всей системе образования, всех преподавателях)
Преувеличение и уменьшение	Молодой человек склонен преувеличивать негативные аспекты ситуации и уменьшать позитивные
Персонализация	Личность рассматривает неприятные внешние события как направленные против нее (хотя такой связи нет)

ностные расстройства социального генеза» (Е. В. Макушкин). В дальнейшем, отмечает Е. В. Макушкин, концепция Л. С. Выготского стала базисной не только для психологии, но и для детской и подростковой психиатрии [9]. Эти фундаментальные положения найдут отражение в работах всех последующих отечественных исследователей асинхронии, задержек, повреждений развития, т. е. психического дизонтогенеза.

В этом случае в основу видения жизненных перспектив закладывается иррациональное мышление у проблемной категории молодежи. Сами жизненные перспективы, говоря словами психиатра С. Э. Полякова, представляют собой «психические репрезентации». «Правильнее сказать, — пишет автор, — что психические репрезентации не моделируют, а первично конституируют и представляют в сознании то, что существует в физической реальности в недоступной нашему сознанию форме „вещей в себе“... психические репрезентации — это всегда единственная возможность представительства в сознании предмета или явления, которые для человека никак иначе не существуют, и в его сознании не представлены, а в физическом мире в такой форме вовсе отсутствуют» [10, с. 71–72].

Актуализируя эту мысль психиатра С. Э. Полякова, современный психолог В. Н. Александровская отмечает, что она позволила ей указать «гносеологические корни механизмов возникновения чувственных образов и понятий, формирующих у ребенка образ социального окружения и соответствующее отношение к нему. Эти корни мы видим в системной модели воспитания» [11, с. 168]. В свою очередь в этих позициях двух ученых — психиатра и психолога — мы видим общенаучное методологическое основание для его применения в исследовании процесса формирования

жизненных перспектив как социальной саморепрезентации молодежи с разным психическим состоянием их личности. На этом основании мы использовали и адаптировали разработанную В. Н. Александровской таблицу «Характеристики типов иррационального мышления проблемной молодежи» (табл. 1) с целью показать дизонтогенез в формировании жизненных перспектив [11, с. 168].

Психологи отмечают, что культуру и идеальный образ надо воспитывать, как и все остальное [12]. По мнению А. А. Гостева, образ формируется в семье и его экзистенциальный процесс осуществляется на основе семейных и общественных ценностей [13, с. 220].

Именно дефицит идеального (психического) развития в семейной культуре формирует негативные идеальные образы окружающего мира у лиц с девиантными отклонениям, трудным характером, иррациональным мышлением, а сам термин «проблемный подросток» («проблемная молодежь») — это социокультурный «образ-стереотип» как результат деформации идеальной сферы в семейной социокультурной идеологии [9, с. 46].

Позитивный идеальный образ окружающего мира — это уклонение от социального дизонтогенеза удержания личности на позициях адекватного образа-Я.

Представим социокультурную модель семейного образа личности (рис.).

Рис. Социокультурная модель семейного образа личности (Fig. Sociocultural Model of the Family Image of the Personality)

Таким образом, психологический анализ показал, что синтез развитой культуры личности и ее идеальной сферы — это самое сложное психосемантическое образование и внешнее проявление психосемантической саморегуляции. Идеальный образ — это ткань,

в которой функционирует жизнь психики и сознания. Следовательно, индивидуальный образ жизненных перспектив — это та мировоззренческая ткань, в рамках которой происходит целенаправленное функционирование психики и сознания человека.

Социокультурная модель онтогенеза жизненных перспектив. Связь культурного содержания идеальной сферы личности, ее культурного представления и восприятия обеспечивает фундаментальный смысл отражения окружающего мира, является способом освоения действительности через формирование жизненных перспектив человека. Образ жизненных перспектив — это культура человека, исходная платформа видения «картины мира». Культура формирует идеальную сферу личности, создает гуманитарный базис образа-Я, обеспечивает творческий и конструктивный характер любой деятельности человека в обществе. Именно культура как наиболее фундаментальное явление, а не социальные требования формирует человеческое поведение (табл. 2). Поэтому сам человек с его идеальной сферой — продукты культуры [14, с. 72].

Таблица 2. Возможные имажинальные преобразования в видении жизненных перспектив (Table 2. Possible imaginal transformations in the vision of life perspectives)

Направление работы	Содержание работы
1. Цель	Формирование перспективного образа успешного человека. Формирование адаптивного образа успешного человека. Формирование универсального образа жизненных достижений (перспектив). Замена старого образа-Я новым
2. Причина	Наличие кризисного (социально устаревшего или уже не воспринимаемого) образа успешного человека. Необходимость формирования упреждающего (заранее подготовленного) ситуативного образа в процессе онтогенеза жизненных перспектив
3. Системность	Радикальная замена образа-Я на пути к успеху в процессе онтогенеза. Непрерывная имажинальная работа над собой
4. Уровень	Макроуровень формирования образа-Я. Микроуровень формирования образа-Я
5. Функция	Дифференциация собственных саморепрезентаций, самооценка собственных образов успешности и выстраивания жизненных перспектив. Творческая работа над своим образом
6. Стратегия	Настойчивость, заинтересованность, наступательность в формировании образа-Я на пути к успеху. Умение выстраивать защитные образы-Я
7. Способы	Радикальные, быстрые, бескомпромиссные, при необходимости постепенные и эволюционные
8. Объект	Переориентация в самообразе. Реорганизация внутренних культурных ресурсов. Реструктуризация своих возможностей трансформации самообраза

Поскольку у идеального образа — социокультурная природа, то и индивидуальные жизненные

Таблица 3. Социокультурная природа онтогенеза жизненных перспектив личности
(Table 3. The sociocultural nature of the ontogenesis of personal life perspectives)

Уровни	Содержание жизненных перспектив
Первый уровень (морфологический, структурно-культурный) 1. Биопсихофизический локус (в образах) 2. Социальный локус (в образах) 3. Собственно культурный локус (образ-Я) 4. Мировоззренческий локус (в образах) 5. Духовный локус (в образах)	— образ своего тела, его самовосприятие; — соблюдение телесной культуры; — психосоматика; формирование биопсихофизических основ образа-Я (Я-концепции); — дефицит телесных ощущений и имажинальные деформации — образы и поведенческие модели адаптации; — адекватные образы социальной адаптации, социализации; — образы общения, подражания, самоидентификации; — формирование социального образа-Я и Я-концепции — формирование культурного комплекса образа-Я; — образ матери (с мировоззрением матери); — личное отношение к окружающему миру; — самоидентификация образа-Я; — формирование культурных основ образа-Я — образы всей системы ценностей; — образы системы взглядов; — образы и модели поведенческих норм и принципов социального общежития; — образы мотиваций поступков и т. п. — степень овладения эталонными образами общественного сознания: нравственного (образы совести, чести, долга, достоинства, ответственности, дисциплины); культурного, этического, эстетического, религиозного, социального, исторического, политического, идеалистического, правового, экономического, научного и т. п.
Второй уровень (функциональный)	— комплексная представленность всех локусов в образах жизненных перспектив личности; — место и роль Я-концепции и внутренних сил в системе жизненных перспектив личности; — социокультурное воспитание психики в онтогенезе жизненных перспектив; — психологическое освоение мира и жизни в процессе формирования жизненных перспектив личности
Третий уровень (психологический)	— чувственные, ментальные, когнитивные образы в структуре жизненных перспектив; — степень развития эмоциональных, вербальных, творческих образов в жизненных перспективах личности; — образы (модели) поведения и деятельности личности в жизненных перспективах человека; — образы сознания, бессознательного, сверхсознания в рамках жизненных перспектив личности

перспективы по природе своей также являются социокультурным образованием. Социальная культура через индивидуальные образы жизненных перспектив создает культурную структуру формирующейся личности, смысл жизни, мировоззрение и т. п. [15]. Идеальный образ — это интегратор всех частей сознания человека, строящего свои жизненные перспективы. Приведем таблицу уровней и содержания онтогенеза жизненных перспектив личности (табл. 3).

Чтобы проиллюстрировать возможный противоположный онтогенез жизненных перспектив у разных людей, представим методологическую структурно-логическую схему «Картина мира» [11, с. 203]. Под «картиной мира» мы подразумеваем картину жизненных перспектив (в индивидуальных образах восприятия) (табл. 4).

Выводы

1. В работе впервые представлена синтетическая модель триады «культура — идеальный образ — жизненные перспективы». Имманентную взаимосвязь и взаимодействие этой триады составила единая идеальная (нематериальная) суть этих трех факторов, явившихся идеальными (психическими) механизмами онтогенеза жизненных перспектив личности.

2. Модель триады «культура — идеальный образ — жизненные перспективы» детерминирует качественное различие жизненных перспектив, удерживая личность в культурных рамках социогенеза.

Данная модель позволила посмотреть на онтогенез жизненных перспектив как на бинарное образование — «онтогенез-дизонтогенез» с соответствующим анализом обеих сторон.

3. В основу методологии исследования представленной проблемы положены фундаментальные концепции ведущих отечественных психологов (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия), что позволило развернуть общенаучный методологический подход на основе трех научных комплексов — феноменологическом, системном, метасистемном, а также применить ряд историко-психологических методов исследования: теоретических, эмпирических, системного подхода и др.

4. Модель триады «культура — идеальный образ — жизненные перспективы» показала, что жизненные перспективы — это способ освоения действительности и продукт культуры, что именно культура, а не социальные требования лежит в онтогенезе жизненных перспектив личности.

5. Социокультурная модель жизненных перспектив вывела на многовекторное исследование характеристик типов иррационального мышления проблемной молодежи, картины жизненных перспектив в индивидуальных образах восприятия мира: сравнительный анализ, возможные имажинальные преобразования в видении жизненных перспектив, социокультурной природы онтогенеза жизненных перспектив, модель семейной культуры поведения.

Таблица 4. Картина жизненных перспектив в индивидуальных образах восприятия мира: сравнительный анализ
(Table 4. The picture of life perspectives in individual images of world perception: a comparative analysis)

Дезадаптивная к жизни молодежь	Адаптивная к жизни молодежь
Тяжело преодолевает переходные периоды в жизни	Преодолевает переходные периоды без особых трудностей
Тяжело воспринимает изменения, трудно адаптируется к ним, сложно самоизменяется	Время перехода занято энергичной творческой деятельностью
Столкнувшись с требованиями переходного периода, переживает это время как бесконечно пронизанное болью и страданиями	Успешно справляется со стрессом, творчески преодолевает его, проявляет гибкость приспособления к новым ситуациям
Самое главное — просто выжить в переходный период, выстоять это время	Располагает богатой репрезентацией через системное имажинальное (образное) ее моделирование, видит выходы из нее
В переходный период находится в стрессе, с которым не может справиться	Различает широкий набор возможностей в выборе собственных действий
Считает, что набор возможных выборов ограничен и не один из имеющихся выборов для нее не представляет ценности	Экспериментирует с возможными выходами из создающихся ситуаций (в процессе онтогенеза жизненных перспектив)
Я-концепция плотно скована рамками идеального образа «Я — прирожденный неудачник», «мне нет места в этом мире», «я не вижу ни одного достойного выхода»	В основе Я-концепции лежит самопонимание: «Я — не хуже других», «не может быть, чтобы я не нашел адекватного выхода», «из любой ситуации всегда должны быть выходы»
Не перестает себе причинять страдания и боль	Не занимается самоедством, считает, что «и на нашей улице будет праздник», что «в конце любого тоннеля всегда бывает выход»
Поведение неуравновешенное, иногда неоправданное, нервное и бесцельное	Поведение осмысленное и целенаправленное

Область применения и перспективы. Материалы статьи могут быть использованы в преподавании ряда курсов: «Основы общей психологии», «Основы педагогики», «Возрастная психология», «Психотерапия и консультирование» и т. д.

В работе представлены концептуально теоретические и методологические подходы к дальнейшему эмпирическому исследованию жизненных перспектив личности. Перспективы дальнейшего исследования проблемы жизненных перспектив личности: возможность модельного построения и использования концептуально-диагностического комплекса для анализа жизненных перспектив личности; система «онтогенез-дизонтогенез» жизненных перспектив может быть исследована в рам-

ках синдромного анализа, факторного подхода, дифференциальной диагностики и т. п.; в методологическом отношении проблема жизненных перспектив личности может исследоваться как целостное, комплексное образование социокультурной природы с полиморфной и многофакторной структурой; созданная модель «культура — идеальный образ — жизненные перспективы» в процессе онтогенеза дает возможность наблюдать, прогнозировать и классифицировать нарушения социокультурного и имажинального спектра жизненных перспектив личности, сформировать имажинальные и социокультурные преобразования в видении жизненных перспектив личности, практически работать с уровнями их онтогенеза.

Список источников / References

1. Муханова И. Ф. Жизненная перспектива личности: психологические механизмы проектирования и конструирования // *International Journal of Medicine and Psychology*. 2025. Vol. 8, № 8. Pp. 258–264.
2. Выготский Л. С. Психология развития человека. М., 2005. 1136 с.
3. Лурия А. Р. Основы нейропсихологии : учеб. пособие. 8-е изд. М., 2013. 384 с.
4. Микадзе Ю. В. Нейропсихология детского возраста: теория и методы. СПб., 2012. 288 с.
5. Симоненко С. М. Психология визуального мышления: стратегияльно-семантический подход. Одесса, 2005. 320 с.
6. Александровская В. Н. Идеальный образ: концептуально-психологические векторы исследования : монография. Сумы, 2015. 338 с.
7. Хольт Р. Образы: возвращение из изгнания // Зрительные образы: феноменология и эксперимент. Душанбе, 1981. Ч. 1. С. 53–55.
8. Смирнов С. Д. Психология образа: Проблема активности психического отражения. М., 1985. 265 с.
9. Макушкин Е. В. Агрессивное криминальное поведение у детей и подростков с нарушенным развитием. М., 2009. 240 с.
10. Поляков С. Э. Феноменология психических репрезентаций. СПб., 2011. 668 с.
11. Александровская В. Н. Идеальный образ: теоретико-практические аспекты исследования : монография. Сумы, 2016. 424 с.
12. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкий В. В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. М., 2008. 668 с.
13. Гостев А. А. Образная сфера человека. М., 1992. 320 с.
14. Глухова О. Г. Идеальный образ: социокультурные детерминанты и функции // Антропологические измерения философских исследований : сб. науч. тр. Днепрпетровск, 2012. Вып. 1. С. 69–77.
15. Сагатовский В. Н. Бытие идеального : монография. СПб., 2003. 103 с.

Поступила 23.12.2025; одобрена после рецензирования 10.01.2026; принята к публикации 30.03.2026.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-теоретическая статья

УДК 159.9.07 © Штраух К. П., Абдуллин А. Г., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-166-171

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Альтруистические установки и просоциальное поведение как предикторы зрелых форм патриотизма

Ксения Петровна Штраух, аспирант кафедры психологии управления и служебной деятельности¹;

shtraukhkp@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0006-2891-6637>

Асат Гиниатович Абдуллин, доктор психологических наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры психологии управления и служебной деятельности¹; asatabdullin50@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0804-6148>

¹ Южно-Уральский государственный университет, 454080, Челябинск, пр-кт Ленина, 76, Россия

Реферат. Введение. Рассмотрены альтруистические установки и просоциальное поведение как предикторы зрелых форм патриотизма. Цель — определить степень и особенности влияния альтруистических установок и просоциального поведения личности на формирование у нее истинного патриотизма. Проведен анализ методологических подходов ряда авторов, которые в разное время рассматривали понятия «альтруизм», «просоциальное поведение», «патриотизм». В целях всестороннего охвата исследований в области психологии и социальных наук проведен поиск в таких базах как, eBook Academic Collection, APA PsycArticles, APA PsycInfo, PSYINDEX Literature with PSYINDEX Tests и др. **Материалы, результаты и обсуждение.** Зрелый патриотизм — это не эмоциональные проявления, а четкая форма просоциального поведения. В его основе лежат альтруистические установки, которые выступают в качестве двигателя всех процессов, связанных с проявлением патриотических начал. Альтруизм определяется как добровольное поведение, влечет за собой личные издержки и направлено на благо других без внешних обязательств или ожидания личной выгоды. Просоциальное поведение представляет собой дальнейшее развитие личности, которой свойствен зрелый патриотизм. **Выводы.** В основе зрелого патриотизма лежат альтруистические установки, которые выступают в качестве двигателя всех процессов, связанных с проявлением патриотических начал. Истинный зрелый патриотизм может выражаться в различных формах, поскольку в основе любой личности имеются определенные ценностные компоненты, формирующие ее отношение к миру.

Ключевые слова: патриотизм, альтруистические установки, просоциальное поведение, проактивность

Для цитирования: Штраух К. П., Абдуллин А. Г. Альтруистические установки и просоциальное поведение как предикторы зрелых форм патриотизма // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 2(105). С. 166–171. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-166-171>

Scientific and Theoretical Article

UDC 159.9.07 © Shtraukh K. P., Abdullin A. G., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-166-171

5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

Altruistic Attitudes and Prosocial Behavior as Predictors of Mature Forms of Patriotism

Kseniya P. Shtraukh, post-graduate student at the chair of Psychology of Management and Service 1; shtraukhkp@gmail.com;

<https://orcid.org/0009-0006-2891-6637>

Asat G. Abdullin, Doctor of Science (in Psychology), Professor, senior researcher at the chair of Psychology of Management and Service 1; asatabdullin50@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0804-6148>

¹ South Ural State University, 76, Lenin pr., Chelyabinsk, 454080, Russia

Abstract. Introduction. Under consideration are altruistic attitudes and prosocial behavior as predictors of mature forms of patriotism. The purpose is to establish the extent and peculiarities of person's altruistic attitudes' and prosocial behavior influence on formation of true patriotism. The paper examines methodological approaches used by different authors who analyzed the concepts of "altruism", "prosocial behavior", "patriotism". In order to comprehensively view the studies in the fields of psychology and social sciences the author attempts the search in: eBook Academic Collection, APA PsycArticles, APA PsycInfo, PSYINDEX Literature with PSYINDEX Tests etc. **Materials, Results and Discussion.** Mature patriotism is not about emotional manifestations, but a clear form of prosocial behavior. It is based on altruistic attitudes that act as an engine of all processes related to the manifestation of patriotic principles. Altruism is defined as voluntary behavior, incurs personal expenses, and aims at the benefit of others without external obligations or expectation of personal gain. Prosocial behavior is a further development of personality, which is characterized by "mature" patriotism. **Conclusions.** Mature patriotism is based on altruistic attitudes that act as an engine of all processes related to the manifestation of patriotic principles. True mature patriotism can be expressed in various forms, since at the heart of any personality there are certain value components that form its attitude to the world.

Keywords: patriotism, altruistic attitudes, prosocial behavior, proactivity

Citation: Shtraukh K. P., Abdullin A. G. Altruistic Attitudes and Prosocial Behavior as Predictors of Mature Forms of Patriotism. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 2(105). Pp. 166–171 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-166-171>

Основные положения

1. Просоциальность определяется в широком смысле как «любое действие, приносящее пользу другому». Определение данного понятия либо представляет собой достаточно широкую трактовку ее сути, либо максимально сужает ее. Просоциальность отражает и этические соображения, и результаты, связанные с самооценкой, такие как благополучие или психологическая устойчивость.

2. Альтруизм обычно определяется как добровольное поведение, которое влечет за собой личные издержки и направлено на благо других без внешних обязательств или ожидания личной выгоды. Но при этом ни в одном исследовании четко не очерчены границы альтруизма, что создает сложности при попытках отличия альтруизма от других форм просоциального поведения.

3. Рассматривая альтруизм и просоциальное поведение в качестве предикторов зрелых форм патриотизма, мы предполагаем, что альтруизм относится конкретно к бескорыстным действиям без ожидаемой личной выгоды, тогда как просоциальность — более широкий термин, охватывающий различные формы помогающего поведения.

4. Патриотизм может быть как конструктивным (зрелым и осознанным), так и деструктивным («слепым»). Первый вид патриотизма — это осознанная жизненная концепция, базирующаяся на четких установках личностного роста и имеющая под собой определенные основы, связанные с жизненным кредо, особенностями развития интеллекта, а также духовными приоритетами. Второй часто включает случайные, эмоциональные проявления (влияние толпы, личные одномоментные эмоции, связанные с позитивными или негативными массовыми событиями, и пр.).

5. Зрелый патриотизм — это не эмоциональные проявления, а четкая форма просоциального поведения, в основе которой лежат альтруистические установки, выступающие в качестве двигателя всех процессов, связанных с проявлением патриотических начал.

Введение

Актуальность, значимость, сущность проблемы. Патриотизм в литературе чаще всего позиционируется как «субъективное выражение принадлежности индивида к нации, основанное на чувствах, эмоциях и настроениях» [1]. Как отмечено исследователями, ощущение патриотизма базируется на чувстве принадлежности или идентификации с государством, которое лежит в основе наших более широких представлений о справедливости [2]. Нередко данная категория изучается через призму ее взаимосвязи с «любовью к родной земле или стране», т. е. говорят, что патриоты «любят родину за ее ландшафт, городскую среду, погоду, культуру, кухню, характер ее жителей и многое другое». Самое же чувство описанной выше любви позволяет

провести следующую параллель: патриотизм подразумевает чувство принадлежности к нации, и его ритуалы обычно отсылают к этой идее.

Высказывается и мнение, что патриотизм — это эмоциональная привязанность к группе, выражающаяся в чувстве принадлежности, ответственности и гордости [3]. Такая привязанность основана на положительных чувствах индивида и его привязанности к своей стране [4]. Процесс национальной идентичности опирается на когнитивное осознание гражданином своего политического сообщества и берет во внимание его склонность принимать политические, культурные и этнические ценности страны. Истоками патриотизма выступает чувство национальной идентичности [5]. По этой причине можно утверждать, что политические взгляды, ценности и участие человека в политической жизни — это не что иное, как проявления патриотизма.

Как для нации, так и для каждого отдельного гражданина патриотизм невероятно значим, потому что он представляет собой жизненно важный фактор развития гражданских отношений [6]. Человек идентифицирует себя с общей культурой, историей и политической системой своей страны, и в нем просыпается гордость за них [7]. Еще одной способностью патриотизма называют возможность обеспечить гражданские свободы и национальную безопасность [5]. Исследования показали, что «патриотизм играет решающую роль в формировании гражданских установок и поведения, положительно коррелируя с различными просоциальными результатами, включая реагирование на кризисы» [8], а также на и экологические установки и поведение [9].

Большая часть работ специалистов ориентирована на рассмотрение процесса влияния патриотизма на эмоциональное и социальное поведение [10]. Но далеко не во всех исследованиях рассматриваются вопросы о факторах, предшествующих развитию патриотизма. Однако есть мнение, что отдельные категории, такие как альтруизм и просоциальное поведение, могут оказывать прямое влияние на развитие патриотизма. Именно альтруизм служит отправной точкой для формирования патриотических взглядов, а просоциальное поведение выступает механизмом, который позволяет личности реализовать свои желания и действия, связанные с проявлением сострадания, желанием помочь близкому и совершать те или иные действия на благо своей Родины и народа. Такое позитивное поведение отражает более сильное патриотическое стремление [11].

Таким образом, альтруизм и просоциальное поведение выступают как естественные предикторы развития патриотизма у определенной группы людей. **Цель** — определить степень и особенности влияния альтруистических установок, а также просоциального поведения личности на формирование у нее истинного патриотизма.

Материалы, результаты и обсуждение

Определение понятия категорий патриотизма, альтруистических установок и просоциального поведения. Понимание категории «патриотизм» достаточно многогранно. С одной стороны, это некий комплекс позитивных чувств и эмоций, направленный на выражение отношения субъекта к Родине и Отечеству. С другой стороны, это мотивированное внутренними механизмами поведение субъекта, включающее конкретные действия и поступки в области реализации функций физической защиты и охраны государственных устоев, пропаганды исторической памяти и пр. Однако сами структурные составляющие комплексного понятия «патриотизм» достаточно спорны в литературе до сих пор. По мнению Е. М. Харитоновой и его соавторов, суть патриотизма заключена в готовности действовать [12]. При этом сама по себе готовность не может возникнуть. Она формируется на основе ценностей личности, которые в свою очередь реализуются на основе ее альтруистических установок и просоциального поведения.

Специалисты также отмечают, что просоциальность охватывает широкий спектр действий, основанных на определенной цели и направленных на благо отдельных людей или общества в целом [13]. С опорой на эмпатию, социальные нормы и ценности она выступает объединяющей основой для реализации альтруизма. Просоциальность многогранна, она включает комплекс действий, приносящих пользу другим, «от немедленной, наблюдаемой помощи до стратегических, ориентированных на будущее инициатив». По мнению психологов, просоциальное поведение — это врожденная или биологическая функция личности, которую нельзя только воспитать или развить в себе самостоятельно [14]. Во многих религиях просоциальное поведение выступает как социальная норма.

Просоциальность рассматривается в российских и зарубежных источниках с различных позиций. В частности, изучаются ее связь с личностью, особенности стилей воспитания и т. д. [13]. Внимание к данной категории со стороны специалистов достаточно пристальное, однако концептуальная ясность не носит конкретного характера. Просоциальность обычно определяется в широком смысле как «любое действие, приносящее пользу другому» [1]. Такое действие включает сочувствие, привязанность, эмпатию, сотрудничество, пожертвования, волонтерскую деятельность и т. д. Но расширение понятия приводит к теоретической путанице, так как авторы часто либо уравнивают, либо практически разделяют конструкты, которые имеют плотную связь, например, эмпатию и просоциальное поведение.

Отдельными исследователями подчеркивается, что эмпатия и просоциальные действия — различные понятия [12]. Другие авторы, наоборот, доказывают, что между названными категориями существует тес-

ная связь [4]. Это создает вариативность исследований, опирающихся на различные концептуализации.

Кроме того, существуют теоретические модели, согласно которым просоциальное поведение необязательно возникает из эмпатии или явно просоциальных мотивов. Так, есть мнение, что просоциальные действия могут выступать как результат мотивов, имеющих эгоистическую основу. Данная трактовка понятия усложняет его концептуальные границы, проводя точные различия между просоциальностью и связанными с ней конструктами, такими как альтруизм, вызов [1].

Современные авторы неоднозначно понимают просоциальность, ее определение либо содержит широкую трактовку, либо максимально сужает ее. При этом происходит смешение ряда связанных конструктов (эмпатии, мотивационных процессов) с просоциальными действиями. Соответственно, без четкого концептуального разграничения понимание сути просоциальности достаточно сложно. По нашему мнению, просоциальность, в первую очередь, отражает и этические соображения, и результаты, связанные с самооценкой, такие как благополучие или психологическая устойчивость. Просоциальность — понятие динамическое, оно напрямую связано с временными периодами реализации, а также общими стандартами и правилами, установленными в обществе. Кроме того, формирование просоциального поведения все же происходит под воздействием общественных и педагогических факторов, исключать которые нельзя.

Что касается *альтруизма*, то обычно он определяется как добровольное поведение, которое влечет за собой личные издержки и направлено на благо других без внешних обязательств или ожидания личной выгоды. В литературе присутствует дискуссия о том, имеет ли место альтруизм в чистом виде, или, как его называют, «истинный» альтруизм. Такой вид рассматриваемого понятия представляет собой «помощь исключительно ради других или из-за внутренних или ожидаемых эмоциональных вознаграждений» [15]. Однако нами не найдено обоснованных позиций относительно существования альтруизма в чистом виде. Некоторые авторы выносят на первый план мотивацию, другие опираются на поведенческие характеристики альтруистической личности, а также акцентируют внимание на отсутствии личной выгоды [12]. Специалистами была подчеркнута роль эмпатии и морального мышления в альтруизме.

В социально-психологических теориях присутствует различие эгоистических и альтруистических мотивов просоциального поведения. Альтруистическое поведение обычно рассматривается как «тип просоциального поведения, мотивированный искренним желанием принести пользу другому человеку, без каких-либо ожиданий выгоды для себя» [16].

Психологи также рассуждают о том, может ли существовать альтруистическое поведение в чистом

виде [2], при этом большая часть их единодушна в том, что просоциальное поведение часто обусловлено эгоистическими (неальтруистическими) мотивами. Так, может иметь место желание испытывать благополучие, улучшить свое социальное положение или избежать неприятных чувств: грусти, тревоги или вины. В исследованиях, имеющих целью разделить между собой альтруистические и эгоистические мотивы, применяются эксперименты, которые «манипулируют возбуждением отвращения, социальной оценкой или вознаграждением и связывают их с просоциальными намерениями, просоциальными реакциями на гипотетические сценарии или реальным просоциальным поведением» [6]. Применяются также различные опросы с целью изучить мотивации волонтерства, включая эгоизм и альтруизм [9].

Отсутствие единой позиции авторов порождает совпадение трактовки понятия «альтруизм» с рядом родственных конструктов, таких как просоциальное поведение в более широком смысле [3]. При рассмотрении, например, альтруизма на организационном уровне он позиционируется как составляющая организационного гражданского поведения, реализуемая в добровольной поддержке других без формального вознаграждения. Но при этом ни в одном исследовании четко не очерчены границы альтруизма, что создает сложности при попытках отличия альтруизма от других форм просоциального поведения.

Еще одно понятие — поведение, направленное на оказание помощи. Оно обычно нацелено на субъектов, которые в такой помощи нуждаются, и формируется на базе каких-либо конкретных действий. Есть мнение, что помогающее поведение выступает как фундаментальная подгруппа просоциальности. В литературе также идут споры о характеристиках такого поведения, а также о том, в какой степени оно совпадает с альтруизмом. Одни авторы полагают, что субъект, реализующий помогающее поведение, осуществляет некие эмоциональные затраты, и именно это прямо граничит с альтруизмом [1]. Однако другие считают, что помогающее поведение может иметь корыстную основу: помогающий может совершать поступки, которые, как ему кажется, дадут общественное признание или позволят получить внутреннее удовлетворение [17]. Последнее имеет, как указывают исследователи, прямую связь с широкими просоциальными действиями, необязательно реализующими концепцию альтруизма.

В современных исследованиях просоциальность трактуется широко, понятие включает непосредственную поддержку, долгосрочные, многомерные аспекты, например двойную выгоду. Эта эволюция отражает всеобъемлющую функцию просоциальности, подчеркивая ее роль как всеобъемлющей концепции, объединяющей различные формы поддерживающего поведения в рамках более широкой теоретической структуры. Альтруизм неизменно фокусировался на моральной

жертвенности и бескорыстии, хотя постепенно включал в себя такие реляционные и культурные факторы, как взаимность и нормы. Поведение, направленное на помощь, сместилось от чисто ситуативной реакции к более глубоким моральным и эмоциональным измерениям, при этом современные определения ставят помощь ближе к другим просоциальным конструктам, подчеркивая сострадание и этическую ответственность. Современными авторами в структуре проактивности отчетливо выделяются ориентированные на будущее и предвосхищающие элементы, что отличает ее от более реактивного характера спонтанной помощи.

Проактивное поведение специалисты часто позиционируют в качестве отдельной концепции, которая включает проявление инициативы, принятие ответственности, предложение своего мнения, а также внедрение инноваций. Особенностью инноваций именно в рамках проактивного поведения выступает следующее: они являются продуктом человеческой инициации, ориентированы на будущее и направлены на изменение себя или ситуации. Кроме того, в литературе выделены подкатегории проактивного поведения: предлагается ввести такие термины, как проорганизационное, просоциальное и проэгоистичное поведение [18]. Это влечет за собой понимание просоциальности в качестве подкатегории проактивности, что опять же свидетельствует о единении этих двух понятий.

Соответственно, определения альтруизма и просоциального поведения имеют различия, причина — базирующаяся в их основе мотивация, издержки и выгоды, воспринимаемые автором, а также контекстуальные факторы. Рассматривая альтруизм и просоциальное поведение в качестве предикторов зрелых форм патриотизма, мы предполагаем, что альтруизм относится конкретно к бескорыстным действиям без ожидаемой личной выгоды, тогда как просоциальность — более широкое понятие, охватывающее различные формы помогающего поведения. Мы не согласны с мнением авторов, что альтруизм и просоциальность в значительной степени пересекающиеся понятия [19]. Различия налицо не только в их определяющих характеристиках, но и в контекстуальных предикторах. Можно заключить, что эти понятия связаны, но не взаимозаменяемы. Так, если альтруизм в первую очередь характеризуется бескорыстным поведением, сопряженным с затратами, без ожидания отдачи, часто в контексте морально заряженных индивидуальных действий [19], просоциальность, как правило, включает сценарии с двойной выгодой. Кроме того, она формируется более широкой социальной динамикой и соображениями благополучия [18]. Соответственно, при наличии одной цели — совершения блага — понятия имеют различные мотивационные основы и контекстуальное применение.

Просоциальные конструкты исторически динамичны и реагируют на более широкие социальные измене-

ния. В начале 2000-х гг. в работах исследователей уже присутствовало усиление акцента на двойной выгоде и эмоционально-моральных аспектах, что указывает на отход от чисто нормативного или моралистического понимания просоциальности. Возможно, в будущем просоциальность станет все чаще отражать не только этические соображения, но и результаты, связанные с самооценкой, такие как благополучие или психологическая устойчивость.

Так, различие понятий заключается в мотивах, лежащих в их основе, а также в связанных с ними моделях поведения. Например, широкое понимание просоциальности охватывает действия, приносящие пользу другим, безотносительно мотивации, а альтруизм представляет собой бескорыстное и добровольное поведение, которое сопряжено с рядом затрат и лишено ожидания выгоды. Считаем необходимым отделить от понятий «альтруизм» и «просоциальное поведение» еще две смежные категории. Так, поведение, направленное на оказание помощи, в первую очередь подчеркивает немедленную, контекстно-специфическую помощь. Проактивность же делает акцент на ориентированном на будущее, инициированном самими собой поведении. Такое поведение может включать или не включать социально полезные мотивы.

Альтруизм и просоциальное поведение как предикторы зрелого патриотизма. Прежде чем рассмотреть альтруизм и просоциальное поведение в качестве предикторов зрелого патриотизма, необходимо проанализировать особенности видов патриотизма в целом. Патриотизм может быть как конструктивным (зрелым и осознанным), так и деструктивным («слепым»). Второй часто включает случайные, эмоциональные проявления (влияние толпы, личные одномоментные эмоции, связанные с позитивными или негативными массовыми событиями, и пр.). Первый вид патриотизма — это осознанная жизненная концепция, базирующаяся на четких установках личностного роста и имеющая под собой определенные основы, связанные с жизненным кредо, особенностями развития интеллекта, а также духовными приоритетами.

В качестве психологического фундамента «зрелого» патриотизма выступает именно альтруизм: человек, которому свойствен такой вид патриотизма, готов бескорыстно заботиться о благе других, принося пользу окружающим и государству без попытки извлечь личную выгоду. И именно альтруизм, по нашему мнению, выступает в качестве первоосновы рассматриваемого понятия, поскольку при его отсутствии патриотизм и тем более зрелый патриотизм существовать не могут.

Что касается просоциального поведения, то оно представляет собой дальнейшее развитие личности, которой свойствен зрелый патриотизм.

В частности, такие акты, как волонтерская помощь, могут расширять сферу реализации патри-

стических установок: гражданин, который заботится о близких, оказывает помощь обществу, а одновременно стране.

Однако следует также критически оценивать уровень альтруистических установок личности, поскольку именно он определяет степень выраженности патриотизма личности. Так, патриотизм может быть только формальным, если гражданин не считает необходимым для себя активно участвовать, например, в деятельности, которая носит добровольный или волонтерский характер, и принимает участие в такого рода актах только потому, что «так делают его однокурсники или соседи по дому». Деятельный же патриотизм реализуется в постоянной и целенаправленной деятельности, которая, как считает сама личность, принесет пользу обществу. Исследования показали, что альтруисты, имеющие высокий уровень проявления данного качества, заботятся не только о собственных интересах, но и о благополучии других [1]. Например, альтруисты с высоким уровнем альтруизма уделяют большое внимание результатам, касающимся как себя, так и других, в то время как альтруисты, имеющие низкий уровень альтруизма, направляют больше внимания на собственные результаты, чем на результаты других [16].

При высоком уровне альтруизма будет иметь место проявление большего количества альтруистических наклонностей без относительно межличностной дистанции. Это происходит благодаря высокому уровню эмпатии и социальной ответственности [15]. Часто в этом случае демонстрируется более просоциальное поведение даже в отсутствие других и без выгоды для своей репутации [6]. При низком же уровне альтруизма присутствует мотивация максимизации собственной выгоды: личность в этом случае ведет себя более эгоистично при взаимодействии с социально дистанцированными людьми [20]. Проявление просоциального поведения в данном случае возможно только при таких условиях, как поощрение репутационными стимулами или направление просоциальности на родственные связи [1]. Необходимо также остановиться на разграничении потребности в альтруизме при проявлении того или иного вида патриотизма. При «слепом» патриотизме потребность в альтруизме нулевая, человек, вольно или невольно оказавшись участником событий или действий, не считает необходимым жертвовать ради них, его поведение стихийно и подвержено настроению общества, в котором он находится. В свою очередь, зрелый патриотизм не может существовать без альтруизма, поскольку концептуально он основан на ценностных установках, предполагающих прямое участие или самопожертвование без желания получить личную выгоду от собственных действий.

Выводы

Обобщая вышесказанное, следует заключить: зрелый патриотизм — это не эмоциональные проявления,

а четкая форма просоциального поведения. В его основе лежат альтруистические установки, которые выступают в качестве двигателя всех процессов, связанных с выражением патриотических начал.

Проявление истинного зрелого патриотизма может иметь различные формы, поскольку в основе любой личности имеются определенные ценностные компоненты, формирующие ее отношение к миру. И если для одних естественно оказание прямой помощи пожилым людям, как физической, так и моральной, то другие видят свое предназначение в бескорыстном участии в городских и районных субботниках. Однако обе рассматриваемые категории, проявляя альтруизм, демонстрируют просоциальное поведение, направленное на бескорыстную помощь отдельным людям и обществу в целом. В качестве психологического фундамен-

та зрелого патриотизма выступает именно альтруизм: человек, которому свойствен такой вид патриотизма, готов бескорыстно заботиться о благе других, принося пользу окружающим и государству без попытки извлечь личную выгоду.

Область применения и перспективы. Зрелый патриотизм у студентов и молодежи нельзя сформировать только в ходе лекций или путем демонстрации символов и атрибутов; это возможно лишь на личном примере участия в оказании социальной помощи, в проведении волонтерских мероприятий и на вовлечении подрастающего поколения в рассматриваемые процессы. Важно осуществлять целенаправленную воспитательную работу по формированию истинных патриотических установок личности, основанную как на теории, так и на практике.

Список источников / References

1. Hui B. P. H., Ng J. C. K., Berzaghi E., Cunningham-Amos L. A., & Kogan A. Rewards of kindness? A meta-analysis of the link between prosociality and well-being. *Psychological Bulletin*. 2020. No. 146(12). Pp. 1084–1116.
2. FeldmanHall O., Dalgleish T., Evans, D., & Mobbs D. Empathic concern drives costly altruism. *NeuroImage*. 2015. No. 64. Pp. 1650–1656.
3. Snippe E., Jeronimus B. F., Aan Het Rot M., Bos E. H., de Jonge P., Wichers M. The reciprocity of prosocial behavior and positive affect in daily life. *J Pers*. 2018. No. 86. Pp. 139–146.
4. Kahana E., Bhatta T., Lovegreen L. D., Kahana B., Midlarsky E. Altruism, helping, and volunteering: Pathways to well-being in late life. *J Aging Health*. 2013. No. 25. Pp. 159–187.
5. Kaye S.-A., Rodwell D., Watson-Brown N., Rose C., & Buckley L. Road users' engagement in prosocial and altruistic behaviors: A systematic review. *Journal of Safety Research*. 2022. No. 82. Pp. 342–351.
6. Cipriani R. The other, altruism and empathy. Variety of prosocial behavior. *The American Sociologist*. 2021. No. 53(1). Pp. 11–21.
7. Dražanová L., and Roberts A. National attachments and good citizenship: a double-edged sword. *Polit. Stud*. 2023. Pp. 1–24.
8. Кудинов С. И., Потемкин А. В. Патриотичность как основа проявления ответственности личности // Актуальные проблемы социальной и дифференциальной психологии и психологии личности : мат-лы междунар. науч. конф. М., 2018. С. 169–175.
9. Moon H., and Jung M. The relationship between a disposition of gratitude, clinical stress, and clinical satisfaction in nursing students. *Perspect. Psychiatr. Care*. 2020. No. 56. Pp. 768–776.
10. Ding F., & Lu Z. Association between empathy and prosocial behavior: A systematic review and meta-analysis. *Advances in Psychological Science*. 2016. No. 24(8). Pp. 11–59.
11. Mummendey A., Klink A., and Brown R. Nationalism and patriotism: national identification and out-group rejection. *Br. J. Soc. Psychol*. 2001. No. 40. Pp. 159–172.
12. Харитонов Е. М., Попов М. Ю., Касьянов В. В. Структура патриотизма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 2. С. 112–119.
13. Obsuth I., Eisner M. P., Malti T., & Ribeaud D. The developmental relation between aggressive behaviour and prosocial behaviour: A 5-year longitudinal study. *BMC Psychology*. 2015. No. 3(16). Pp. 126–130.
14. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М., 2009. 26 с.
15. Golubova M. Narodna identita. In Khoshchekova D., Sintula J., Lentsch M. and Vankova L. (eds.), Interpolis '09: Zbornik podhevkov zo VI. The leading conference of doctors and young leading doctors with medical education in Banské Bystrice, October 29, 2009. Bystrica, 2009. Pp. 221–226.
16. Liu X. S., Zhang Y. L., and Vedlitz A. Political values and life satisfaction in China. *China Q*. 2020. Pp. 245, 276–291. <https://doi.org/10.1017/S0305741020000272>.
17. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собрание сочинений : в 10 т. М., 1996. Т. 1. С. 39–282.
18. Caprara G. V., Kanacri B. P. L., Gerbino M., Zuffianò A., Alessandri G., Vecchio G., Caprara E., Pastorelli C., & Bridglall B. Positive effects of promoting prosocial behavior in early adolescence. *International Journal of Behavioral Development*. 2014. No. 38(4). Pp. 386–396.
19. Batson C. D. Altruism. In I. B. Weiner & W. E. Craighead (Eds.). *The Corsini Encyclopedia of Psychology*. 2010. Vol. 1. Pp. 1–2.
20. Ashwini U. R., Indumathy J. Altruism and general well-being among adults. *Int J Res Soc Sci*. 2018. No. 8. Pp. 528–540.

Поступила 15.05.2025; одобрена после рецензирования 12.06.2025; принята в печать 30.03.2026.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.9 © Бурикова И. С., Коновалова М. А., Огарева Е. И., Титова В. В., Пушкина М. А., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-172-180

5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Психологические особенности ветеранов специальной военной операции: ключевые аспекты для адаптации и трудоустройства

Инга Сергеевна Бурикова, кандидат психологических наук, доцент факультета социальных технологий¹;

burikova@cspdom.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2697-6493>

Мария Александровна Коновалова, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальных технологий¹;

konovalova-ma@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3719-7567>

Екатерина Ивановна Огарева, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальных технологий¹;

ogareva-ei@ranepa.ru; <https://orcid.org/0009-0003-4360-1615>

Влада Викторовна Титова, кандидат медицинских наук, доцент кафедры психосоматики и психотерапии²;

vivlan2001@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-2706-0804>

Мария Александровна Пушкина, кандидат психологических наук¹; mashap@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3105-9462>

¹ Северо-Западный институт управления РАНХиГС, 199178, Санкт-Петербург, Средний проспект Васильевского Острова, 57/43, Россия

² Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет, 194100, Санкт-Петербург, ул. Литовская, 2, Россия

Реферат. Введение. Возвращение из зоны боевых действий — это сложный процесс переключения с экстремальной деятельности к мирной жизни, к работе. Неудачное трудоустройство ветеранов может провоцировать усугубление посттравматической симптоматики. Цель — выявление ключевых психологических особенностей участников специальной военной операции и разработка на их основе практических рекомендаций для программ трудоустройства данной категории граждан. **Материалы и методы.** На основе предложенного профессором В. А. Ганзеным и профессором А. И. Юрьевым системного описания человека, проведено комплексное психологическое обследование 65 ветеранов специальной военной операции. Оценка проводилась по четырем компонентам: индивид, субъект деятельности, личность и индивидуальность. **Результаты и обсуждение.** Определены признаки хронического стресса: вегетативный дисбаланс, энергетическое истощение; у 9,4 % — выраженная форма синдрома деморализации с экзистенциальным кризисом и нарушением смыслообразующей функции. Установлено доминирование активных копинг-стратегий и интернального локуса контроля (67,4 %) при дефиците использования социальной поддержки. В личностной сфере зафиксирована ориентация на базовые ценности безопасности и стабильности (семья, здоровье, любовь) при потенциальных трудностях в социальной коммуникации. У 35 % обследованных имеются клинически значимые признаки посттравматического стрессового расстройства. **Выводы.** Выявлено, что 20 % ветеранов специальной военной операции готовы к немедленному трудоустройству, 35–40 % требуют психологического сопровождения в процессе адаптации к новому рабочему месту, 40 % нуждаются в профессиональной реабилитации. Разработаны практические рекомендации для программ трудоустройства.

Ключевые слова: системное описание человека, психологические особенности, участники специальной военной операции, трудоустройство, вегетативный дисбаланс, посттравматические симптомы, дезадаптация копинг-стратегий, базовые ценности, программа профессиональной интеграции

Для цитирования: Бурикова И. С., Коновалова М. А., Огарева Е. И., Титова В. В., Пушкина М. А. Психологические особенности ветеранов специальной военной операции: ключевые аспекты для адаптации и трудоустройства // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 2(105). С. 172–180. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-172-180>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9 © Burikova I. S., Konovalova M. A., Ogareva E. I., Titova V. V., Pushkina M. A., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-172-180

5.3.3. Psychology of Labour, Engineering Psychology, Cognitive Ergonomics

Psychological Features of Veterans of the Special Military Operation: Key Aspects for Adaptation and Employment

Inga S. Burikova, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor at the faculty of Social Technologies¹;

burikova@cspdom.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2697-6493>

Maria A. Konovalova, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor at the chair of Social Technologies¹;

konovalova-ma@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3719-7567>

Ekaterina I. Ogareva, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor at the chair of Social Technologies¹;

ogareva-ei@ranepa.ru; <https://orcid.org/0009-0003-4360-1615>

Vlada V. Titova, Candidate of Science (in Medicine), Associate-Professor at the chair of Psychosomatics and Psychotherapy²;

vivlan2001@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-2706-0804>

Maria A. Pushkina, Candidate of Science (in Psychology)¹; mashap@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3105-9462>

¹ Institute of Management, RANEPa Saint-Petersburg, 57/43, Sredny prospect, Vasilievsky Ostrov, Saint-Petersburg, 199178, Russia

² Saint-Petersburg State Pediatric University, 2, Litovskaya st., Saint-Petersburg, 194100, Russia

Abstract. Introduction. Returning from a war zone is a complex process of switching from extreme activity to peaceful living, to work. Unsuccessful employment of veterans can provoke aggravation of post-traumatic symptoms. The goal is to identify the key psychological features of the participants of the special military operation and, on their basis, develop practical recommendations for employment programs for this category of citizens. **Materials and Methods.** Based on the system description of a person proposed by Professor V. A. Ganzen and Professor A. I. Yuryev, a comprehensive psychological examination of 65 veterans of the special military operation was carried out. The assessment was made according to four components: individual, subject of activity, personality and individuality. **Results and Discussion.** The study reveals symptoms of chronic stress, vegetative imbalance, energy exhaustion; 9.4 % have a pronounced form of demoralization syndrome with an existential crisis and impaired meaning-forming function. The dominance of active coping strategies and the internal locus of control (67.4 %) was established with a deficit in the use of social support. In the personal sphere, an orientation towards the basic values of safety and stability ("family," "health," "love") is recorded with potential difficulties in social communication. 35% of those examined have clinically significant symptoms of post-traumatic stress disorder. **Conclusions.** It was established that 20% of veterans of the special military operation are ready for immediate employment, 35–40 % require psychological support in the process of adapting to a new workplace, 40% need professional rehabilitation. Practical recommendations for employment programs were developed.

Keywords: system description of a person, psychological features, veterans of the special military operation, employment, vegetative imbalance, post-traumatic symptoms, maladjustment of coping strategies, basic values, professional integration programme

Citation: Burikova I. S., Konovalova M. A., Ogareva E. I., Titova V. V., Pushkina M. A. Psychological Features of Veterans of the Special Military Operation: Key Aspects for Adaptation and Employment. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 2(105). Pp. 172–180 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-172-180>

Основные положения

1. Анализ мирового опыта и научных исследований в сфере трудоустройства ветеранов боевых действий показывает, что применение стандартных, неадаптированных моделей профессиональной интеграции часто оказывается неэффективным. Традиционные подходы, основанные на усредненных профилях соискателей, не учитывают специфики психологического состояния лиц с боевым опытом. Неудачи в трудоустройстве могут вызывать обострение посттравматических симптомов, приводить к дезадаптации и срыву процесса профессиональной реинтеграции.

2. При разработке программ адаптации и трудоустройства участников специальной военной операции необходимо учитывать результаты исследования, включая психофизиологическое состояние соискателей (наличие признаков хронического стресса, вегетативного дисбаланса, энергетического истощения), личностные особенности (ориентация на базовые ценности безопасности и стабильности (семья, здоровье, любовь)), сочетание потребности в автономии с запросом на четкие правила трудовых отношений, что определяет необходимость работы в структурированной среде, особенности регуляции деятельности (преобладание активных копинг-стратегий при дефиците социальной поддержки), интегральные показатели индивидуальности (у 35 % участников выявлены клинически значимые признаки посттравматического стрессового расстройства).

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Актуальность исследования психологических

особенностей участников специальной военной операции обусловлена острой необходимостью создания научно обоснованной базы для разработки эффективных программ их профессиональной адаптации и трудоустройства [1]. Специальная военная операция (далее — СВО) обладает рядом принципиальных отличий от предыдущих военных конфликтов. В первую очередь, уникальность СВО как современного военного конфликта связана с большим количеством военнотружущих, задействованных в ходе нее. Во-вторых, с высоким уровнем интенсивности боев, использованием новейших средств поражения, быстро меняющейся оперативной обстановкой. В-третьих, с новым информационным пространством (запредельный поток информационных сообщений, высокий уровень дезинформации, стремительность распространения новостей).

Ветераны боевых действий, прошедшие через экстремальные условия современной СВО, обладают уникальным профессиональным и психологическим опытом, требующим специальных подходов к адаптации к мирной профессиональной среде. Недостаточная или неправильно организованная адаптация создает серьезные риски повторной психологической травматизации, что может привести к развитию деструктивных форм поведения, социальной дезадаптации и значительным экономическим потерям для общества в целом. Таким образом, СВО характеризуется высокой интенсивностью боевых действий, спецификой гибридной войны [2], масштабным использованием новейших средств поражения. Все это формирует уникальный комплекс психологических характеристик

участников СВО, требующий глубокого изучения для создания системы поддержки ветеранов при возвращении к гражданской жизни и трудовой деятельности. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов для разработки эффективных программ трудоустройства ветеранов СВО.

Цель — выявление ключевых психологических особенностей участников СВО и разработка на их основе практических рекомендаций для программ трудоустройства данной категории граждан.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. В современном научном дискурсе сложился комплекс научных подходов, обосновывающих необходимость специализированных решений для успешной интеграции ветеранов боевых действий в мирную трудовую деятельность.

1. Клинико-реабилитационный подход, основанный на исследованиях 2000-х гг., показывает связь между психотравматическим опытом ветеранов и их трудовой дезадаптацией [3]. Знаковое исследование американского психолога и специалиста по посттравматическому стрессу Чарльза У. Хога доказало, что стресс, испытываемый военнослужащими при переходе к гражданской жизни, и давление на работе усугубляют симптомы посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) [4].

2. Компетентностно-адаптационный подход, который активно развивался в 2010-х гг., подчеркивает важность адаптации трудовых условий в компаниях и на производстве для успешного трудоустройства ветеранов. В рамках этого научного подхода предложены методы конвертации военных навыков в гражданские профессии [5]. Российские ученые создали практические модели профессиональной адаптации и переквалификации ветеранов, которые включают определение и сертификацию военных навыков, разработку индивидуальных планов переподготовки, создание системы наставничества и поддержку вхождения в профессию после возвращения ветеранов к мирной жизни [6; 7].

3. Системно-интеграционный подход, сформировавшийся с середины 2010-х гг. как самостоятельное направление, доказывает, что успешная интеграция военнослужащих с боевым опытом в мирную жизнь возможна лишь при условии создания целостной («бесшовной») экосистемы, координирующей усилия государственного, частного и некоммерческого секторов [8].

Анализ научных подходов показал, что для разработки конкретных рекомендаций по адаптации программ трудоустройства военнослужащих, имеющих боевой опыт, требуется изучение их психологических особенностей [9–14]. Для выполнения данной задачи используется системная модель описания психологии человека профессора В. А. Ганзена [15], основанная на трудах профессора Б. Г. Ананьева [16], которая полу-

чила развитие в рамках «Стратегической психологии» А. И. Юрьева [17; 18]. В. А. Ганзеном был разработан метод системного анализа с применением пентабазиса для исследования психологии человека. Данный метод основывается на использовании четырех базовых категорий описания функционирования объектов: пространства, времени, информации и энергии. А. И. Юрьевым была создана теоретическая модель оценки человеческого капитала. В рамках этой модели совокупность параметров индивида интерпретируется как показатель жизнеспособности человека, субъекта — как показатель работоспособности, личности — как способность к экономико-политическим инновациям, а индивидуальности — как способность человека к обучению. В контексте СВО особую значимость приобретает такая характеристика человеческого капитала, как оборонное сознание населения, выступающее психологическим ресурсом защиты национальных интересов [19]. Системный подход обеспечивает целостное понимание психологического состояния человека.

Изучение психологических особенностей участников СВО на основе системного подхода позволяет целенаправленно подобрать диагностический инструментарий для точной оценки их состояния и последующей разработки рекомендаций по трудоустройству. В рамках системного подхода необходимо исследовать и описать ключевые психологические особенности по таким четырем направлениям, как психофизиологическое состояние и адаптационный ресурс индивида; доминирующие копинг-стратегии и локус контроля субъекта деятельности; структура ценностей и временная перспектива личности; степень экзистенциального неблагополучия и тяжесть травматического опыта индивидуальности.

Материалы и методы

На основе системного описания человека через четыре базовых компонента (индивид, личность, субъект деятельности, индивидуальность) коллектив психологов-исследователей провел отбор методик, необходимых и достаточных для получения комплексных данных о психологических особенностях ветеранов СВО.

Диагностика состояний блока «Индивид» включала:

— цветовой тест Люшера — экспресс-диагностика текущего психофизиологического состояния через показатели вегетативного коэффициента (ВК) и суммарного отклонения от аутогенной нормы (СО), выявление компенсаторных механизмов и неосознаваемых стрессовых реакций;

— шкалу депрессии, тревоги и стресса (DASS-21) в адаптации А. А. Золотаревой — скрининг и количественная оценка выраженности депрессивной симптоматики (апатия, ангедония), тревожности (психофизическое возбуждение) и психологического

стресса (нервное напряжение) по стандартизированным нормам;

— диагностика компонентов стрессоустойчивости профессора А. Л. Каткова — оценка адаптационного потенциала личности через анализ первичного (ПРС) и устойчивого (УРС) ресурсного состояния, выявление рисков развития антиресурсного статуса.

Диагностика состояний блока «Субъекта деятельности» включала:

— опросник совладания со стрессом (COPE) — выявление предпочитаемых копинг-стратегий по шкалам: активное совладание, планирование, позитивное переформулирование, принятие, использование социальной поддержки, религия, юмор, сдерживание;

— методику «Уровень субъективного контроля» — диагностика склонности приписывать ответственность за события внешним обстоятельствам (экстернальность) или собственным усилиям (интернальность).

Диагностика состояний блока «Личность» включала:

— методику «Ценностные ориентации» М. Рокка в адаптации Д. А. Леонтьева — выявление индивидуальной иерархии терминальных ценностей (счастливая семейная жизнь, здоровье, любовь) и инструментальных ценностей (воспитанность, честность, ответственность);

— опросник культурных ценностей Ш. Шварца в адаптации В. Н. Карандашева — определение базовых мотивационных ценностей по шкалам: самостоятельность, безопасность, универсализм, доброта, конформность, достижения, традиции, стимуляция, гедонизм, власть;

— опросник временной перспективы Ф. Зимбардо в адаптации Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной — оценка доминирующей ориентации личности по шкалам: негативное прошлое, позитивное прошлое, фаталистическое настоящее, гедонистическое настоящее, будущее.

Диагностика состояний «Индивидуальность» включала:

— шкалу деморализации профессора А. Л. Каткова — диагностика состояния экзистенциального кризиса, утраты смысла жизни и общего психологического неблагополучия через оценку чувства безнадежности, беспомощности и спутанности мышления;

— опросник перитравматической диссоциации — оценка тяжести травматического опыта и риска развития ПТСР через анализ диссоциативных переживаний (дереализация, деперсонализация) во время травмирующего события.

В исследовании использовался целевой принцип формирования выборки по критерию «участие респондентов в проведении СВО». Продолжительность психологического тестирования каждого респондента составляла от 2 часов до 2,5 часа. Участники были раз-

делены на группы по 5–6 человек, им были выданы индивидуальные комплекты психологических методик и бланков для фиксации результатов. Первичный инструктаж по заполнению методик проводил психолог, имеющий ученую степень кандидата наук, который впоследствии контролировал процесс заполнения методик респондентами.

Выборка построена методом «доступных случаев» в силу специфики целевой аудитории. Эмпирическая база исследования (n=65) создана совместно с Фондом защитников Отечества и органами государственной власти, что обеспечило доступ к респондентам и соблюдение этических норм. Для расширения спектра жизненных ситуаций участников СВО данные собирали в двух контрастных группах: среди ветеранов, находившихся на стационарной реабилитации после ранения, и действующих военнослужащих мотострелкового соединения, принимавших участие в проведении СВО на Украине. Респонденты находились в возрасте от 22 до 54 лет, имели различный опыт участия в СВО, время, в течение которого выполнялись боевые задачи, составляло от нескольких часов до длительных периодов. Кроме того, в выборку вошли как кадровые военные, так и лица, не имевшие ранее опыта военной службы. Такой подход формирования выборки позволил смоделировать разнообразие ситуаций, встречающихся в реальной практике специалистов по подбору персонала кадровых служб предприятий и организаций.

Результаты и обсуждение

Психофизиологические особенности участников СВО в категории «индивид». В процессе комплексной диагностики выявлены значительные нарушения в психофизиологическом состоянии испытуемых, что выражается в следующем.

1. Вегетативный дисбаланс и энергетическое истощение. Данные цветового теста Люшера свидетельствуют о наличии нарушения вегетативного баланса: у 28 % обследованных показатель вегетативного коэффициента (ВК) ниже 0,75, что указывает на состояние хронического переутомления и недостаточность восстановительных процессов; 15 % ветеранов имеют показатель ВК выше 1,8 ед., что характеризует работу на пределе компенсаторных возможностей организма. Преобладание эрготропных или трофотропных состояний позволяет вести речь о нарушении психофизиологического гомеостаза.

2. По показателю суммарного отклонения от аутогенной нормы (СО) 16 % испытуемых демонстрируют повышенный и выраженный уровень непродуктивной нервно-психической напряженности, при котором наблюдается неэффективное расходование психофизиологических ресурсов при низком коэффициенте полезного действия. Для такого состояния характерны повышенная утомляемость, отвлекаемость внимания, «застывание» на эмоциональных переживаниях.

3. Клинически значимые уровни стресса. Результаты шкалы DASS-21 показывают, что только у 37,1 % испытуемых нет проявлений симптомов стресса, при этом у 17,1 % диагностируется сильный стресс с выраженными проявлениями нервного возбуждения, раздражительности и неспособности расслабиться.

4. Синдром деморализации как проявление психофизиологического неблагополучия. Данные шкалы деморализации профессора А. Л. Каткова свидетельствуют, что у 34,5 % испытуемых выявлены признаки синдрома деморализации, из них 9,4 % продемонстрировали выраженный синдром деморализации, для которого характерны низкий уровень самооценки, чувство безнадежности и беспомощности, чувства страха, тревоги, уныния, спутанность мышления.

5. Нарушения аффективной сферы. Данные по шкалам депрессии и тревоги DASS-21 свидетельствуют, что у 60,0 % испытуемых наблюдается наличие тревоги, причем у 28,6 % — клинически выраженная тревога. Депрессивная симптоматика отмечается у 80,0 % обследованных, включая 14,3 % с признаками тяжелой депрессии, при которой в аффективной сфере преобладают состояние апатии и чувство безнадежности.

6. Снижение адаптационного потенциала. Диагностика компонентов стрессоустойчивости А. Л. Каткова выявляет, что у 25,8 % испытуемых присутствуют риски развития антиресурсного состояния, при котором наблюдается истощение внутренних ресурсов, снижение адаптивных возможностей и повышение уязвимости к стрессам, что ведет к ухудшению психофизиологического и физического состояния.

Таким образом, психофизиологическое состояние участников СВО как индивидов характеризуется комплексом взаимосвязанных нарушений, включающих вегетативный дисбаланс, энергетическое истощение, высокий уровень нервно-психической напряженности. Особую тревогу вызывает наличие выраженной степени синдрома деморализации у 9,4 % ветеранов, что проявляется в глубоком экзистенциальном кризисе, утрате смысла жизни и общем психологическом неблагополучии. Выявленные особенности требуют разработки комплексной программы психофизиологической реабилитации, направленной на восстановление вегетативного баланса и повышение стрессоустойчивости.

Особенности участников СВО в категории «субъект деятельности». Данные опросника по выявлению копинг-стратегий (COPE) демонстрируют выраженное преобладание активных конструктивных стратегий преодоления стресса («активное совладание», «позитивное переформулирование и личностный рост», «планирование» и «принятие») при относительном дефиците стратегий, связанных с внешней поддержкой и эмоциональной экспрессией (табл. 1).

Таблица 1. Результаты совладания со стрессом (COPE) испытуемых, упорядоченных по убыванию значения медианы и средних показателей в группе
(Table 1. Results of the respondents' coping with stress standardized according to the descending order of value of median and average values in the group)

Показатели по шкалам опросника COPE (диапазон баллов: 4–16)	Мода	Медиана	$\bar{x} \pm \sigma$
F5: Активное совладание (проявляется в целенаправленных усилиях по изменению ситуации и устранению источников стресса)	13,0	12,0	11,7±2,8
F1: Позитивное переформулирование и личностный рост (указывает на поиск конструктивных аспектов в трудных жизненных ситуациях)	16,0	11,0	11,1±3,2
F15: Планирование (отражает способность разрабатывать последовательные планы действий)	13,0	11,0	10,9±3,1
F13: Принятие (умение признавать реальность происходящего)	10,0	11,0	10,5±3,7
F7: Обращение к религии	13,0	10,0	9,9±4,2
F8: Юмор	9,0	10,0	9,9±3,7
F10: Сдерживание	10,0	10,0	9,7±2,6
F14: Подавление конкурирующей деятельности	12,0	10,0	9,9±3,5
F2: Мысленный уход от проблемы	9,0	8,0	7,5±3,0
F4: Использование инструментальной социальной поддержки	9,0	8,0	8,0±3,2
F12: Использование «успокоительных»	10,0	8,0	8,5±2,8
F3: Концентрация на эмоциях и их активное выражение	4,0	7,0	7,7±3,0
F6: Отрицание	4,0	7,0	8,0±3,2
F11: Использование эмоциональной социальной поддержки	7,0	7,0	7,7±3,0
F9: Поведенческий уход от проблемы	4,0	6,0	6,7±2,8

Сильными сторонами группы испытуемых являются собранность, дисциплинированность, самостоятельность. В стрессе они не паникуют, а действуют: составляют план, решают проблему, ищут в ситуации смысл и принимают реальность. Риски связаны с тем, что участники исследования не просят помощи, попадая в стрессовые ситуации. Им сложно довериться и попросить поддержки, как практической, так и эмоциональной. Держат все в себе. Испытуемые подавляют эмоции, что может вылиться в психосоматику и выгорание.

Полученные выводы подтверждают показатели локус-контроля. У испытуемых превалирует интернальная ориентация (67,4 %) над экстернальной (32,6 %). Выявленный значительный перевес интернального локуса контроля объясняет предпочтение активных стратегий преодоления стресса. В целом испытуемые убеждены, что исход событий зависит от их собственных действий, усилий и качеств.

Преобладание интернального локуса контроля также может объяснять низкие показатели по шкалам социальной поддержки. Установка «я сам отвечаю за свою жизнь и сам должен справляться с трудностями» закономерно снижает вероятность обращения за помощью. Это не просто «трудности» в общении, а глубинная мировоззренческая позиция, где само-

стоятельность является ценностью, а зависимость от помощи других может восприниматься как утрата личного контроля и, как следствие, безопасности.

Сочетание данных по COPE и шкале локуса контроля рисует портрет испытуемых как интерналов с высокоразвитым, но несколько «односторонним» личностным ресурсом. Их сильные стороны — ответственность, самостоятельность и ориентация на решение проблем — являются следствием интернальной позиции. Однако эта же позиция обуславливает их ключевую уязвимость — сложности с интеграцией в поддерживающее социальное окружение и потенциально повышенную психоэмоциональную нагрузку из-за убеждения, что справляться со стрессом следует исключительно собственными силами.

Следовательно, психологическая работа должна быть направлена не на снижение интернальности, а на развитие ее гибкости: формирование у испытуемых навыков распознавания ситуаций, где уместно и эффективно принять помощь, не воспринимая это как угрозу утраты личного контроля.

Особенности участников СВО в категории «личность». Данные опросника Ф. Зимбардо свидетельствуют о сбалансированной структуре временной перспективы с выраженной позитивной направленностью. Преобладание в результатах исследований ветеранов СВО повышенных показателей по шкалам «позитивное прошлое» и «будущее» указывает на сохранение способности к конструктивной рефлексии жизненного опыта и наличия целевых ориентаций (табл. 2).

Таблица 2. Показатели временной перспективы по опроснику Ф. Зимбардо, %
(Table 2. Values of time perspective according to F. Zimbardo Time Perspective Inventory, %)

Результаты оценки временной перспективы по шкалам опросника Ф. Зимбардо	Медиана	$\bar{X} \pm \sigma$	Оценка
Негативное прошлое	46	48±16	средний показатель
Позитивное прошлое	73	72±13	повышенный показатель
Фаталистическое настоящее	42	48±18	средний показатель
Гедонистическое настоящее	59	58±11	средний показатель
Будущее	72	72±11	повышенный показатель

В ценностной иерархии ветеранов СВО прослеживается выраженная ориентация на безопасность и автономию. По методике М. Рокича в структуре терминальных ценностей лидируют фундаментальные ценности личного благополучия: счастливая семейная жизнь, здоровье и любовь. В инструментальных ценностях преобладают социально одобряемые качества: воспитанность, аккуратность, честность. Низкие ранги ценностей «творчество» и «высокие запросы» отражают текущую иерархию потребностей,

где вопросы самовыражения и амбиций уступают базовым потребностям в стабильности и безопасности (табл. 3, 4).

Таблица 3. Показатели терминальных ценностей по методике М. Рокича
(Table 3. Meanings of terminal values according to M. Rokeach Value Survey)

Терминальные ценности	Мода	Медиана	$\bar{X} \pm \sigma$
Счастливая семейная жизнь	1	3	4,9±4,3
Здоровье (физическое и психическое)	1	3	5,4±5,0
Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)	2	4	6,4±4,9
Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений)	6	6	7,2±4,8
Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом)	11	6	7,5±4,4
Уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений)	5	8	8,2±5,4
Интересная работа	5	7	8,5±4,3
Наличие хороших и верных друзей	12	8	8,5±4,5
Развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование)	6	8	8,8±4,4
Свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках)	9	9	9,2±4,8
Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие)	12	10	9,8±4,8
Активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни)	13	11	10,5±4,5
Продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей)	15	11	11,1±4,4
Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве)	17	13	12,0±4,8
Общественное призвание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе)	13	13	13,0±3,9
Счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом)	17	15	13,2±4,6
Развлечения (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей)	16	16	13,5±4,4
Творчество (возможность творческой деятельности)	17	13	13,5±3,2

Данные опросника Ш. Шварца подтверждают описанную тенденцию, выявляя доминирование ценностей «самостоятельность» (1 ранг), «универсализм» (2 ранг) и «безопасность» (3 ранг). Низкие ранги ценностей «власть» (10) и «гедонизм» (9) характеризуют специфику ценностного профиля, где мотивы доминирования и чувственных удовольствий занимают периферийное положение в общей системе ценностных ориентаций (табл. 5).

Выявлено значимое противоречие между декларируемыми и реальными поведенческими установками. Это объясняется тем, что ценности универсализма

могут внешне не артикулироваться, но имеют принципиальное значение в реальной жизни.

Таблица 4. Показатели инструментальных ценностей по методике М. Рокича
(Table 4. Meanings of instrumental values according to M. Rokeach Value Survey)

Инструментальные ценности	Мода	Медиана	$\bar{X} \pm \sigma$
Воспитанность (хорошие манеры)	1	6	6,5±5,2
Аккуратность (чистоплотность), умение содержать в порядке вещи, порядок в делах	16	6	7,6±4,9
Честность (правдивость, искренность)	8	8	7,6±4,2
Жизнерадостность (чувство юмора)	3	7	7,8±5,0
Самоконтроль (сдержанность, самодисциплина)	6	7	7,8±5,0
Ответственность (чувство долга, умение держать свое слово)	14	8	8,2±5,5
Исполнительность (дисциплинированность)	5	9	8,3±4,8
Независимость (способность действовать самостоятельно, решительно)	16	8	8,3±5,3
Рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения)	15	9	9,0±5,2
Твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями)	11	11	9,1±3,9
Смелость в отстаивании своего мнения, взглядов	10	10	9,3±4,5
Образованность (широта знаний, высокая общая культура)	18	10	10,4±5,7
Широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки)	13	13	10,4±4,7
Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)	6	10	10,4±4,7
Чуткость (заботливость)	14	12	11,3±4,9
Терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения)	18	12	12,2±5,1
Высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания)	17	14	13,2±4,3
Непримиримость к недостаткам в себе и других	17	16	13,7±4,8

Таблица 5. Групповые показатели культурных ценностей по методике «Опросник культурных ценностей Ш. Шварца»
(Table 5. Group meanings of cultural values according to Sh. Schwartz Cultural Values Questionnaire)

Культурные ценности по методике Шварца	Ранг	Оценка
Самостоятельность	1	Высокая значимость
Универсализм	2	
Безопасность	3	
Доброта	4	Умеренная значимость
Конформность	5	
Достижения	6	
Традиция	7	Низкая значимость
Стимуляция	8	
Гедонизм	9	
Власть	10	

Потребность в самостоятельности, занимающая ведущее положение в иерархии ценностей, представляет собой двойственный ресурс. С одной стороны, это качество способствует проявлению инициати-

вы и ответственности, с другой — может затруднять интеграцию в структуры, нуждающиеся в строгом следовании правилам и командном взаимодействии. Эта автономия сочетается с потребностью в стабильности, создавая уникальный профиль профессионала, способного к самостоятельным действиям в четко определенных границах.

При проектировании программ трудоустройства следует акцентировать позиции со стабильными условиями труда и предсказуемым графиком, что соответствует базовой потребности в безопасности. Необходимо развивать программы психологического сопровождения, направленные на формирование эмпатии, толерантности и коммуникативной компетентности. Организация трудовой деятельности должна предусматривать баланс между предоставлением автономии и необходимостью функционирования в рамках организационных правил и командного взаимодействия.

Таким образом, ценностно-мотивационный профиль ветеранов СВО отражает закономерное возвращение к базовым ценностям (семья, здоровье, любовь) с ориентацией на стабильность и автономию.

Особенности участников СВО в категории «индивидуальность». Индивидуальность в контексте системного подхода профессора В. А. Ганзена рассматривается как высший уровень организации психики, обеспечивающий единство биологического и социального, согласованность потребностей и возможностей, а также устойчивость в изменяющейся среде. Данные исследования показывают, что способность психики к устойчивости в изменяющейся среде у обследованной группы нарушена. По данным Опросника перитравматической диссоциации, у 35 % испытуемых зафиксирован уровень симптоматики, соответствующий диагностическим критериям посттравматического стрессового расстройства. У этой категории граждан возможны непредсказуемые реакции на рабочие стрессоры. Одновременно оценка по Шкале выраженности синдрома деморализации выявила признаки экзистенциального неблагополучия у 34,5 % респондентов, из них у 9,4 % в выраженной степени. Проявления высшей степени деморализации включают: ощущение безнадежности и беспомощности, стойкое снижение самооценки и чувства собственной ценности, выраженное нарушение смыслообразующей функции, нарушение способности к целенаправленной деятельности.

Таким образом, полученные эмпирические данные подтверждают необходимость разработки дифференцированных программ профессиональной интеграции.

Выводы

1. Выявлены критические риски, требующие специального внимания при трудовой интеграции: у 35 % ветеранов с ПТСР возможны непредсказуе-

мые реакции на рабочие стрессоры; у 14 % с тяжелой депрессией наблюдается выраженное снижение мотивации и энергии; у 28 % с нервным истощением значительно снижена работоспособность; 15 % по показателям вегетативного коэффициента цветового теста Люшера находятся на пределе компенсаторных возможностей организма, у них фиксируется перевозбуждение, которое может стать причиной конфликтов в коллективе.

2. С учетом выявленной психологической картины испытуемых (ветераны СВО) можно дифференцировать на три группы: лишь 20 % из них готовы к «быстрому» трудоустройству; от 35 до 40 % ветеранов нуждаются в психологическом и профессиональном сопровождении для успешного трудоустройства; около 40 % участников исследования требуют психофизиологического восстановления перед началом трудоустройства.

3. Полученные эмпирические данные убедительно подтверждают необходимость разработки дифференцированных программ трудовой интеграции, учитывающих выявленные психологические особенности ветеранов СВО. Реализация индивидуального подхода в организации трудоустройства представляется необходимым условием успешной социально-профессиональной реадaptации данной категории граждан.

Рекомендации. Для обеспечения эффективной трудовой адаптации ветеранов СВО рекомендуется внедрение следующих мер:

- организация поэтапной трудовой адаптации для лиц с выраженными нарушениями;
- создание рабочих мест с четкими инструкциями и понятными правилами взаимодействия

с руководством и коллективом, учитывая сочетание потребности в автономии с важностью структурированной среды;

- разработка программ развития навыков социальной поддержки для компенсации выявленного дефицита в использовании внешней помощи;

- внедрение системы наставничества и гибкого графика работы, позволяющего учитывать психофизическое состояние сотрудников-ветеранов.

Данный комплексный подход позволит создать комфортные условия труда, соответствующие как личностным особенностям ветеранов, так и требованиям современного рабочего процесса.

Область применения и перспективы. Полученные результаты могут быть полезны специалистам служб занятости, работодателям, общественным и государственным организациям, которые занимаются адаптацией к мирной жизни ветеранов СВО. Результаты могут быть применены государственными службами занятости, корпоративными HR-службами, реабилитационными центрами. Исследование дает научно обоснованный ответ на вопрос, какие именно психологические особенности ветеранов СВО могут оказать негативное влияние на процесс трудоустройства, а какие, в свою очередь, могут стать новыми ресурсами, как для самих ветеранов, так и для работодателей. Дальнейшее развитие проекта — разработка моделей психолого-профессиональной адаптации ветеранов боевых действий, которые предусматривают мониторинг отдаленных результатов трудоустройства, разработку и популяризацию цифровых платформ для дистанционного психологического сопровождения ветеранов, использование потенциала ветеранов СВО для стабилизации общества и предотвращения кризисов.

Список источников / References

1. Караяни А. Г. О социально-психологической реадaptации участников боевых действий. СПб., 2023. URL: <https://psy.su/feed/11429/?ysclid=mhzf66yz8l571079348> (дата обращения: 00.00.2025).
2. Пушкина М. А., Чирков П. С. Теория современных гибридных войн // *Аллея науки*. 2017. Т. 2, № 8. С. 629–642.
3. Tanielian T., Jaycox L. H. (Eds.) *Invisible Wounds of War: Psychological and Cognitive Injuries, Their Consequences, and Services to Assist Recovery*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2008. 452 p.
4. Hoge C. W. *Once a Warrior, Always a Warrior: Navigating the Transition from Combat to Home — Including Combat Stress, PTSD, and mTBI*. New York, 2010. 328 p.
5. MacRae L. M., Wooten J. L. Bridging the Gap: Translating Military Competencies for the Civilian Workforce. *Journal of Veterans Studies*. 2016. Vol. 1. No. 1. Pp. 45–60.
6. Гнётв П. М., Полевая Н. М., Шаповалова М. А. Профессиональная подготовка и профессиональное образование ветеранов боевых действий // *Актуальные вопросы науки и практики* : сб. тр. науч. конф. Благовещенск, 2019. С. 34–37.
7. Григорьев С. М. Проектная модель интеграции ветеранов военной службы в гражданские организации // *Российский военно-психологический журнал*. 2023. № 2(2). С. 47–66.
8. Bryson J. M., Crosby B. C., Stone M. M. Designing and Implementing Cross-Sector Collaborations: Needed and Challenging. *Public Administration Review*. 2015. Vol. 75. Pp. 647–663.
9. Стрельченко А. Б. Боевой стресс. Нейропсихологические механизмы психологической устойчивости и принципы ее повышения. М., 2023. 407 с.
10. Караяни А. Г. *Психофизиология боевой деятельности* : учеб. пособие для курсантов. М., 2020. 208 с.
11. Ульянина О. А., Ермолаева А. В., Волков Д. С., Комолова О. С. Модель психологического сопровождения семей участников (ветеранов) специальной военной операции : метод. рекомендации. М., 2024. 40 с.

12. Мурзина В. В., Каткова Е. Н., Бобылев Д. А., Меньшиков В. В. Психологическая помощь участникам СВО по адаптации к мирной жизни: проект «Феникс» // Дальневосточная Психея — 2023 : сб. метод. мат-лов / под ред. Е. Н. Катковой. Комсомольск-на-Амуре, 2024. С. 99–109.

13. Гурылёва Л. В., Семенова И. А., Силакова М. М., Фёдоров А. И. Из опыта исследования психоэмоционального состояния военнослужащих, проходящих медицинскую реабилитацию после участия в СВО // Человеческий капитал. 2024. № 10(190). С. 111–120.

14. Ермолова Е. О., Шамшикова О. А. Взаимосвязь нервно-психической устойчивости и склонности к отклоняющемуся поведению у военнослужащих контрактной службы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26, № 4(87). С. 404–415.

15. Ганзен В. А. Системные описания в психологии. Л., 1984. 176 с.

16. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. М., 2000. 288 с.

17. Юрьев А. И., Шевякова Л. П., Бурикова И. С. Стратегическая психология глобализации: психология человеческого капитала. СПб., 2006. 511 с.

18. Бурикова И. С., Коновалова М. А., Пушкина М. А., Юрьев А. И. Опыт психологического измерения человеческого капитала. СПб., 2009. 123 с.

19. Бурикова И. С. Роль феномена оборонного сознания населения в существующей геополитической ситуации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 1(100). С. 15–21.

Поступила 18.10.2025; одобрена после рецензирования 25.11.2025; принята к публикации 30.03.2026.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.9.07 © Ситников В. Л., Стреленко А. А., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-181-188

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Приемные семьи как ресурс профилактики детско-подростковой виктимности

Валерий Леонидович Ситников, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии ¹; sitnikof@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6847-7591>

Анна Анатольевна Стреленко, кандидат психологических наук, доцент, декан факультета социальной педагогики и психологии ²; strelenko@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9765-5430>

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1, Россия

² Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, 210038, Витебск, Московский проспект, 33, Республика Беларусь

Реферат. Введение. Представлен социально-психологический анализ роли приемных семей в профилактике виктимности детей и подростков. На основе синтеза современных отечественных и зарубежных исследований рассматриваются механизмы, посредством которых семейное устройство способствует снижению рисков криминальной, бытовой и институциональной виктимизации. Цель — теоретико-эмпирическое обоснование роли приемной семьи как ресурса профилактики детско-подростковой виктимности. **Материалы, результаты и обсуждение.** С 2019 г. по 2025 г. проводилось исследование гендерных особенностей восприятия и взаимодействия в диадах «родитель — ребенок» в приемных и биологических семьях. Выборку составили приемные матери (n=112) и биологические матери (n=106). Внутри каждой группы были выделены подгруппы: приемные и биологические матери, воспитывающие сыновей. Обработка данных включала описательные статистики, U-критерий Манна-Уитни, t-критерий Стьюдента. Проанализирована двойственная природа приемной семьи: с одной стороны, как ресурса социальной адаптации и снижения институциональной виктимизации, с другой — как среды, потенциально содержащей риски вторичной травматизации. Особое внимание уделяется факторам, детерминирующим виктимное поведение подростков в процессе социализации, психологическим последствиям депривации, а также ресурсному потенциалу замещающей семьи в формировании устойчивости и адаптивных стратегий поведения. **Выводы.** Показана необходимость интеграции виктимологического, психолого-педагогического и правового подходов в системе профилактики. Эффективность приемной семьи как профилактического ресурса напрямую зависит от качества психолого-педагогического сопровождения и стабильности привязанности.

Ключевые слова: приемная семья, детско-подростковая виктимность, профилактика, социализация, психологическая безопасность, резильентность, домашнее насилие, замещающее воспитание

Для цитирования: Ситников В. Л., Стреленко А. А. Приемные семьи как ресурс профилактики детско-подростковой виктимности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 2(105). С. 181–188. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-181-188>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9.07 © Sitnikov V. L., Strelenko A. A., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-181-188

5.3.5. Social Psychology, Political and Economic Psychology; 5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security;

5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

Foster Families as a Resource to Prevent Child-Adolescent Victimization

Valery L. Sitnikov, Honoured Worker of the Higher Education of the Russian Federation, Doctor of Science (in Psychology), Professor, Professor at the chair of Legal Psychology ¹; sitnikof@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6847-7591>

Anna A. Strelenko, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor, dean of the faculty of Social Pedagogy and Psychology ²; strelenko@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9765-5430>

¹ the St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 1, Pilot Pilyutov st., St. Petersburg, 198206, Russia

² Vitebsk State University named after P.M. Masherov, 33, Moskovskiy pr., Vitebsk, 210038, Republic of Belarus

Abstract. Introduction. The paper presents a socio-psychological analysis of the role of foster families in the prevention of child and adolescent victimization. Based on the synthesis of modern domestic and foreign studies, the mechanisms through which the family structure contributes to reducing the risks of criminal, domestic and institutional victimization are considered. The objective is to give a theoretical empirical foundation for the role of the foster family as a resource used to prevent child-adolescent victimization. **Materials, Results and Discussion.** From 2019 to 2025 the authors attempted a study on gender characteristics of perception and interaction in the parent-child dyads in foster and biological families. The sample consisted of adoptive mothers (n=112) and biological mothers (n=106). Within each group, subgroups were identified: adoptive and biological mothers raising sons. Data processing included descriptive statistics, Mann-Whitney U-test, Student's t-test. The dual nature of the foster family was analyzed: on the one hand, as a resource for social adaptation and reducing institutional victimization, on the other, as an environment that potentially contains risks of secondary trauma. The emphasis is placed on the factors that determine the victim behavior of adolescents in the process of socialization, the psychological consequences of deprivation, as well as the resource potential of the substitute family in the formation of resilience and adaptive behavior strategies. **Conclusions.** The need to integrate victimological, psychological, pedagogical and legal approaches in the prevention system is shown. The effectiveness of the foster family as a preventive resource directly depends on the quality of psychological and pedagogical support and the stability of attachment.

Keywords: foster family, child-adolescent victimization, prevention, socialization, psychological safety, resilience, domestic violence, substitute parenting

Citation: Sitnikov V. L., Strelenko A. A. Foster Families as a Resource to Prevent Child-Adolescent Victimization. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 2(105). Pp. 181–188 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-181-188>

Основные положения

1. Приемная семья обладает значительным потенциалом для снижения рисков криминальной, бытовой и институциональной виктимизации детей и подростков, однако при отсутствии качественного психолого-педагогического сопровождения может стать средой вторичной травматизации. Формирование надежной эмоциональной привязанности в замещающей семье выступает центральным механизмом восстановления доверия к миру, снижения гиперактивности и развития устойчивости к виктимогенным воздействиям. По сравнению с учреждениями интернатного типа приемная семья обеспечивает более высокие показатели эмоционального благополучия, социальной компетентности и академической успешности детей, что подтверждается как отечественными, так и зарубежными исследованиями.

2. Эффективная профилактика повторной виктимизации невозможна без внедрения травма-информированных практик, предполагающих понимание нейробиологических последствий насилия, деэскалацию конфликтов и индивидуализированную поддержку.

3. Эмпирически установлено, что приемные матери проявляют большую строгость к сыновьям и более высокий контроль, а также непоследовательность в воспитании по сравнению с биологическими матерями, что требует целенаправленной психологической коррекции. Реализация профилактического потенциала приемной семьи возможна только при интеграции виктимологического, психолого-педагогического и правового подходов, а также при непрерывной подготовке и сопровождении замещающих родителей.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Актуальность исследования детско-подростковой

виктимности в современном социуме обусловлена, прежде всего, сохранением высокого уровня виктимизации несовершеннолетних в семейно-бытовой, образовательной и цифровой сферах [1; 2]. В частности, статистические данные свидетельствуют о том, что подростковый возраст остается периодом повышенной уязвимости вследствие сочетания физиологических изменений, формирования идентичности и социальной незрелости [2]. В то же время особую тревогу вызывает устойчивая тенденция к росту кибервиктимизации, непосредственно связанной с экспансией цифровых технологий в повседневную жизнь детей [3; 4]. Более того, проблемы домашнего насилия продолжают затрагивать наиболее уязвимые категории несовершеннолетних, создавая кумулятивный эффект травматизации [2; 3].

В связи с этим дети, оставшиеся без попечения родителей, представляют собой группу особого риска: ранняя травматизация, нарушение механизмов привязанности и институциональная социализация формируют предпосылки для повторной виктимизации на протяжении жизненного пути [4; 5]. Следовательно, поиск эффективных ресурсов профилактики становится не просто научной, но и социально-практической задачей.

В условиях трансформации института семьи [6; 7] и недостаточной эффективности традиционных форм профилактики возрастает роль альтернативных моделей устройства детей. В этом контексте приемная семья, появившаяся еще в ранний послевоенный период, выступает одной из таких моделей [4]. Приемная семья, представляя собой не просто форму замещающего воспитания, обладает, как предполагается, потенциалом активного ресурса профилактики виктимного поведения [8; 9].

Однако реализация этого потенциала требует научного обоснования механизмов влияния семейного устройства на снижение виктимогенных рисков. Именно поэтому необходимо разработать комплексные подходы к подготовке и сопровождению приемных семей, учитывающие специфику работы с детьми, имеющими травматический опыт.

Теоретические предпосылки и обзор современных исследований. Для понимания механизмов профилактики виктимности целесообразно обратиться к современному состоянию научной рефлексии в данной области. Прежде всего, современная виктимологическая наука рассматривает виктимность как многомерный конструкт, детерминированный взаимодействием личностных, ситуативных и социально-средовых факторов. В частности, В. В. Базелюк и И. Р. Тыкман выделяют микро-, мезо- и макроуровни виктимогенных детерминант, подчеркивая динамический характер процессов виктимизации в подростковом возрасте [1]. Данный подход позволяет преодолеть редукционистские трактовки и перейти к системному анализу.

Развивая эту логику, П. А. Кабанов акцентирует внимание на возрастной специфике рисков, отмечая, что повышенная уязвимость подростков обусловлена не только индивидуальными особенностями, но и социальными ожиданиями, нормативными кризисами развития [10]. В свою очередь, исследования психологических факторов виктимного поведения Т. Н. Матанцевой выявляют роль искаженных когнитивных схем, дефицита социальных навыков и эмоциональной лабильности в повышении вероятности виктимизации [11].

Важно отметить, что семья занимает особое место в системе факторов виктимности. А. А. Реан демонстрирует двойственную роль семейной среды: она может выступать как протективным, так и виктимогенным фактором в зависимости от качества детско-родительского взаимодействия, стиля воспитания и эмоционального климата [9]. Следовательно, именно характеристики семейного функционирования становятся ключевой мишенью для профилактических интервенций.

Переходя к анализу новых форм угроз, следует подчеркнуть, что цифровая виктимизация представляет качественно новые вызовы для системы защиты детства. В частности, А. А. Батеева выделяет кибербуллинг, груминг, вовлечение в деструктивные онлайн-сообщества как ключевые проявления угрозы безопасности детей в цифровой среде [3]. При этом специфика кибервиктимизации заключается в анонимности агрессора, трансграничном характере взаимодействий и быстрой эволюции тактик манипуляции. В развитие данной проблематики А. В. Майоров рассматривает механизмы цифровой радикализации несовершеннолетних, обосновывая необходимость

формирования медиаграмотности и критического мышления как элементов профилактики [4].

Параллельно проблема домашнего насилия остается центральной в контексте детской виктимности. В связи с этим Е. И. Думанская и А. Г. Меньшикова обосновывают необходимость дифференцированного подхода к профилактике, выделяя первичный, вторичный и третичный уровни вмешательства [2]. Соответственно, А. В. Беляков и В. Л. Ситников с соавторами подчеркивают важность межведомственного взаимодействия и профессиональной подготовки специалистов для раннего выявления кризисных ситуаций [12; 13, с. 295–300; 14].

Что касается сравнительных исследований условий воспитания, то они демонстрируют преимущества приемной семьи перед институциональными условиями. Так, С. В. Ваврик показывает, что дети в приемных семьях имеют более высокие показатели эмоционального благополучия, социальной компетентности и академической успеваемости по сравнению со сверстниками из учреждений интернатного типа [8]. Эти данные коррелируют с результатами международных исследований: в частности, стабильность размещения и качество привязанности являются значимыми предикторами удовлетворенности жизнью у молодых людей, выросших в приемных семьях [15], тогда как институциональная депривация оказывает долгосрочное негативное влияние на когнитивное и эмоциональное развитие [16].

Наконец, травмо-информированный подход становится международным стандартом работы с детьми, пережившими насилие. Z. Powell и T. G. Gates формулируют принципы безопасности, доверия и сотрудничества как основу эффективной социальной работы [17]. Более того, исследования нейробиологических последствий жестокого обращения [18] и феноменов «оставленности» и «вовлеченности» [19] подчеркивают необходимость раннего вмешательства и целенаправленного развития резильентности [20].

Выделение не решенных ранее частей общей проблемы. Несмотря на значительный объем накопленных исследований, анализ литературы позволяет выявить ряд пробелов, требующих дальнейшего научного осмысления. Во-первых, отсутствуют комплексные теоретико-методологические модели, интегрирующие виктимологический, психолого-педагогический и правовой подходы к оценке профилактического потенциала приемной семьи. В связи с этим затруднена разработка единых критериев эффективности профилактических программ.

Во-вторых, недостаточно изучены механизмы трансляции протективных факторов семейной среды в конкретные навыки противодействия цифровой виктимизации. Иными словами, остается неясным, каким образом опыт безопасной привязанности в при-

емной семье влияет на способность ребенка распознавать и противостоять манипуляциям в онлайн-пространстве.

В-третьих, требуется разработка и валидизация инструментов оценки эффективности профилактики виктимности в контексте приемной семьи с учетом российской и белорусской социокультурной специфики. При этом существующие методики часто заимствованы из зарубежной практики без адаптации к локальным условиям [7; 8].

В-четвертых, недостаточно исследованы долгосрочные эффекты устройства в приемную семью для различных категорий детей с учетом возраста, пола, характера и длительности травматического опыта. Следовательно, затруднено построение дифференцированных программ сопровождения.

Наконец, остается актуальной проблема оптимизации межведомственного взаимодействия при сопровождении приемных семей, включая вопросы подготовки кадров, ресурсного обеспечения и координации услуг [8]. Таким образом, выявленные пробелы определяют вектор дальнейшего исследования.

Цель настоящего исследования заключается в теоретико-эмпирическом обосновании роли приемной семьи как ресурса профилактики детско-подростковой виктимности.

Материалы, результаты и обсуждение

Приемная семья в системно-ресурсной перспективе. В соответствии с подходом А. А. Стреленко приемная семья представляет собой динамическую систему, в которой циркулируют эмоциональные, когнитивные и социальные ресурсы, оказывающие непосредственное влияние на развитие ребенка [21]. Именно в этой системе реализуется профилактический потенциал через несколько взаимосвязанных механизмов.

Прежде всего приемная семья обеспечивает физическую и эмоциональную безопасность. Стабильная, предсказуемая среда, свободная от насилия и пренебрежения, создает базовое условие для восстановления доверия к миру и снижения гипервигильности — состояния постоянного ожидания угрозы, характерного для детей с травматическим опытом [5; 22]. Более того, именно безопасность становится фундаментом, на котором строятся дальнейшие интервенции.

Развивая эту мысль, необходимо подчеркнуть роль формирования безопасной привязанности. Качественный эмоциональный контакт с приемным родителем способствует развитию внутренней рабочей модели отношений, основанной на доверии и предсказуемости. Как показывают исследования М. Dozier и К. Bernard, даже для детей старшего возраста, переживших травму, коррекция паттернов взаимодействия может запустить процессы нейропластичности и восстановления эмоциональной регуляции [15]. Следовательно, работа

с привязанностью становится центральным элементом профилактической стратегии.

Кроме того, приемная семья выполняет функцию трансляции просоциальных норм и ценностей. Через повседневное взаимодействие, моделирование поведения, обсуждение моральных дилемм ребенок усваивает конструктивные стратегии разрешения конфликтов, уважение к границам других, эмпатию [9]. Важно отметить, что именно эти компетенции снижают уязвимость к манипуляциям и эксплуатации в дальнейшем.

Наконец, приемная семья содействует развитию резильентности — способности к позитивной адаптации в условиях трудностей. Поддержка в освоении навыков саморегуляции, решения проблем, поиска помощи повышает способность ребенка противостоять виктимогенным воздействиям. При этом, как подчеркивают N. Zhang с соавторами, устойчивость формируется на пересечении индивидуальных ресурсов и характеристик среды, что актуализирует важность создания поддерживающего окружения [20].

Таким образом, приемная семья реализует профилактический потенциал не как пассивная форма устройства, а как активная развивающая среда, целенаправленно формирующая защитные ресурсы личности.

Переходя к анализу психолого-педагогических механизмов, необходимо подчеркнуть, что качество родительско-детского взаимодействия выступает ключевым медиатором профилактического эффекта. В частности, А. А. Стреленко акцентирует роль социально-перцептивных процессов: способность приемного родителя распознавать и адекватно реагировать на эмоциональные сигналы ребенка особенно важна для детей с травмой привязанности, чьи потребности могут выражаться через проблемное поведение [21].

В связи с этим выделяются четыре ключевых аспекта взаимодействия. Во-первых, эмоциональная доступность — способность быть «настроенным» на эмоциональное состояние ребенка, даже если оно выражено непрямо. Во-вторых, последовательность в установлении границ, создающая ощущение предсказуемости и контроля. В-третьих, поддержка автономии при сохранении эмоциональной связи, способствующая формированию здоровой идентичности. В-четвертых, открытая коммуникация о прошлом, позволяющая ребенку интегрировать травматический опыт без стигматизации [18].

Важно подчеркнуть, что профилактика не должна сводиться к контролю и запретам. Напротив, она строится на доверии, диалоге и совместном поиске решений. Именно такой подход позволяет ребенку не просто «избежать» виктимизации, но и развить внутренние ресурсы для самостоятельного противостояния рискам.

Дополнительно следует отметить роль развития социально-эмоциональных компетенций (далее — СЭК) как доказанного фактора профилактики виктимного поведения. В условиях приемной семьи СЭК формируются через эмоциональное наставничество, социальное моделирование, практику просоциального поведения и рефлексии. При этом эффективность возрастает, когда эти практики интегрированы в повседневную жизнь семьи, а не реализуются как формальные тренинги.

Подчеркнем, что в условиях цифровизации социальных взаимодействий приемные родители сталкиваются с новой, но критически важной задачей — обеспечением кибербезопасности ребенка. Как справедливо отмечает А. А. Батеева, профилактика кибервиктимизации требует не только технических мер (родительский контроль, фильтры), но и развития цифровой грамотности, критического мышления, навыков безопасного онлайн-поведения [3].

Преимущество приемной семьи в данном контексте заключается в возможности индивидуального подхода. В частности, приемный родитель может обсуждать с ребенком конкретные ситуации, анализировать риски, вырабатывать персональные стратегии безопасности в атмосфере доверия. Более того, доверительная атмосфера повышает вероятность того, что ребенок обратится за помощью при столкновении с киберугрозой, не опасаясь осуждения или запрета доступа к технологиям.

Развивая эту линию, А. В. Майоров подчеркивает важность профилактики вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую и террористическую деятельность через цифровые каналы [4]. В этом аспекте приемная семья может играть роль «иммунной системы», формируя у ребенка ценностный иммунитет к манипулятивным нарративам. Достигается это через развитие критического мышления (анализ источников, распознавание пропаганды), укрепление позитивной идентичности (поиск конструктивных способов самореализации) и формирование эмпатии (обсуждение разнообразия культур и взглядов).

Основной принцип, таким образом, заключается в том, что профилактика цифровой виктимизации должна строиться на основе диалога и партнерства, а не на запретах и тотальном контроле. Только в этом случае ребенок приобретает не внешние ограничения, а внутренние компетенции для безопасной навигации в цифровом мире.

Большинство детей, поступающих в приемные семьи, имеют опыт травматизации. Учет этого фактора становится необходимым условием профилактики повторной виктимизации. Проблема состоит в том, что традиционные подходы к воспитанию, основанные на поведенческих методах коррекции, могут оказаться неэффективными или даже вредными для детей с травмой привязанности, интерпре-

тируя симптомы посттравматического стресса как «плохое поведение».

В связи с этим травма-информированный подход предлагает принципиально иную парадигму. Как формулируют Z. Powell и T. G. Gates, его ведущие принципы предусматривают понимание травмы и ее распространенности; создание физической и эмоциональной безопасности; построение отношений на доверии и прозрачности; поддержку взаимопомощи; сотрудничество и взаимность; учет культурных, исторических и гендерных аспектов [17].

Применительно к подготовке и сопровождению приемных семей это означает обучение распознаванию признаков травмы и пониманию нейробиологических механизмов посттравматических реакций; развитие навыков регуляции собственных эмоций для предотвращения вторичной травматизации; освоение стратегий деэскалации конфликтов, не основанных на наказании; создание индивидуализированных планов поддержки с учетом триггеров и ресурсов конкретного ребенка.

Подтверждением актуальности изложенного подхода служат данные А. Г. Фаустовой и М. А. Кравченко о долгосрочном влиянии жестокого обращения на высшие психические функции, в том числе исполнительные функции, память и внимание [18]. Следовательно, поддержка детей в приемных семьях должна включать не только психологическую, но и нейропсихологическую компоненту, направленную на восстановление когнитивных ресурсов.

Наконец, эффективность приемной семьи как ресурса профилактики во многом зависит от качества нормативно-правового регулирования и организационного обеспечения. В частности, Н. И. Козелецкая подчеркивает необходимость гармонизации национального законодательства с международными стандартами защиты детей от насилия [23].

Ключевые аспекты правового регулирования охватывают четкие критерии отбора и подготовки приемных родителей; определение прав и обязанностей всех сторон; механизмы контроля и поддержки; прозрачные процедуры разрешения конфликтов. При этом, как показывают исследования Е. В. Герасимовой и Н. В. Данилова, эффективность профилактики зависит от слаженности межведомственного взаимодействия и профессиональной подготовки специалистов [24].

Соответственно, межведомственное взаимодействие должно опираться на единые протоколы оценки рисков и потребностей; координационные механизмы (межведомственные советы, кураторы случая); совместное планирование интервенций; программы профессионального развития для формирования общего языка подходов. В развитие этой идеи А. В. Беляков и В. Л. Ситников с соавторами акцентируют важность

проактивных стратегий работы, направленных на раннее выявление кризисных семей [12–14].

Что касается подготовки приемных родителей, то она должна быть непрерывной, а не разовой. Оптимальная модель включает обязательный травмаинформированный компонент; практикум по взаимодействию через ролевые игры и анализ кейсов; подготовительное сопровождение (консультации, группы взаимопомощи, кризисная поддержка). Оценка эффективности, в свою очередь, должна опираться на комплекс показателей: благополучие ребенка, стабильность устройства, профилактику виктимности, функционирование семьи.

Результаты эмпирического исследования особенностей восприятия и взаимодействия в диадах «родитель — ребенок» в приемных и биологических семьях. Неоспоримым является факт, что семья выступает ключевым институтом социализации личности. Именно в семейной среде ребенок впервые осваивает социальные нормы и правила, учится выстраивать поведение и отношения с окружающими, приобщается к культурным ценностям, что закладывает фундамент для его личностного развития.

В период с 2019 г. по 2025 г. нами проводилось исследование, посвященное гендерным особенностям восприятия и взаимодействия в диадах «родитель — ребенок» в приемных и биологических семьях. Среди полученных результатов особое место занимают данные о специфике материнского отношения к детям разного пола в зависимости от типа семьи (приемная или биологическая).

Как мы отмечали в одной из работ, трудности взаимопонимания между родителями и детьми нередко обусловлены психологическими барьерами, возникающими как у детей, так и у взрослых. Нередко подобные проблемы связаны с искаженным отражением в сознании родителей образов собственных детей. Причинами таких искажений могут служить хроническое утомление от общения с ребенком и, как следствие, накопленный стресс [13].

В работе D. V. Negraia с соавторами было выдвинуто предположение о влиянии гендерного состава детей на эмоциональное состояние родителей в процессе общения. Результаты показали, что у матерей и отцов гендерный состав детей не связан с уровнем родительского благополучия или субъективной значимости воспитания. Однако отцы демонстрировали более высокий уровень стресса при воспитании девочек или разнополых детей по сравнению с воспитанием только мальчиков. Матери, в свою очередь, испытывали большую усталость и стресс, ухаживая за дочерьми, нежели за сыновьями [25].

Существуют также устоявшиеся представления о том, что мальчики являются более желанными детьми, особенно если речь идет о первенце. Это объясняется традиционными взглядами на более высокую

социальную ценность мужчины по сравнению с женщиной [26].

Как уже отмечалось ранее, родители чаще проявляют тревогу, если их сыновья демонстрируют поведение, воспринимаемое как «маменькины сынки», в то время как аналогичное беспокойство в отношении дочерей, ведущих себя «озорницами», выражено слабее. Несамостоятельность мальчиков, как правило, осуждается, тогда как у девочек зависимость от других нередко принимается и даже поощряется. Вследствие этого у мальчиков формируется установка на опору в первую очередь на собственные достижения как основу самоуважения, тогда как самооценка девочек в большей степени зависит от отношения окружающих. В родительском поведении это проявляется в стремлении держать дочь как можно ближе к себе: на вербальном и невербальном уровнях девочке транслируется неуверенность в собственных силах и необходимость в опоре на другого человека [13].

Одной из задач нашего исследования стало выявление особенностей взаимодействия матерей с приемными и родными сыновьями и дочерьми.

Выборка. Выборку составили приемные матери (n=112) и биологические матери (n=106). Внутри каждой группы были выделены подгруппы:

1) приемные матери, воспитывающие сыновей (n=48, возраст детей от 3 лет до 17,5 года, M=12,25; SD=3,87);

2) приемные матери, воспитывающие дочерей (n=64, возраст детей от 4 до 17 лет, M=12,84; SD=3,24);

3) биологические матери, воспитывающие сыновей (n=52, возраст детей от 2,9 года до 19 лет, M=10,61; SD=4,80);

4) биологические матери, воспитывающие дочерей (n=54, возраст детей от 4 до 17 лет, M=10,07; SD=4,49).

В работе применялись как теоретические, так и эмпирические методы. Основным психодиагностическим инструментом выступила методика «Взаимодействие родитель — ребенок» И. М. Марковской [27]. Статистическая обработка данных включала описательные статистики, U-критерий Манна-Уитни, t-критерий Стьюдента (с предварительным пересчетом сырых баллов в z-баллы), а также ϕ^* — угловое преобразование Фишера. Анализ проводился с использованием IBM SPSS Statistics 23 for Windows.

Сравнительный анализ выявил статистически значимые различия между приемными и биологическими матерями по следующим параметрам взаимодействия: контроль (p=0,000), близость (p=0,003), принятие (p=0,000), непоследовательность (p=0,001) и авторитетность (p=0,0010).

В рамках проверки гипотезы о наличии различий во взаимодействии с детьми в зависимости от пола ребенка и типа родительства (приемное/биологическое) были получены следующие результаты.

У приемных матерей обнаружены различия в тактиках взаимодействия с сыновьями и дочерьми по шкале «строгость» ($t=2,082$, $p=0,040$). При этом строгость проявляется в большей степени по отношению к сыновьям, тогда как к дочерям она выражена слабее. У биологических матерей значимых различий в тактиках взаимодействия с родными сыновьями и дочерьми не диагностировано.

При сравнении групп «сыновья приемных матерей» и «сыновья биологических матерей» установлены различия по таким параметрам, как контроль ($t=3,841$, $p=0,000$); принятие ($t=-3,525$, $p=0,001$); непоследовательность ($t=2,174$, $p=0,032$); авторитетность ($t=1,961$, $p=0,053$).

При сравнении групп «дочери приемных матерей» и «дочери биологических матерей» выявлены различия по параметрам: контроль ($t=3,014$, $p=0,003$); близость ($t=-1,906$, $p=0,059$); принятие ($t=-3,068$, $p=0,003$); непоследовательность ($t=2,875$, $p=0,005$); авторитетность ($t=2,224$, $p=0,028$).

По сравнению с биологическими матерями приемные матери демонстрируют более выраженный контроль по отношению к ребенку, а также большую непоследовательность в воспитании, что может быть следствием неуравновешенности, неуверенности в своих воспитательных действиях и, возможно, элементов отвержения ребенка [27].

Биологические матери воспринимают своих дочерей как более близких людей по сравнению с тем, как приемные матери воспринимают приемных дочерей. Биологические матери чаще соглашаются со своими дочерьми (в отличие от сыновей) и в целом более удовлетворены отношениями, складывающимися с дочерьми.

Взаимодействие биологических матерей с родными сыновьями по сравнению с дочерьми характеризуется как менее удовлетворенное и менее согласованное. У них чаще возникают различия во взглядах именно с сыновьями, нежели с дочерьми.

В целом биологические родители (в сравнении с приемными) демонстрируют по отношению к своим дочерям больше симпатии, уважения, одобрения и в большей степени открыты к сотрудничеству.

Итак, реализация профилактического потенциала приемной семьи требует системного, ресурсного и гуманистического подходов. Только при таких условиях институт приемной семьи сможет в полной мере стать пространством безопасности, развития и защиты прав каждого ребенка, нуждающегося в заботе и поддержке.

Выводы

1. Приемная семья представляет собой значимый, но недостаточно реализованный ресурс профилактики детско-подростковой виктимности. Теоретические и эмпирические данные свидетельствуют о том, что качественное семейное устройство способно компенсировать негативные эффекты ранней травматизации, снизить уязвимость к виктимогенным воздействиям, способствовать формированию резильентности и позитивной траектории развития.

2. Ключевыми условиями реализации профилактического потенциала приемной семьи являются интеграция травма-информированных подходов во все аспекты работы; инвестиции в подготовку и непрерывное сопровождение приемных родителей; обеспечение межведомственного взаимодействия, ориентированного на наилучшие интересы ребенка; развитие исследовательской базы для оценки эффективности интервенций; признание права ребенка на участие в принятии решений.

Кроме того, актуальна адаптация лучших международных практик к локальным условиям, включая программы постинтернатного сопровождения и развития сообщества приемных семей.

Область применения и перспективы дальнейшего развития. Перспективы дальнейшего развития данного направления включают несколько взаимосвязанных векторов. Во-первых, разработка комплексных моделей оценки профилактического потенциала приемной семьи с учетом региональной специфики России и Беларуси. Во-вторых, создание и валидизация инструментов мониторинга виктимности и резильентности, адаптированных для детей в приемных семьях. В-третьих, исследование долгосрочных эффектов устройства для различных категорий детей с учетом возраста, пола и характера травматического опыта.

Список источников / References

1. Базельюк В. В., Тыкман И. Р. Факторы виктимизации подростков в процессе социализации // Виктимология. 2024. Т. 11, № 3. С. 446–459.
2. Думанская Е. И., Меньшикова А. Г. Индивидуальная виктимность и виктимологическая профилактика жертв домашнего насилия // Виктимология. 2022. Т. 9, № 3. С. 280–287.
3. Батеева А. А. Кибервиктимизация как проблема безопасности детей и подростков в современном социуме // Социальная педагогика. 2020. № 4. С. 86–91.
4. Майоров А. В. Виктимологическое противодействие цифровой виктимизации несовершеннолетних, вовлекаемых в экстремистскую и террористическую деятельность // Виктимология. 2025. Т. 12, № 3. С. 363–374.
5. Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психология сиротства. 3-е изд. СПб., 2007. 400 с.
6. Коблева З. Х., Каратабан И. А. Ценности современной семьи как объект социокультурного анализа // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Т. 14, № 1. С. 121–130.

7. Коблева З. Х., Каратабан И. А., Губжокова Н. К. Влияние пандемии COVID-19 на состояние института семьи и брака // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 4. С. 45–51.
 8. Ваври С. В. Специфика субъективного благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в различных условиях воспитания (институциональные условия и условия приемной семьи) // Социальные науки и детство. 2024. Т. 5, № 4. С. 86–103.
 9. Реан А. А. Семья как фактор профилактики и риска виктимного поведения // Национальный психологический журнал. 2015. № 1. С. 3–8.
 10. Кабанов П. А. Криминальная виктимность несовершеннолетних: возрастная структура и ее содержание // Виктимология. 2019. № 2(20). С. 28–32.
 11. Матанцева Т. Н. Факторы виктимного поведения подростков как социальная проблема психологической науки // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 8. С. 74–81. URL: <https://e-koncept.ru/2016/56124.htm> (дата обращения: 02.12.2025).
 12. Беляков А. В. Превентивные меры противодействия домашнему насилию // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2024. № 1. С. 66–71.
 13. Развитие ребенка в семье : коллективная монография. Серия «Семья и дети в современном мире» / отв. ред. В. Л. Ситников. СПб., 2017. 500 с.
 14. Ситников В. Л., Шахматов А. В. Профилактика домашнего насилия // Российский девиантологический журнал. 2024. № 4(4). С. 664–675.
 15. Dozier M., Bernard K. Intervening early: socioemotional interventions targeting the parent–infant relationship. *Annual review of developmental psychology*. 2023. Vol. 5. Pp. 115–135.
 16. Zeanah Ch. H., King L. S. Practice and Policy Regarding Child Neglect: Lessons from Studies of Institutional Deprivation. *Annual review of developmental psychology*. 2022. Vol. 4. Pp. 399–422.
 17. Powell Z., Gates T. G. Trauma-informed social work practice with children, youth, and families. *Australian Social Work*. 2025. Vol. 78, No. 4. Pp. 375–378.
 18. Фаустова А. Г., Кравченко М. А. Состояние высших психических функций у юношей и девушек, переживших жестокое обращение в детском и подростковом возрасте (пилотажное исследование) // Клиническая и специальная психология. 2025. Т. 14, № 1. С. 33–52.
 19. Харламенкова Н. Е., Никитина Д. А., Шаталова Н. Е., Дымова Е. Н. Психологические последствия переживания стресса в детском возрасте — феномены «оставленности» и «вовлеченности» // Клиническая и специальная психология. 2022. Т. 11, № 3. С. 71–96.
 20. Zhang N., Yang Sh., Jia P. Cultivating resilience during the COVID-19 pandemic: a socioecological perspective. *Annual review of psychology*. 2022. Vol. 73. Pp. 575–598.
 21. Стреленко А. А. Системно-ресурсная концепция социально-перцептивной детерминации родительско-детского взаимодействия. Витебск, 2024. 504 с.
 22. Шипицына Л. М. Психология детей-сирот : учеб. пособие. СПб., 2005. 627 с.
 23. Козелецкая Н. И. Международно-правовые основы защиты детей от домашнего насилия // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тезисы докл. междунар. науч.-практ. конф. к 65-летию Академии МВД Республики. Минск, 2023. С. 163–164.
 24. Герасимова Е. В., Данилов Н. В. Сравнительный анализ деятельности участковых уполномоченных Российской Федерации и Республики Беларусь по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений // Современные проблемы противодействия административной деликтности : тезисы докл. междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 17 ноября 2022 г.). Минск, 2023. С. 133–136.
 25. Negraia D. V. Mothers' and Fathers' Well-Being: Does the Gender Composition of Children Matter? *Journal of Marriage and Family*. 2021. Vol. 83, № 3. Pp. 820–844.
 26. Grunow D. Gender Ideologies in Europe: A Multidimensional Framework. *Journal of Marriage and Family*. 2018. Vol. 80, № 1. Pp. 42–60.
 27. Марковская И. М. Психология детско-родительских отношений : монография. Челябинск, 2007. 91 с.
- Поступила 26.12.2025; одобрена после рецензирования 18.01.2026; принята к публикации 30.03.2026.
Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.9 © Науменко Е. А., Кодиров О. С., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-189-196

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Психолого-педагогические подходы к профилактике отклоняющегося поведения подростков в Узбекистане

Евгений Александрович Науменко, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры практической психологии¹; hea2004@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0235-8036>

Обид Сафарович Кодиров, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой практической психологии²; obidkodirov1979@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-4578-3937>

¹ Ургенчский государственный университет имени Райхона Бериуни, 220100, Ургенч, улица Х. Олимжона, 14, Республика Узбекистан

² Самаркандский государственный университет имени Шарофа Рашидова, 140104, Самарканд, Университетский бульвар, 15, Республика Узбекистан

Реферат. Введение. На формирование правоориентированного, социально нормативного поведения подрастающего поколения обращается внимание различных социальных институтов воспитания и образования в Республике Узбекистан. Основными внутренними факторами формирования такого поведения являются психологические компоненты личности подростков. В исследовании предпринята попытка определить системообразующие компоненты личности подростков, в наибольшей мере обуславливающие отклонения в их поведении. Психологический анализ факторов отклоняющегося поведения, форм его девиации представляет интерес для практической воспитательной работы учреждений образования и воспитания в республике, позволяет планировать психопрофилактические мероприятия. **Материалы и методы.** Применялись различные методики изучения психологических особенностей личности подростков. В качестве контрольного инструмента исследования использовались методы интервью, беседы, самоотчета испытуемых. Количественные параметры анализировались с помощью компьютерной программы SPSS Statistics 19.0. **Результаты и обсуждение.** Определены личностные особенности подростков, поведение которых классифицировано как отклоняющееся от принятых социальных норм. Сформирована модель психологических механизмов, направленных на коррекцию проявлений девиантных форм поведения подростков. Проведен психологический анализ отклонений в сфере негативных факторов поведения подростков, социальных деформаций, нарушений социализации, личностных отклонений, имеющих выраженную асоциальную проекцию, а также агрессивности девиантных подростков, образа их восприятия действительности, особенностей мышления, деструктивного внимания и осуществления асоциальных действий в структуре их поведения. **Выводы.** Определены психологические подходы к процессу профилактики отклоняющегося поведения подростков, выявлены психологические комплексы, сопровождающие различные формы отклонения их поведения. Сформулированы рекомендации по системному проведению психопрофилактической работы с девиантными подростками для различных социальных институтов образования и воспитания в Республике Узбекистан.

Ключевые слова: подростки, девиация, поведение, личность

Для цитирования: Науменко Е. А., Кодиров О. С. Психолого-педагогические подходы к профилактике отклоняющегося поведения подростков в Узбекистане // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 2(105). С. 189–196. <https://doi.org/10. 24412/1999-6241-2026-2105-189-196>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9 © Naumenko E. A., Kodirov O. S., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-189-196

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Psychological and Pedagogical Approaches used to Prevent Juvenile Deviant Behavior in Uzbekistan

Evgeny A. Naumenko, Doctor of Science (in Psychology), Professor, Professor at the chair of Practical Psychology¹; hea2004@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0235-8036>,

Obid S. Kodirov, Doctor of Science (in Psychology), Professor, head of the chair of Practical Psychology²; obidkodirov1979@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-4578-3937>

¹ Urgench State University named after Abu Rayhan Biruni, 14, Kh. Alimdjani st., Urgench, 220100, Uzbekistan

² Samarkand State University named after Sharof Rashidov, 15, University blv., Samarkand, 140104, Uzbekistan

Abstract. Introduction. Various social institutions of upbringing and education in the Republic of Uzbekistan are paying attention to the formation of law-oriented, socially normative behavior of the younger generation. The main internal factors in the formation of such behavior are the psychological components of juvenile personality. The study attempted to identify the system-forming components of juvenile personality that mostly determine deviations in juvenile behavior. Psychological analysis of factors of deviant behavior, forms of its deviation is of interest for the practical educational work of educational and upbringing institutions in the republic, and allows us to plan the use of psycho-prophylactic measures. **Materials and Methods.** The authors employ various methods of studying the psychological characteristics of juvenile personality. Quantitative parameters were analyzed using SPSS Statistics 19.0 computer program. **Results and Discussion.** Personality characteristics of juveniles whose behavior is classified

as deviant from accepted social norms are determined. A model of psychological mechanisms aimed at correcting the manifestations of deviant forms of behavior of juveniles is formed. The paper contains a psychological analysis of deviations in the sphere of negative factors of adolescent behavior, social deformations, disorders of socialization, personal deviations with a pronounced asocial projection, as well as a psychological analysis of the manifestation of aggressiveness of deviant adolescents, the image of their perception of reality, peculiarities of thinking, destructive attention and the implementation of asocial actions in the structure of their behavior. **Conclusions.** Complex psychological approaches to the process of preventing juvenile deviant behavior are identified, psychological complexes accompanying various forms of deviant behavior being established. Recommendations are formed on the systematic psychoprophylactic work with deviant juveniles for various social institutions of education and upbringing in the Republic of Uzbekistan.

Keywords: juveniles, deviation, behavior, personality

Citation: Naumenko E. A., Kodirov O. S. Psychological and Pedagogical Approaches used to Prevent Juvenile Deviant Behavior in Uzbekistan. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 2(105). Pp. 189–196 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-189-196>

Основные положения

1. Каждое поколение молодежи имеет свою специфику в системе социальных отношений поведенческих особенностей и предпочтений. Несмотря на такой психологический факт, общая картина правоориентированного поведения остается неизменной, во многом обусловленной этническими, конфессиональными, традиционными механизмами сохранения существующей во времени модели социальных отношений. В полной мере такое замечание определяется и в системе общественного поведения.

2. Социальную значимость индивидуальное поведение граждан начинает приобретать в переходном периоде жизни человека — в подростковом возрасте. Исследование психологических компонентов личности, характерных для отклоняющегося поведения подростков, представляет не только научный, но и практический интерес для институтов социализации детей (семьи, школы, системы правового регулирования и др.). Результаты работы позволяют сформировать психотехнологические модели воспитательной, профилактической работы с подростками в системе общественного воспитания.

3. Вопросы отклоняющегося поведения подростков являются самостоятельной проблемой не только в психологии, но и в педагогике, правоохранении, социальном движении подростка в процессе нормативного гражданского становления. Тем самым изучение психологических особенностей личности подростков, характерных для ненормативного, отклоняющегося поведения и, наоборот, для социально нормативного, имеет актуальность и научную обоснованность.

Введение

Актуальность, значимость, проблемность.

Демографические показатели развития Республики Узбекистан характеризуются высоким уровнем активности и значительным приростом молодежного населения. В стране широко представлены нормативные

основы регулирования процессов воспитания и образования молодежи, которые выражаются в законах, указах и постановлениях соответствующих институтов управления¹. Исследования психологических основ отклоняющегося поведения молодежи в Республике Узбекистан служат научным и практическим фундаментом для реализации воспитательных мероприятий, направленных на профилактику девиантного поведения подростков. Такие исследования являются социально востребованными и нормативно поддерживаемыми органами государственной власти.

В фокусе современных исследований отклоняющегося поведения находятся процессы социальной дезадаптации подростков, механизмы эмоционально-волевой регуляции, индивидуально-типологические особенности личности девиантного подростка, воспитательная работа в образовательных учреждениях, кризисные ситуации и периоды жизни, механизмы саморегуляции и самоконтроля, системный анализ роли волевых процессов в формировании моделей поведения подростков, гендерная проблематика и др. Однако, несмотря на важность и значимость проведенных исследований, вопрос разработки эффективных психологических технологий по профилактике девиантного поведения подростков как самостоятельной психологической проблемы остается недостаточно разработанным и требует дальнейшего научного осмысления.

Предметом исследования явились психолого-педагогические подходы к профилактике отклоняющегося поведения подростков. Для того чтобы наметить указанные подходы, необходимо было изучить особенности личности обследуемых подростков.

Цель — изучить психологические особенности личности подростков, поведение которых диагностировано как отклоняющееся, разработать научно обоснованные рекомендации профилактики их девиантного поведения.

¹ О стратегии развития нового Узбекистана на 2022–2026 годы : указ Президента Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5841077> (дата обращения: 24.05.2024) ; О государственной программе по реализации стратегии «Узбекистан–2030» : указ Президента Республики Узбекистан. URL: https://www.norma.uz/novoe_v_zakonodatelstve/strategiya_uzbekistan_2030_osnovnye_napravleniya (дата обращения: 24.05.2024).

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. В системе социальных институтов, учебных заведений, в научно-практических центрах разработка эффективных психологических технологий по профилактике отклоняющегося (девиантного) поведения среди подростков становится одной из важнейших психологических проблем и сохраняет статус актуальной научно-практической задачи. В узком смысле девиантное поведение рассматривается как совокупность действий, которые признаются обществом нежелательными, требуют предупреждения и коррекции. Подобные формы поведения социально опасны, поскольку девиантное поведение подростков угрожает как личности, так и стабильности всего общества. Это явление обладает рядом характерных признаков: отклонением от норм социального развития; нестабильностью, при которой поведенческие проявления приносят страдания как самому субъекту, так и его социальному окружению; наличием негативной социальной оценки субъекта. Такие формы поведения оказывают серьезное влияние на общество в целом.

Проблема девиаций поведения в психологии разрабатывалась давно, достаточно сказать, что уже в работах Ч. Ломброзо ставились такие вопросы [1]. Э. Дюркгейм изучал девиации подростков в отношении их суицидальной зависимости [2], а К. Меннингера обращал внимание на необходимость осуществления профилактического правосудия, которое являлось бы средством предупреждения правонарушений и профилактики девиаций различного вида [3]. В. Аранго и Дж. Манн рассматривали вопросы нейробиологической детерминации отклоняющегося поведения подростков, обосновывая природную готовность к социальным формам поведения [4].

В современных исследованиях психологии отклоняющегося поведения подростков наиболее полно представлены вопросы связи девиаций с интеллектуальными проблемами психики [5], девиантного поведения с воспитательной работой социальных институтов (например, общеобразовательной школы) [6]. Специфика формирования и реализации отклоняющегося поведения подростков, проживающих в условиях Арктического Севера России [7], в сфере особой правовой среды (нормы обычного права), культурно-этнических отношений исследовалась О. Н. Науменко, Е. А. Науменко, А. Г. Абдуллиними [8]. Отклонения поведения подростков в сфере экстре-

мистской направленности изучали И. Б. Марьясис, Е. М. Гончарова [9], современные меры психологического влияния на процессы предупреждения преступности подростков предложила Е. З. Сидорова [10]. Социальные девиации молодежи и их коррекцию рассматривали М. М. Мишина и Д. А. Коляков [11], содержательный анализ отклонений в поведении подростков, связанных с половозрастным диссонансом, проводил Р. Г. Халитов [12]. Повышенное внимание проблематике отклоняющегося поведения подростков в динамике его развития в конфессиональных формах отношений и содержании мультикультурной жизненной среды уделили О. Н. Науменко и Е. А. Науменко [13; 14].

В Новом Узбекистане в последние годы определены приоритетные направления реформ, направленных на внедрение эффективных психологических технологий в профилактике девиантного поведения подростков, а также создана необходимая правовая и нормативная база. В официальных источниках Узбекистана отмечается: «...на сегодняшний день... наблюдается рост преступлений среди молодежи, в том числе подростков, — хулиганство, вымогательства, кражи, наркомания, посягательства на честь и достоинство, насилие... Для некоторых молодых людей такие понятия, как сострадание, нравственность, становятся совершенно чуждыми»². Психологический анализ факторов, влияющих на формирование девиантного поведения у подростков, а также разработка необходимых психопрофилактических мер и создание эффективных психологических технологий в этой области представляют собой важный этап в решении данной проблемы. Настоящее исследование служит одним из значимых шагов в этом направлении.

Материалы и методы

Экспериментальная выборка включала 300 испытуемых подросткового возраста из различных регионов Узбекистана. Из них 122 подростка с проявлениями девиантного поведения составили экспериментальную группу, а 178 подростков без признаков девиантного поведения — контрольную группу.

В качестве инструментов получения экспериментальных данных были использованы следующие методики, отвечающие требованиям надежности и валидности: тест-опросник самоотношения (В. В. Столин, С. Р. Пантелеев)³, методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда⁴, методика диагностики направленности

² О мерах по дальнейшему совершенствованию системы профилактики правонарушений и борьбы с преступностью: постановление Президента Республики Узбекистан от 14 марта 2017 г. № ПК-2833. URL: <https://lex.uz/docs/4367731> (Қонун ҳужжатлари маълумотлари миллий базаси, 08.06.2019 й., 09/19/472/3253-сон) (дата обращения: 24.05.2024).

³ Столин В. В., Пантелеев С. Р. Тест-опросник самоотношения. URL: <https://studfile.net/preview/8889734/page:277/> (дата обращения: 12.09.2025).

⁴ Методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда. URL: <https://studfile.net/preview/5570943/page:25/> (дата обращения: 14.10.2025).

личности Б. Басса⁵, тест Т. Лири «Диагностика межличностных отношений»⁶, тест межличностной зависимости Р. Гиршфильда (адаптация О. П. Макушиной)⁷, методика мотивации учебной деятельности (А. А. Реан, В. А. Якунин, в модификации Н. Ц. Бадмаевой)⁸, авторская анкета «Выявление девиантного поведения у подростков» О. С. Кодирова [15]. Количественный анализ полученных данных обеспечен методами математической статистики по стандартной программе SPSS Statistics 19.0.

Результаты и обсуждение

Оценка мотивов девиантного поведения подростков. В исследовании изучались личностные особенности подростков с признаками отклоняющегося поведения. Особое внимание было уделено изучению и оценке мотивов девиантного поведения подростков. В таблице 1 выборочно представлены результаты исследования знаний о криминальных мотивах поведения, субъективно оцениваемых подростками.

Таблица 1. Субъективная оценка знаний преступного поведения у подростков, %
(Table 1. Subjective assessment of knowledge of criminal behavior among adolescents, %)

Вопросы	Частично представляют	Средний уровень знаний	Хорошо знают	Полностью владеют
1. Знаете ли вы подростков, склонных к преступным действиям?	17,4	28,2	35,1	19,3
2. Понимаете ли вы последствия преступных действий?	21,5	29,6	32,3	16,6
3. В каких ситуациях может проявляться склонность к преступным действиям?	32,8	28,6	21,4	17,2
Средний общий показатель	23,1	29,9	30,1	16,9

Таким образом, уровень знаний подростков о мотивах совершения преступлений значимо различается. 17,4 % респондентов продемонстрировали лишь частичное представление о подобных знаниях. Это свидетельствует о том, что такие подростки недостаточно информированы о мотивах преступного поведения и его негативных последствиях. Данный факт увеличивает риск их вовлечения в противоправные действия, поскольку они не в полной мере осознают серьезность последствий преступлений. 28,2 % подростков находятся на среднем уровне ука-

занных знаний, они имеют некоторое представление о мотивах преступлений и их вредных последствиях. В связи с этим требуется усиление воспитательных и профилактических мер в работе с указанными подростками. 35,1 % опрошенных предъявили достойный уровень осведомленности о мотивах преступного поведения, они хорошо понимают причины преступных поступков и их негативные последствия, что снижает вероятность принятия ими неправильных решений в будущем. 19,3 % респондентов обладают значительным уровнем знаний, демонстрируя глубокое понимание мотивов преступного поведения, их пагубных последствий и способов их предотвращения. Такие подростки не только способны избежать вовлечения в преступную деятельность, но и оказывают позитивное влияние на своих сверстников, способствуя снижению степени криминогенных мотиваций в подростковой среде.

Основания, способствующие девиациям в поведении подростков. Исследование психологических особенностей девиантного поведения выявило также ряд оснований, способствующих отклонениям в поведении подростков (табл. 2).

Таблица 2. Показатели, способствующие отклонениям в поведении подростков, полученные по методике «Выявление девиантного поведения у подростков» О. С. Кодирова
(Table 2. Indicators contributing to deviant behavior in adolescents according to the "Identification of Deviant Behavior in Adolescents" method by O. S. Kodirov)

Название шкал	$\bar{X} \pm \sigma$		t	p
	7-й класс, n=160	9-й класс, n=140		
Эмоциональное напряжение	2,6 $\pm$ 1,72	4,1 $\pm$ 0,86	-2,6	$\leq$ 0,05
Неудачи (мотив неуспеха)	2,4 $\pm$ 1,90	4,3 $\pm$ 0,94	-2,7	$\leq$ 0,05
Любознательность	2,1 $\pm$ 1,28	4,5 $\pm$ 1,36	-2,3	$\leq$ 0,05

По результатам первичного анализа данных, полученных с помощью анкеты «Выявление девиантного поведения у подростков», были зафиксированы статистически значимые различия по следующим факторам: «эмоциональное напряжение», «неудача» и «любознательность» (при $p \leq 0,05$).

По фактору «эмоциональное напряжение» у учащихся 9-х классов были зафиксированы более высокие показатели ($t = -2,6$; $p \leq 0,05$). Это свидетельствует о том, что подростки данного возраста склонны к повышенной эмоциональной неустойчивости, что затрудняет контроль над своими реакциями в стрессовых ситуа-

⁵ Методика диагностики направленности личности Б. Басса. URL: <https://studfile.net/preview/2378092/page:12/> (дата обращения: 03.09.2025).

⁶ Тест Т. Лири «Диагностика межличностных отношений». URL: <https://studfile.net/preview/14577259/page:6/> (дата обращения: 04.09.2023).

⁷ Тест межличностной зависимости Р. Гиршфильда (адаптация О. П. Макушиной). URL: <https://dip-psi.ru/psikhologicheskiiyestey/post/oprosnik-mezhlichnostnoy-zavisimosti> (дата обращения: 21.03.2024).

⁸ Реан А. А., Якунин В. А. Методика мотивации учебной деятельности (в модификации Н. Ц. Бадмаевой). URL: https://kbmk.org/uploads/kolledj/vosp_rabota/20170830_izuch_urov_motiv.pdf (дата обращения: 12.02.2025).

циях. Подростки обладают высокой психологической реактивностью и быстро подвержены эмоциональным изменениям под влиянием различных факторов. Их эмоциональное состояние может негативно воздействовать на поведение, повышая риск совершения правонарушений.

По фактору «неудача» также выявлены высокие показатели среди учащихся 9-х классов ($t=-2,7$; $p \leq 0,05$). Это указывает на то, что подростки демонстрируют пониженный уровень уверенности в себе. В случае трудностей в достижении целей у них снижается мотивация, ослабевает стремление к самореализации. Переживание неудачи усиливает недоверие к собственным возможностям. В связи с этим необходима работа по формированию навыков социальной поддержки и правильного восприятия неудач как элемента жизненного опыта.

По фактору «любопытность» установлено, что учащиеся 9-х классов значительно превосходят по показателям учеников 7-х классов ($t=-2,3$; $p \leq 0,05$). Повышенный уровень любознательности у старших подростков, с одной стороны, отражает их стремление к познанию нового, с другой — может увеличить склонность к рискованным действиям и опасным экспериментам. Это обуславливает необходимость развития любознательности в позитивном ключе. Направление интересов подростков на участие в полезных и конструктивных занятиях, таких как творческие проекты или спортивные мероприятия, способствует продуктивному использованию их энергии.

Взаимосвязь факторов социально-психологической адаптации и девиантного поведения. В ходе исследования была установлена корреляционная связь между результатами методик «Выявление девиантного поведения у подростков» и «Социально-психологическая адаптация», данные представлены в табл. 3.

По результатам корреляционного анализа между анкетой «Выявление девиантного поведения у подростков» и методикой «Социально-психологическая адаптация» были установлены следующие связи.

Фактор «эмоциональное напряжение» имеет отрицательную корреляцию с показателем «принятие других» ($r=-0,36$; $p \leq 0,05$). Это свидетельствует о том, что эмоциональное напряжение у подростков затрудняет адекватное восприятие окружающих. В условиях эмоциональной нестабильности подростки теряют способность полноценно понимать точку зрения других людей, что усложняет их социальные взаимодействия и способствует развитию изоляции или социального отчуждения. Постоянное напряжение приводит к неправильной интерпретации эмоций окружающих, провоцируя конфликты и нарушая гармонию в межличностных отношениях. В таких ситуациях подростки могут чувствовать себя чужими, проявлять недоверие

к другим и быть более подверженными тревожности и внутреннему дискомфорту. Это, в свою очередь, способствует формированию защитных механизмов, таких как психологические барьеры, которые мешают установлению новых социальных связей.

Интерес в исследовании психологических оснований отклонений в поведении представляло сопоставление результатов девиаций поведения подростков с возможностями их социально-психологической адаптивности (табл. 3).

Таблица 3. Показатели взаимосвязи результатов методик «Диагностика девиантного поведения у подростков» и «Социально-психологическая адаптация»
(Table 3. Indicators of the relationship between the results of the methods “Diagnostics of deviant behavior in adolescents” and “Socio-psychological adaptation”)

Факторы социально-психологической адаптации	Показатели девиантного поведения у подростков		
	Эмоциональное напряжение	Неудачи (мотив неуспеха)	Любознательность
Адаптивность	0,13	-0,34*	0,19
Принятие себя	0,17	-0,32*	0,15
Принятие других	-0,34*	0,15	0,22
Позитивные эмоции	0,16	-0,36*	0,18
Интернальность	0,15	0,15	-0,39*
Стремление к доминированию	0,19	0,19	0,17

Примечание: * — $p \leq 0,05$.

Недостаточная адаптивность затрудняет адекватное восприятие критики и осознание собственных слабых сторон подростками. Столкнувшись с неудачами, они склонны к защитным реакциям и избеганию социальных взаимодействий. Это приводит к чувству неудовлетворенности и внутреннего напряжения, усиливает стремление к самоизоляции и мешает успешно адаптироваться к новым жизненным ситуациям. Поэтому важно обучать подростков конструктивным стратегиям преодоления неудач, иначе это может привести к социальной дезадаптации.

Отрицательная связь между «принятием себя» и фактором «неудача» ($r=-0,32$; $p \leq 0,05$) указывает на то, что переживание неудач ухудшает отношение подростков к самим себе. Это снижает уровень их самооценки и затрудняет процесс самопринятия, что, в свою очередь, ведет к заниженной оценке собственных возможностей и росту неуверенности в себе. Как следствие, подростки могут акцентировать внимание на своих недостатках, что мешает полноценному взаимодействию с социальной средой. В таких условиях особенно важно обучать подростков способам конструктивного преодоления неудач.

Установлена отрицательная связь между фактором «неудача» и положительными эмоциями

($r=-0,36$; $p\leq 0,05$). Подростки, сталкивающиеся с частыми неудачами, склонны к негативным эмоциям, у них формируется пессимистичное отношение к жизни. Недостаток положительных эмоций снижает их мотивацию, приводит к апатии и безразличию по отношению к жизненным целям и планам, осложняет установление здоровых отношений с окружающими и уменьшает удовлетворенность социальной жизнью. Это увеличивает риск возникновения депрессивных состояний и психологических трудностей, что требует формирования у подростков навыков конструктивного преодоления жизненных неудач.

Отрицательная связь между факторами «любопытность» и «интернальность» ($r=0,39$; $p\leq 0,05$) показывает, что у подростков с высоким уровнем любопытности снижается способность к внутреннему контролю. Они склонны действовать импульсивно, не всегда задумываясь о последствиях своих поступков. В таких ситуациях подростки чаще руководствуются удовлетворением собственных интересов, а не ощущением ответственности за свои действия, что ведет к снижению самоконтроля и росту вероятности совершения ошибок. Повышенная любопытность может провоцировать рискованные действия и игнорирование потенциальных угроз, что затрудняет осознание социальных рисков. В таких условиях у подростков ослабевает способность к рефлексии и планированию будущего. Поэтому важно развивать у них навыки внутреннего контроля и направлять их любопытность в безопасное и продуктивное русло.

Выявлены различия в результатах исследования экспериментальной и контрольной групп по методике «Выявление девиантного поведения у подростков» (табл. 4).

Таблица 4. Показатели девиантного поведения подростков экспериментальной (ЭГ) и контрольной групп (КГ)
(Table 4. Indicators of deviant behavior of adolescents in the experimental (EG) and control groups (CG))

Компоненты	Группы	До тренинга	После тренинга	Уровень значимости	
		$\bar{X}\pm\sigma$	$\bar{X}\pm\sigma$	t	p
Эмоциональное напряжение	ЭГ	4,2±0,94	2,4±1,18	2,3	<0,05
	КГ	3,6±2,31	3,1±1,21	-1,6	0,16
Неудачи (мотив неуспеха)	ЭГ	4,3±1,52	2,1±0,68	-2,5	<0,05
	КГ	4,1±0,97	3,6±0,92	-1,7	0,14
Любознательность	ЭГ	4,8±0,78	2,7±0,68	-2,3	<0,05
	КГ	4,4±1,30	3,7±1,41	-1,9	0,15

По результатам проведенных развивающих тренингов, основанных на авторской анкете «Определение развития девиантного поведения у подростков», были зафиксированы статистически значимые различия по ряду показателей. В частности, отмечены изменения по следующим факторам: «эмоциональное напряжение» ($t=-2,3$; $p<0,05$), «неудача» ($t=-2,5$; $p<0,05$) и «любопытность» ($t=-2,3$; $p<0,05$).

Полученные данные свидетельствуют о том, что реализованные тренинговые программы, разработанные на основе авторской методики для снижения факторов, способствующих развитию девиантного поведения у подростков, привели к положительным изменениям.

По фактору «эмоциональное напряжение» зафиксировано статистически значимое снижение ($t=-2,3$; $p<0,05$), что указывает на повышение устойчивости подростков к стрессу и напряженным ситуациям.

По фактору «неудача» также наблюдаются значительные изменения ($t=-2,5$; $p<0,05$). Это связано с формированием у подростков более конструктивного отношения к неудачам. В рамках тренингов были проведены специальные занятия по формированию устойчивости к неудачам и развитию навыков их адекватного восприятия, что повысило уровень уверенности подростков в себе и улучшило их мотивацию. В результате подростки научились воспринимать неудачи как возможность для личностного роста и развития собственных способностей.

По фактору «любопытность» также отмечены значительные позитивные изменения ($t=-2,3$; $p<0,05$). Это показывает, что у подростков расширились возможности для направления своей любопытности в конструктивное русло. В рамках тренингов подростки обучались технике развития познавательного интереса и перенаправления любопытности на социально полезную деятельность, что снижает вероятность их вовлечения в рискованные или противоправные действия, поскольку их энергия и интерес были сфокусированы на позитивных и полезных активностях.

Кроме того, в рамках исследования была проведена оценка правовых знаний подростков. Результаты представлены в таблице 5.

Таблица 5. Показатели знаний правовых понятий подростков
(Table 5. Indicators of legal concepts among adolescents)

Показатели	Экспериментальная группа	Контрольная группа	Уровень значимости	
	$\bar{X}\pm\sigma$	$\bar{X}\pm\sigma$	t	p
Способность перечислять правовые понятия	6,04±1,45	6,64±1,20	-2,31*	≤0,05
Способность давать определение правовым понятиям	4,84±1,40	5,54±1,28	-2,62**	≤0,01
Способность анализировать правовые понятия	4,16±1,05	5,00±1,44	-3,63***	≤0,001
Способность проводить сравнение правовых понятий	4,30±1,37	4,54±1,19	0,98	≤0,01
Способность обобщать правовые понятия	4,20±1,14	4,08±1,06	0,956	≤0,01
Способность практического применения правовых понятий	3,62±1,24	3,68±1,26	-0,262	≤0,05

По первым двум критериям оценки уровня правовых знаний — способность перечислять правовые понятия (в среднем 6,04 балла в контрольной группе и 6,64 балла в экспериментальной группе) и способность их определять (4,84 и 5,54 балла соответственно) — наблюдаются значения выше среднего уровня как в целом, так и в сравнении между группами.

Анализ усвоения правовых понятий показал, что контрольная группа набрала 6,64 балла, тогда как экспериментальная группа — 6,04 балла. Статистический анализ выявил достоверную разницу между этими показателями ($t=-2,31$; $p\leq 0,05$).

Преимущество показателей участников контрольной группы связано с тем, что в их семьях наблюдаются стабильность воспитательного процесса, повышенное внимание к обучению детей и целенаправленный подход к формированию правовых знаний. Это также отражает успешное использование возможностей памяти и мышления подростков в образовательном процессе, в том числе в изучении основ правоведения. Учащиеся данной группы сознательно стремятся к освоению предусмотренных учебной программой знаний. У подростков из экспериментальной группы (с наличием признаков девиантного поведения) эти показатели значительно ниже.

По результатам задания на определение и объяснение правовых понятий также зафиксированы показатели выше среднего — 5,19 балла, что указывает на способность подростков не только воспроизводить термины, но и анализировать и синтезировать их содержание.

Между экспериментальной и контрольной группами по второму критерию также выявлены статистически значимые различия: учащиеся контрольной группы набрали 5,54 балла, а экспериментальной — 4,84 балла. Разница между показателями составила $t=-2,62$; $p\leq 0,01$, что подтверждает ее статистическую достоверность.

Подростки могли не только перечислить такие понятия, как право, правовая культура, правовая норма, конституция, конституционные права, государство, формы государства, власть, выборы, мораль, этикет, долг, духовность, но и объяснить их сущность.

По показателю анализа понятий также преимущество осталось за контрольной группой: ее средний балл составил 5,0, тогда как в экспериментальной группе он был значительно ниже, с разницей $t=-3,63$; $p\leq 0,001$, что демонстрирует высокую степень статистической значимости.

Итак, для совершенствования образовательного процесса и формирования у подростков моделей примерного поведения полезно внедрение современных интерактивных методов обучения. В этом процессе важную роль играют педагоги и психологи, использующие групповые методы работы над проблемами,

развивающие тренинги, мультимедийные средства и другие эффективные педагогико-психологические технологии. Их применение позволит более эффективно формировать правовое сознание и социально ответственное поведение подростков.

Выводы

1. Выявлены психологические технологии, направленные на снижение факторов, способствующих развитию девиантного поведения у подростков, через решение социальных проблем в семьях, внедрение комплексного подхода, обеспечение условий для охраны здоровья, психики и безопасности несовершеннолетних, а также предоставление адресной помощи семьям, что будет способствовать предотвращению неожиданных и кризисных ситуаций в их жизни.

2. Доказана эффективность внедрения в образовательные учреждения психологических тренингов, занятий по повышению правовой грамотности и психокоррекционных программ с использованием краткосрочных (2–3-минутных) мультимедийных контентов. Это способствует позитивным изменениям в самоотношении подростков и формированию конструктивных поведенческих стратегий.

3. Подтверждена необходимость формирования у подростков чувства нравственного долга, способности различать ключевые правовые понятия, развивать логическое мышление и социальные навыки. Для этого разработана «Модель целенаправленного и согласованного социально-психологического и воспитательного воздействия», ориентированная на формирование позитивной социальной среды, активное участие родителей, родственников, педагогов, общественных организаций и государственных структур в процессе воспитания подростков.

4. В учреждениях, занимающихся профилактикой противоправных действий, усовершенствованы психокоррекционные и психопрофилактические технологии, ориентированные на предупреждение таких форм девиантного поведения. Особое внимание уделено формированию у подростков честности, справедливости, совести, умения признавать вину, способности к самокритике и самопониманию на основе принципов гуманизма.

5. Установлено, что развитие мотивационного компонента к противоправным действиям у подростков тесно связано с нестабильными семейными отношениями, недостаточным вниманием к воспитательному процессу, материальными и духовными дефицитами в семье, равнодушием, безответственностью, попустительством и отсутствием должного контроля со стороны родителей.

6. Определены особенности формирования девиантного поведения у подростков, его содержание, механизмы, источники, взаимосвязь с другими социально-психологическими категориями. Выяснено,

что проявление девиаций связано с образом жизни подростков, ее социально-экономическими, культурными и воспитательно-психологическими условиями.

7. Доказано, что основными причинами развития девиантного поведения у подростков в условиях узбекской национально-культурной среды являются: недостаточное внимание к воспитанию со стороны родителей, педагогов, правоохранительных органов и общественных организаций; эмоционально-волевая нестабильность подростков; их склонность к доверчивому восприятию ложных и иллюзорных представлений; наличие зависимых форм поведения.

Область применения и перспективы. Полученные в исследовании данные вносят содержательный вклад в теоретическую оценку и методику профилактики отклоняющегося поведения школьников от социально нормативных, правоориентированных его

форм. На основе использования психологического инструментария оценки потенциальных и актуальных поведенческих комплексов детей школьного возраста представлена возможность определять уровень личностной правовой ориентированности учащихся общеобразовательных школ Республики Узбекистан. Результаты исследования позволяют также оценивать потенциальную готовность школьников к правоориентированному решению проблемных ситуаций, принятию необходимых решений в затруднительных условиях социального выбора. Кроме того, в исследовании представлены рекомендации системного проведения психопрофилактической работы с девиантными подростками для различных институтов образования и воспитания в Республике Узбекистан. Такой опыт может транслироваться в самые различные системы подготовки и формирования гражданского общества.

Список источников / References

1. Lombroso Cesare: Criminal man. Giants of thought. Eksmo, Midgard, 2005. 83 p.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М., 2004. 375 с.
3. Меннингер К. Война с самим собой. М., 2000. 153 с.
4. Arango V., Mann J. J. Neurobiology of suicide and attempted suicide. Suicide an unnecessary death. Martin Dunitz, 2001. Pp. 29–34.
5. Пуголовкина К. Ю. Современный взгляд на проблему подростковых девиаций // Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию. 2021. № 2. С. 221–224.
6. Томаева Д. М., Гадзарова Л. П. Психолого-педагогические основания связи подростковых девиаций с правонарушениями и преступностью // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2021. № 3. С. 77–80.
7. Науменко О. Н., Науменко Е. А. Психологическая проекция интуиции в формировании и применении норм обычного права (на материале ХМАО-Югры) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 1(96). С. 42–49. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-196-000-000>.
8. Науменко О. Н., Науменко Е. А., Абдуллин А. Г. Оценка интуитивности в структуре психотипа личности молодежи Арктического региона // Сибирский психологический журнал. 2020. № 76. С. 139–154.
9. Марьясис И. Б., Гончарова Е. М. Психологические особенности склонности подростков к экстремизму // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 3. С. 54–63.
10. Сидорова Е. З. О современных мерах предупреждения преступности // Современная наука. 2024. № 4. С. 47–50.
11. Мишина М. М., Коляков Д. А. Коррекция социальных девиаций в поведении студентов // Прикладная психология и психоанализ. 2025. № 1. С. 121–129.
12. Халитов Р. Г. Модель психосоциального диссонанса в половозрастных социальных группах (на примере коммуникативно-волевых компонентов психики) // Экспериментальная психология. 2010. Т. 3, № 3. С. 135–146.
13. Naumenko O. N., Naumenko E. A. The Ob Ugrians-muslims: historical and psychological factors of the Islam penetration in the traditional culture. *Bylye Gody*. 2018. No. 49(3). Pp. 931–939.
14. Naumenko O. N., Naumenko E. A., Pedagogical experience on formation of tolerant and multicultural consciousness of students. *European Journal of Contemporary Education*. 2016. No. 3(17). Pp. 335–343.
15. Кодиров О. С. Авторская анкета «Выявление девиантного поведения у подростков»: дис. ... д-ра психол. наук. Ташкент, 2025. 240 с.

Поступила 25.08.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята в печать 30.03.2026.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.922.1 © Зверев В. О., Прокопцева Н. В., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-197-203

5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Психологические аспекты мужского единоначалия в женских коллективах органов внутренних дел

Вадим Олегович Зверев, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры русского языка¹;

zverevoma@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5179-8599>

Надежда Владимировна Прокопцева, кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики²; dfokhvru27@gmail.com

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, 1, Россия

² Дальневосточный юридический институт МВД России им. И. Ф. Шилова, 680020, Хабаровск, пер. Казарменный, 15, Россия

Реферат. Введение. Исследуются теоретико-психологические аспекты выстраивания служебно-деловых отношений мужчины-начальника с женщинами-подчиненными в подразделениях органов внутренних дел. Цель — выявление успешной модели взаимодействия мужчины-руководителя с сотрудниками женского пола. **Материалы и методы.** Анализ литературы и локальных нормативных правовых актов по теме исследования, обобщение накопленной в полицейской профессии управленческой практики, в том числе опыта авторов статьи, анкетирование женщин — сотрудников органов внутренних дел. Учет статистических данных об откомандировании в территориальные органы полиции выпускников-девушек из Омской академии МВД России и Дальневосточного юридического института МВД России им. И. Ф. Шилова. **Результаты и обсуждение.** Выделяются ведущие гендерно-профессиональные статусы женщин-сотрудников, рассматривается психологический образ женщины в полицейской профессии (с акцентом на психологические черты личности женщин — офицеров отделов организации деятельности участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел). **Выводы.** Раскрыты отдельные сущностные характеристики организаторской деятельности мужчины-руководителя сквозь призму реализации его служебно-ролевых статусов, конкретизированы практико-ориентированные алгоритмы деятельности для мужчины — руководителя в женском коллективе.

Ключевые слова: полиция, гендер, женщина-полицейский, мужчина-руководитель, сотрудник, потенциал, черты личности

Для цитирования: Зверев В. О., Прокопцева Н. В. Психологические аспекты мужского единоначалия в женских коллективах органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 2(105). С. 197–203. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-197-203>

Scientific and Practical Article

UDC 159.922.1 © Zverev V. O., Prokoptseva N. V., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-197-203

5.3.3. Psychology of Labour, Engineering Psychology, Cognitive Ergonomics

Psychological Aspects of Male One-Man Management in Female-Dominated Collectives of Law Enforcement Bodies

Vadim O. Zverev, Doctor of Science (in History), Associate-Professor, Professor at the chair of Russian Language¹;

zverevoma@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5179-8599>

Nadezhda V. Prokoptseva, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor, chief of the chair of Psychology and Pedagogy²; dfokhvru27@gmail.com

¹ the St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 1, Pilot Pilyutov st., St. Petersburg, 198206, Russia

² I. F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, 15, Kazarmenny per., Khabarovsk, 680020, the Khabarovsk Territory

Abstract. Introduction. The theoretical psychological aspects of building the official and business relations of the male boss with female subordinates in the divisions of the Internal Affairs' bodies are under consideration. The purpose is to reveal a successful model of interaction between a male manager and female employees. **Materials and Methods.** The authors employed analysis of literature and local regulatory legal acts on the topic of the research, summarizing accumulated management practice in the police profession, including the authors' experience, questioning of women — law enforcement employees; and considered the statistical data on the secondment of female graduates from the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs and I. F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs to territorial police bodies. **Results and Discussion.** The prevailing gender and professional statuses of female employees are highlighted, the psychological image of a woman in the police profession being examined (with an emphasis on the psychological personality traits of female officers of the departments for organizing the activities of district police officers and units for juvenile affairs of Internal Affairs' bodies). **Conclusions.** Individual essential characteristics of the organizational activity of a male boss through the prism of the implementation of his service-role statuses are revealed, practical-oriented algorithms of activity for a male boss in a female collective being specified.

Keywords: police, gender, policewoman, male boss, employee, potential, personality features

Основные положения

1. Женский коллектив обладает рядом психологических особенностей по сравнению с мужским, что необходимо учитывать мужчине-руководителю при принятии управленческих решений и построении линии поведения.

2. Реализация служебно-ролевого статуса возглавляющего женский коллектив мужчины-руководителя зависит от его психолого-педагогической компетентности, которая включает в себя как профессиональную подготовку, так и житейский опыт.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. В различных отраслях науки сложился устойчивый интерес к системным вопросам управления, в том числе психологии менеджмента (полицейского менеджмента). Одни из первых публикаций на эту тему увидели свет в конце XX в. [1–4]. Из современных авторов, занимавшихся рассмотрением гендерных проблем управленческой деятельности в государственных и бизнес-структурах (торговые и другие разнопрофильные организации), выделим, например, М. М. Басову, А. А. Осееву [5; 6], Э. С. Моисееву и С. С. Кудинову [7], М. О. Дрондель и Т. В. Зайцеву [8], А. К. Кочиеву и Д. В. Нерету [9]. Некоторые ученые акцентировали внимание на раскрытии психологических характеристик женщин-руководителей, их стилей и методов управления [10–13]. В фокусе научного поиска оказались также и психологические аспекты выстраивания деловых связей руководителя с подчиненными [14].

Между тем в упомянутых публикациях ничего не сказано об организационно-психологических нюансах деятельности мужчины-начальника в женском коллективе (обстоятельных исследований по этому вопросу не обнаружено). Данная проблематика не нашла всестороннего отражения и в трудах ведомственных ученых (сотрудников и работников органов внутренних дел). Те изыскания, которые посвящены осмыслению гендерных особенностей функционирования правоохранительных органов, имеют к предмету настоящего исследования только опосредованное отношение [12; 15–18].

Низкий уровень теоретической изученности психологии мужского единоначалия в женских коллективах, а также возрастание числа женщин-сотрудников в системе МВД России, наличествующий запрос от ряда начальников подразделений по делам несовершеннолетних (далее — ПДН) органов внутренних дел и кафедр образовательных организаций МВД России предопределили не только актуальность, но и научно-теоретическое значение проведенного исследования. Его теоретико-прикладной характер заключается в выработанных общих практических рекомендациях

мужчинам-руководителям и выявленных закономерностях, которые им можно использовать в качестве практико-ориентированных алгоритмов управления женскими коллективами органов внутренних дел, в том числе отделов организации деятельности участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (далее — ООДУУП и ПДН ОВД).

Цель — рассмотрение характеристики женщины-полицейского через призму ее гендерных статусов и психологического образа, а также выявление успешной модели взаимодействия мужчины-руководителя с сотрудниками женского пола. **Научная новизна** обусловлена авторским вариантом решения малоисследованных проблем портретирования психологии женского образа в полиции и выстраивания эффективной (партнерской) модели взаимодействия мужчины-начальника с женским коллективом.

Материалы и методы

Достоверность умозаключений авторов основывается не только на их опыте службы на руководящих должностях, фрагментарном теоретическом наследии предшественников, но и на научно-исследовательском фундаменте. **Эмпирическая часть** представлена полученными результатами анкетирования с участием женщин-сотрудников, обучавшихся по дополнительным профессиональным программам повышения квалификации в Омской академии МВД России (далее — ОМА) и Дальневосточном юридическом институте МВД России им. И. Ф. Шиловой (далее — ДВЮИ) в период с 2021 г. по 2025 г. В анонимном исследовании приняли участие 362 сотрудника ПДН, их возраст от 27 до 50 лет, стаж службы в органах внутренних дел от 10 до 24 лет (в том числе стаж пребывания в занимаемой должности на момент опроса от 6 месяцев до 16 лет). Анкетирование проводилось в письменной форме с помощью специально разработанных бланков, включавших в себя 11 вопросов: четыре из них были направлены на изучение отношения женщин к повышению своей квалификации по профилю деятельности, три вопроса нацелены на определение психологических качеств женщин — сотрудников полиции и четыре — на выявление их социально-демографических характеристик.

Результаты и обсуждение

Анализ количественно-качественных показателей службы (обучения) женщин-сотрудников в органах внутренних дел. В конце XX — начале XXI вв. женщины все чаще стали заявлять о себе как о полноправной и конкурентоспособной альтернативе в «мужских профессиях», и профессия полицейского (до 2011 г. полиция в России называлась милицией) не была исключением. По данным официальной статистики, например, в 2013 г.

число женщин — сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации уже равнялось более 191 тыс. человек, что составило почти 20 % от общей численности личного состава полиции [16, с. 7]. В последующие годы остались редкие профессиональные ниши, где женщина-полицейский уверенно и основательно, с опорой на текущую конъюнктуру и заделом на перспективу, не позиционировала бы себя. Женщин много в ПДН. Немало их в подразделениях дознания и следственных органах. Трудоустраиваются они туда также и после окончания ведомственных юридических вузов (обратимся к опыту лишь двух из них). Согласно статистике с 2019 г. по 2023 г. в комплекующие органы российской полиции были откомандированы 1069 выпускников ОМА (очная форма обучения), из них 397 женщин (37 % от общего числа)¹. Похожая картина наблюдается и в ДВЮИ. За последнее время, например с 2019 г. по 2023 г., в его стенах было подготовлено 414 женщин — сотрудников полиции². С каждым годом все больше девушек оканчивают вузы МВД России и связывают свою судьбу со службой в территориальных органах полиции.

Придя на практику, многие девушки демонстрируют высокий профессиональный потенциал и сформированность компетенций, необходимых для осуществления эффективной службы в правоохранительных органах. В профессиональном полицейском сообществе когнитивные, моральные, психоэмоциональные, физические компетенции женщины-следователя или оперативника (сотрудника уголовного розыска), женщины — инспектора ПДН, женщины-участкового, женщины-преподавателя и др. уже почти не подвергаются сомнению. Женщина-полицейский может качественно, своевременно, а порой и более успешно, чем мужчина, решать возложенные на нее оперативно-служебные задачи в силу таких традиционно женских психологических особенностей, как терпеливость, эмпатичность и высокая ролевая адаптивность [19, с. 130; 20, с. 18, 19].

В диапазоне собственной профессиональной деятельности, а также с учетом возможных перспектив карьерного роста многие женщины потенциально готовы к познавательной активности и расширению своих «знаниевых горизонтов». Такое желание, а нередко и внутренняя потребность обусловлены осознанным стремлением к самосовершенствованию. Подтверждением этого тезиса являются результаты проведенного авторами статьи опроса 362 женщин — офицеров ПДН. На вопрос «Есть ли для Вас целесообразность в регулярном профессиональном обучении?» более 65 % женщин ответили утвердительно. Больше половины (52,5 %) анкетированных готовы повышать квалификацию в любой образовательной организации МВД России (вне зави-

симости от своего места жительства). Свыше 20 % сотрудников имеют потребность не только в приобретении новых, но и в расширении уже имеющихся компетенций за счет получения качественно иных профессиональных знаний. Из общего числа респондентов 5,5 % стремятся к углублению своего кругозора путем чтения литературы, в том числе профессионального содержания. Лишь 10 % опрошенных выразили уверенность в том, что ожидаемый профессионально-личностный рост, тем более сопряженный с выездом за пределы мест их проживания, только обременяет и препятствует выполнению текущих служебных обязанностей.

Как следует из результатов проведенного мониторинга, большая часть принявших в нем участие женщин (в основном из подразделений ОВД Сибири и Дальнего Востока) подтвердили свою приверженность профессиональной мобильности, готовность овладевать дополнительными теоретическими знаниями и апробировать их на практике, а также выразили намерение быть успешными в своих коллективах и стремление к достижению профессиональных высот. Полученные данные свидетельствуют о следующей тенденции: женщины демонстрируют преданность интересам службы и наравне с мужчинами готовы не только комплектовать, но и укреплять профессиональное ядро полиции.

Психология служебно-деловых отношений в женском подразделении ОВД. В развитие мысли об осознанном трудоустройстве большого числа женщин (их стремлении к профессиональному совершенствованию) в ОВД, а следовательно, и увеличении количества представительниц женского пола в мужских коллективах рассмотрим гендерно-профессиональные грани уникальности женщин и некоторые психологические аспекты выстраивания служебно-деловых отношений в женском коллективе.

Согласно гендерным стереотипам по своей природе мужчины и женщины, в частности несущие службу в органах внутренних дел, принципиально отличны (в основном речь пойдет о женской модели поведения в полицейской профессии). Мужчины, как правило, более рациональны, женщины, напротив, чаще характеризуются иррациональным (интуитивным) типом мышления и в конкретных профессионально значимых ситуациях могут руководствоваться не только профильными знаниями, умениями и навыками, приоритетами службы, убеждениями, но и «душевным порывом», «велением сердца». Такое сочетание нередко проявляется и положительно сказывается на результативности профессиональной деятельности.

Гендерная идентичность — это социальный и социокультурный компонент, моделирующий в женском

¹ Приказы ОМА МВД России от 9 июля 2019 г. № 846л/с, 847л/с, 848л/с; от 9 июля 2020 г. № 695л/с, 696л/с, 697л/с; от 7 июля 2021 г. № 856л/с; от 14 июля 2022 г. № 954л/с, 955л/с; от 13 июля 2023 г. № 1039л/с, 1040л/с.

² Приказы ДВЮИ МВД России от 4 июля 2019 г. № 239л/с; от 3 июля 2020 г. № 178л/с; от 28 июня 2021 г. № 142л/с; от 7 июля 2022 г. № 168л/с; от 6 июля 2023 г. № 214л/с.

подсознании социально одобряемые и исторически предопределенные поведенческие образы (упомянем лишь два из них). Например, в контексте семейно-бытовых условий и по аналогии на службе разнообразными индивидуально-феминных самоощущений/самовыражений могут быть образы «женщины — хранительницы очага» или «матери». Перфекционистское проявление первого статуса наблюдается в требовательности по отношению к себе (прежде всего, безупречный внешний вид и востребованные результаты профессиональных усилий), «порядке в уме», аккуратности на рабочем месте, бережном отношении к субъектам служебно-деловой коммуникации, взаимопонимании с начальством или стремлении к компромиссу с ним. Кроме того, именно женщины привносят в микроклимат коллектива домашний уют.

Облик «женщины-матери» символизирует способность искренне проникнуться проблемами или неудачами партнера по общению, будь то коллега, сослуживец или начальник, а возможно, и потерпевший, окупать при необходимости его своим душевным теплом, выслушать, предложить пути выхода из кризисной ситуации. Особенно актуален данный тип поведения в тех подразделениях, которые в той или иной степени задействованы в предупреждении и профилактике или пресечении и раскрытии, в первую очередь, преступности несовершеннолетних, а также заняты в учебно-воспитательном процессе ведомственных юридических вузов.

Как видно из гендерно-статусной характеристики, сердцевинной профессиональной женской природы является широкий эмоциональный диапазон, который и позволяет создать психологический образ женщины — сотрудника ПДН. Для решения этой задачи вновь воспользуемся результатами опроса 362 сотрудников женского пола, которые служат на инспекторских и начальствующих должностях в ООДУУП и ПДН ОВД. К наиболее ярким особенностям женского профиля 68,6 % из них отнесли: общительность, впечатлительность и доверчивость, сентиментальность и раздражительность, реже слезливость, а также легкую изменчивость настроения по незначительным, сиюминутным поводам или причинам. С готовностью женщин быть гибкой (предупредительной, обходительной), чуткой и сострадательной согласились более 80 % анкетированных. Такое же их количество высказалось положительно при ответе на вопрос, умеет ли женщина-полицейский подчиняться (исполнительность) и способна ли она акцентироваться на деталях, сосредоточиваться на их глубоко осмыслении. Наконец, респонденты единогласно сошлись во мнении, что женщина-сотрудник по сравнению с мужчиной быстрее и с меньшими потерями для психики справляется с воздействием на нее внешних стрессоров и внутренних переживаний, источником которых является профессиональная среда — ее субъективная и объективная составляющие.

К полученным опытным путем результатам (самооценка женщин — офицеров, осуществляющих предупреждение и профилактику преступности несовершеннолетних) добавим несколько субъективных утверждений. Женщина может быть самоорганизованной, решительной и выносливой, как правило, усидчивой и наблюдательной. Она иначе видит профессиональный мир и собственное предназначение в нем — через признание своей внешности, ума и профессионализма. Женщина склонна к межличностной эмоциональной интерпретации внешних смыслов и образов, рефлексии; апеллирует к житейскому опыту.

Разумеется, предложенное авторское видение проецирует собой лишь приблизительный образ женщины в полицейской профессии, прежде всего женщины — сотрудника ПДН. Кстати, эта научная проблема не нова и разные ее грани уже освещались в литературе [12, с. 41; 16; 18]. Однако ученым-психологам так и не удалось написать окончательный женский портрет (возможно, это сделают последующие поколения исследователей). Причина, как мы полагаем, скрывается в «многоликости» женской натуры или ситуативной амбивалентности ее психологических качеств (их неполный перечень приведен выше). Несмотря на это, учет представленных ранее характеристик призван помочь руководителям умело выстраивать и поддерживать на оптимальном уровне сложности служебно-деловые и личностно значимые отношения в смешанном (мужчины и женщины) и женском коллективах, в частности в ООДУУП и ПДН ОВД, в том числе вопреки доминированию в них устаревших жестких, нередко бескомпромиссных управленческих подходов.

В рамках реализации авторитарно-управленческого стиля руководства отдельными подразделениями территориальных органов иногда встречаются крайние (отрицательные) коммуникативные проявления. Имеют место, прежде всего, необоснованные строгость и жесткость, а также недоверие и в исключительных случаях использование нецензурной лексики в отношении подчиненных. Такой подход нельзя считать универсальным и способным получить широкое распространение во всех подразделениях полиции. Императивный или безусловный, возможно, и деспотический характер руководства, еще «работающий» по инерции в мужских и реже смешанных служебных коллективах с численным превосходством мужчин, категорически неприемлем в сугубо женском обществе. Исключение составляют лишь редкие и краткосрочные служебно-деятельностные примеры, продиктованные объективной потребностью в полной мобилизации женского потенциала (интеллектуальный, моральный, психофизиологический и физический компоненты) для решения сверхзадач, допустим, в условиях высокого уровня криминальных угроз и крайнего дефицита времени. В целом же агрессивная манера мужского управления утрачивает свою популярность в право-

охранительных органах, и тем более она неадаптивна в женской профессиональной среде.

Организация взаимодействия с женским коллективом в органах внутренних дел. Какая же модель взаимодействия начальника с женским коллективом может быть признана наиболее эффективной? Какими психологическими компетенциями, а также индивидуально-личностными чертами должен обладать современный управленец — мужчина — сотрудник, руководящий женщинами? Отвечая на эти вопросы, обратимся к ряду практических рекомендаций мужчине-руководителю сквозь призму реализации его служебно-ролевых статусов.

1. Начальник подразделения полиции, укомплектованного сотрудниками женского пола, вынужден быть знатоком женской сущности, утонченным коммуникатором, что должно проявляться в ходе организации делового общения с подчиненными женского пола (при обсуждении текущих вопросов, постановке задач и подведении итогов, при поощрении и во время индивидуальной критики и пр.).

Начальник обязан быть маневренным. При этом не следует придерживаться единожды взятой за основу собственной линии поведения или поведенческой концепции (она может оказаться несостоятельной, вредной), но и не нужно противоречить возложенным на себя обязательствам. Важно помнить, а при необходимости с уважением подчеркивать статусную поименную разницу (должности, чины, регалии, заслуги, опыт, компетенции и др.). Но ни одна из находящихся в субординационной зависимости женщин не должна чувствовать себя имеющей привилегированное положение либо обделенной вниманием.

2. Заботясь о сплоченности коллектива, защищая незыблемость его ценностей, начальник обязан быть стратегом, готовым не только предусматривать возможные коммуникативные демарши и эксцессы (межличностные конфликты) в исполнении своих сотрудников, но и просчитывать (прогнозировать) возникновение у них лично значимых и профессионально важных проблем, уметь жертвовать меньшими интересами для достижения высоких целей. Непосредственным помощником в реализации подобных мыслительных задач начальника, единомышленником, а возможно, и соратником, как правило, является его заместитель (женщина). Он может выступать «экспертом по женской психологии»: предвосхищать и идентифицировать контрпродуктивные настроения и мнения, помогать предотвращать и урегулировать межличностные противоречия и конфликты, стимулировать мотивацию, лоббировать профессиональную инициативу и заинтересованность подчиненных и т. п.

3. В процессе построения продуктивных деловых отношений и укрепления собственного авторитета в глазах сотрудников женского пола начальнику необ-

ходимо руководствоваться принципами демократизма и гуманизма, что должно отражаться не только в отдельных служебных ситуациях, но и в его личном поведении. В частности, мы имеем в виду разумное и обоснованное намерение идти навстречу коллективным или персональным ожиданиям. Они могут выражаться в удовлетворении незначительных просьб, потребностей или послаблениях (важно помнить, что, помимо службы, у женщины есть семейные приоритеты и заботы). К таковым отнесем, например, предоставление отгулов в удобные дни недели, отпуска в предпочтительное время года или дифференцирование продолжительности отпуска с учетом пожеланий сотрудника. Другой составляющей демократического образа начальника можно считать прагматичное и дозированное делегирование женщинам-подчиненным властных полномочий (допустим, расширение распорядительно-контрольных функций замначальника или начальников отделений). При этом «визитной карточкой» мужчины-начальника как в официальном, так и в неофициальном формате его служебной деятельности должна быть демонстрация человеколюбия и толерантности, готовности к поддержке и пониманию, сочувствию в общении со своими сотрудниками.

4. Центральное место в профессионально-ролевой парадигме занимает статус собственно руководителя. При всем многообразии его лидерских доминант и психолого-педагогических средств воздействия выделим лишь те инструменты, которыми желательно оперировать в женской среде. Речь главным образом идет о партнерской модели взаимодействия или так называемой стратегии «мягкой силы». Ее особенностью на фоне эмоциональной уравновешенности и терпения, интеллектуальной мудрости и дальновидности начальника является его интеллигентная манера убеждения. Он не приказывает, а предлагает выполнить свое распоряжение, облакая его в форму просьбы. Неприказная риторика и товарищеская тональность подкупают и обязывают женщину, повышают ее самооценку, добавляют уверенности в собственных силах, умножают самооценку исполнителя, стимулируют социальную ответственность. Порой личная просьба уважаемого человека (руководителя подразделения) имеет гораздо больший вес, нежели его же прямой приказ либо распоряжение.

5. В процессе взаимодействия с женским коллективом мужчине-начальнику необходимо иметь высокий уровень эмоционального интеллекта, под которым понимается не только способность осознавать и понимать свои эмоции, управлять ими, но и адекватно реагировать на эмоции других людей. В рамках коллектива при возникновении сложных, часто срочных, оперативно-служебных задач начальник в обязательном порядке должен сохранять спокойствие, иметь мужское хладнокровие и заражать своей безмятежностью окружающих

его женщин-подчиненных, которые нередко подвержены излишним эмоциональным переживаниям. Данное правило распространяется и на служебную деятельность, осуществляемую в штатном режиме, и приводит к повышению у женщин уровня внимательности, рациональной сдержанности, бесконфликтности.

Для эффективной реализации предложенных рекомендаций мужчине-начальнику важно обладать базовыми педагогическими характеристиками, такими как педагогический такт, самостоятельный и творческий склад мышления в рамках решения служебных задач, находчивость, педагогическое воображение, адекватное эмоционально-волевое влияние на подчиненных женщин-сотрудников, педагогический авторитет. В процессе деловой коммуникации начальнику не стоит скупиться и на положительные эмоции. Они, как правило, влекут за собой зеркальный эмоциональный отклик, располагают к искренним взаимоотношениям, устраняют возможные волнения и страхи у подчиненного, стимулируют его к работе с полной самоотдачей.

Завершая краткий обзор служебно-ролевых статусов в их авторской интерпретации, отметим, что наиболее успешным вариантом мужского руководства женским подразделением, на наш взгляд, является универсальная модель с акцентом на партнерстве. Процесс выстраивания текущих и перспективных партнерских взаимоотношений в женском коллективе окажется поднятым на качественно иной психологический уровень, если руководитель овладеет умением чувствовать атмосферу женского коллектива с признанием и учетом присущих ему индивидуальностей, потребностей и скрытых противоречий, распознавать манипуляцию, считывать эмоциональное состояние подчиненных и оказывать на него положительное влияние и т. п. Все это способно придать особый смысл побудительному воздействию начальника на подчиненных ему женщин (посредством инструментов убеждения, внушения, эмоционального заражения) и повлиять на рост показателей их оперативно-служебной деятельности. Вышеизложенные практические рекомендации носят универсальный характер и в одинаковой степени будут востребованы и эффективны при руководстве женщинами из числа инспекторов ПДН, дознавателей, следователей, педагогов и некоторых других специалистов органов внутренних дел.

Таким образом, стереотип о неженских профессиях на сегодняшний день утрачивает широкое распространение, что находит отражение в деятельности правоохранительных органов. Женская составляющая в полицейской профессии — это не просто метаморфоза, а, скорее, закономерное явление. Умелое управление женским коллективом — это мастерство, овладение которым предполагает сложное сочетание фундаментальных научных знаний и житейского опыта.

Мужчина-сотрудник, возглавляющий женский коллектив полиции, обязан принимать к сведению ре-

зультаты его ежегодного социально-психологического исследования, проводимого штатным подразделением психологов. Их выводы и рекомендации по формированию благоприятного социально-психологического климата в служебном коллективе, оптимизации процессов и явлений, негативно воздействующих на морально-психологическое состояние личного состава, позволяют не только своевременно идентифицировать ту или иную проблему, но и выработать или корректировать дополнительные меры научно-управленческого реагирования. Наконец, совершенствование психолого-педагогической компетентности в рамках систематических занятий по морально-психологической подготовке помогает руководителю принять верное решение в ситуации профессионально-психологической неопределенности.

Помимо научно-психологического инструментария, играющего первостепенную роль в вопросах оптимизации служебной деятельности женского коллектива, в некоторых случаях мужчина-начальник может опираться и на собственную интуицию (т. е. опыт, помноженный на интеллект), созидая долговременные доверительные и личностно значимые эмоциональные и деловые отношения. Наличие у мужчины-начальника женщины-заместителя в ряде случаев способно обеспечить не только их профессиональный тандем, но и гендерный баланс между мужским и женским началом в коллективе, что представляется весьма важным основанием для выстраивания в нем актуальных и потенциальных, предсказуемых субординационных взаимоотношений.

Выводы

Обратимся к ряду выводов-закономерностей, которые можно рекомендовать к использованию в качестве практико-ориентированных алгоритмов мужчинам — руководителям женских коллективов полиции, а именно:

- оптимальная модель взаимодействия с сотрудниками женского пола влечет улучшение индивидуально-психологического самочувствия, а вместе с ним и социально-психологического климата или поддержание его на благоприятном уровне в коллективе, что стимулирует положительную динамику персонифицированных показателей и общую результативность в нем;

- организация начальником неочевидного социально-психологического мониторинга во вверенном подразделении женщин (посредством своих помощников — женщины — заместителя начальника или неформального лидера) способна создать своевременное представление об актуальном состоянии внутриколлективных мнений и настроений, прогнозировать перспективы их трансформации, а также являться инструментом немедленного или отсроченного управленческого реагирования и, как следствие, повышения работоспособности коллектива;

- престижность и авторитет начальника в контуре восприятия непосредственного или прямого

начальства, коллег-руководителей, представителей государственных органов и общественных институтов, граждан во многом зависят от суммарных профессионально-деятельностных показателей вверенного ему подразделения женщин и личного вклада каждой из них в решение текущих оперативно-служебных задач. Успешность служебного коллектива есть закономерное следствие умелого руководства.

Область применения и перспективы. Материал данного научного исследования может быть полезен при осуществлении управленческой деятельности в ор-

ганах внутренних дел, а также способен послужить базисом для развития научно-практической мысли в данном направлении.

Расширение перечня исследовательских инструментов, психологический образ мужчины-руководителя, специфика (учет принадлежности женщины к тому или иному подразделению) портретирования психологии женского образа или же конкретные рекомендации по эффективному мужскому руководству женщинами в разных подразделениях органов внутренних дел призваны стать предметом научно-практического интереса перспективных исследований.

Список источников / References

1. Комаров Е. И. Женщина-руководитель. М., 1989. 176 с.
2. Гончаров В. В. В поисках совершенства управления: Руководство для высшего управленческого персонала : в 2 т. М., 1996. Т. 2. 720 с.
3. Бабаева Л. В., Чирикова А. Е. Женщины в бизнесе // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 75–81.
4. Турецкая Г. В. Социально-психологическая типология деловой активности женщин : дис. ... канд. психол. наук. М., 1999. 181 с.
5. Басова М. М. Социально-психологические особенности управления женским персоналом // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 12(80). С. 100–103.
6. Осеев А. А. Социально-психологический портрет руководителя: идеальная модель и способы ее измерения // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2011. № 1. С. 126–144.
7. Моисеева Э. С., Кудинов С. С. Гендерные особенности эмоционального выгорания в трудовом коллективе // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2014. № 39–2. С. 71–76.
8. Дрондель М. О., Зайцева Т. В. Гендерные различия в стилях принятия решений руководителями государственной организации // Прогрессивная экономика. 2021. № 3. С. 5–19.
9. Кочиева А. К., Нерета Д. В. Гендерный фактор в управлении организацией в современных социально-экономических условиях // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. Т. 16, № 9(390). С. 1780–1796.
10. Погадаева А. В. Психологические особенности женщины-руководителя // Ямальский вестник. 2016. № 3(8). С. 90–95.
11. Ливак Н. С. Личностные особенности женщин руководителей // Здоровье и образование в XXI веке : электронный научно-образовательный вестник. 2018. Т. 20, № 10. С. 52–57.
12. Кузнецова О. В., Марьин М. И. Женщина-руководитель в органах внутренних дел: вопросы женского лидерства в ОВД // Национальная ассоциация ученых. 2020. № 53–3(53). С. 38–41.
13. Субботина Т. Н., Лукашина Е. В. Влияние гендерных особенностей на управление персоналом // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 4–2(74). С. 172–175.
14. Чинякова Е. В., Марихин С. В. Психология взаимоотношений руководителя с подчиненными // XV Королевские чтения : междунар. молодежная науч. конф., посвященная 100-летию со дня рождения Д. И. Козлова (8–10 октября 2019 г.). Самара, 2019. Т. 2. С. 904–905.
15. Петров В. Е. Психологическая диагностика индивидуально-стилевых особенностей руководства коллективом органа внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2003. № 1(19). С. 121–123.
16. Кузнецова О. В., Марьин М. И. Личностные детерминанты эффективности профессиональной деятельности женщин — сотрудников органов внутренних дел // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. 2015. № 3. С. 7–12.
17. Кузнецова О. В. Социально-психологические факторы эффективности служебной деятельности женщин — сотрудников органов внутренних дел // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13, № 2. С. 188–204.
18. Царенко А. О. Служба женщин в правоохранительных органах // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 1(104). С. 51–54.
19. Vilkinas T. & Cartan G. How different are the roles displayed by female and male managers? *Women in Management Review*. 1997. № 12. Pp. 129–135. 10.1108/09649429710171154.
20. Vinita M., Samina A. Gender Communication: A Comparative Analysis of Communicational Approaches of Men and Women at Workplaces. *Journal of Humanities and Social Science (JHSS)*. ISSN: 2279-0837, ISBN: 2279-0845. 2012. Vol. 2, Issue 1. Pp. 18–27.

Поступила 24.12.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 30.03.2026.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Общая педагогика. Теория и методика профессионального образования, обучения и воспитания

General pedagogy. Theory and methods of professional education, learning and upbringing

Научно-практическая статья

УДК 378.147 © Афанасьев А. Д., Афанасьева Ж. С., Подлиняев О. Л., Вэньчжао П., Лихун А., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-204-211

5.8.7. Методология и технология профессионального образования

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования

Цифровой инструмент для обучения иностранным языкам на основе педагогической гибкости и нейрокогнитивных принципов

Александр Диомидович Афанасьев, доктор физико-математических наук, профессор, профессор института информационных технологий и анализа данных¹; aad@istu.edu; <https://orcid.org/0000-0001-8745-1725>

Жанна Сергеевна Афанасьева, кандидат педагогических наук, доцент Байкальского института БРИКС¹; afanasevajs@ex.istu.edu; <https://orcid.org/0000-0003-0228-4644>

Олег Леонидович Подлиняев, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики педагогического института²; podlinyaev@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6633-3997>

Пэн Вэньчжао, доктор филологических наук, профессор института русского языка, заместитель начальника Китайского центра исследования Северо-Восточной Азии при Государственном комитете по языковой политике³; alexbong@163.com

Ань Лихун, доктор филологических наук, профессор института русского языка, научный сотрудник Китайского центра исследования Северо-Восточной Азии при Государственном комитете по языковой политике³; anlihong1971@163.com

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия

² Иркутский государственный университет, 664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия

³ Даляньский университет иностранных языков, 116044, Далянь, ул. Люйшуньняньлу, 6, Китайская Народная Республика

Реферат. Введение. Обосновывается авторская программа «ЛингвоКоуч» — цифровой инструмент для обучения иностранным языкам, интегрирующий педагогический потенциал цифровой образовательной среды, технологии искусственного интеллекта и нейрокогнитивные принципы эффективного запоминания. Цель — разработка теоретико-методологической модели и практических инструментов обучения иностранным языкам на основе педагогического потенциала цифровой образовательной среды и технологий искусственного интеллекта. **Материалы, результаты и обсуждение.** Описаны типичные трудности, с которыми сталкиваются обучающиеся при изучении иностранных языков, на основе традиционных уровней лингвистической структуры языка: фонетического, лексического, морфологического, синтаксического. Проведено сравнение наиболее популярных приложений для изучения иностранных языков (Duolingo, Lingodeer, HelloChinese), выявлены их преимущества и недостатки. Представлена характеристика программы «ЛингвоКоуч», позволяющей легко изменять формат и структуру изучаемого материала; формировать субъектную позицию обучающегося; оптимизировать самоконтроль результатов обучения путем его автоматизации и персонализации; активизировать познавательный интерес обучающихся, повышать качество и эффективность их языковой подготовки. **Выводы.** Дано описание областей применимости программы «ЛингвоКоуч», перспектив ее использования при изучении иностранных языков и специфических возможностей в контексте оптимального развития эмоциональной и мотивационной сфер обучающихся.

Ключевые слова: цифровая образовательная среда, искусственный интеллект, нейрокогнитивные принципы обучения, приложения для изучения иностранных языков, произношение

Для цитирования: Афанасьев А. Д., Афанасьева Ж. С., Подлиняев О. Л., Вэньчжао П., Лихун А. Цифровой инструмент для обучения иностранным языкам на основе педагогической гибкости и нейрокогнитивных принципов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 2(105). С. 204–211. <https://doi.org/10. 24412/1999-6241-2026-2105-204-211>

Scientific and Practical Article

UDC 378.147 © Afanasiev A. D., Afanasieva Zh. S., Podlinyaev O. L., Wenzhao P., Lihong A., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-204-211

5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education; 5.8.1. General Pedagogy, History of Pedagogy and Education

Digital Tool for Teaching Foreign Languages based on Pedagogical Flexibility and Neurocognitive Principles

Alexander D. Afanasiev, Doctor of Science (in Physics and Mathematics), Professor, Professor of the Institute of Information Technologies and Data Analysis¹; aad@istu.edu; <https://orcid.org/0000-0001-8745-1725>

Zhanna S. Afanasieva, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor of Baikal Institute of BRICS¹; afanasevajs@ex.istu.edu; <https://orcid.org/0000-0003-0228-4644>

Oleg L. Podlinyaev, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor, Professor at the chair of Pedagogy of Pedagogical Institute²; podlinyaev@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6633-3997>

Peng Wenzhao, Doctor of Science (in Philology), Professor of the Institute of Russian Language, deputy-head of Chinese Centre for Northeast Asian Studies under the State Committee for Language Policy³; alexbong@163.com

An Lihong, Doctor of Science (in Philology), Professor of the Institute of Russian Language, researcher at Chinese Centre for Northeast Asian Studies under the State Committee for Language Policy³; anlihong1971@163.com

¹ Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov st., Irkutsk, 664074, Russia

² Irkutsk State University, 1, Karl Marx st., Irkutsk, 664003, Russia

³ Dalian University of Foreign Languages, 6, Liushunnanlu, the People's Republic of China

Abstract. Introduction. The authors' programme "LinguoCoach" is substantiated, which is a digital tool for teaching foreign languages, integrating the pedagogical potential of the digital educational environment, artificial intelligence technologies and neurocognitive principles of effective memorization. The objective is to develop a theoretical methodological model and practical tools for teaching foreign languages based on pedagogical potential of the digital educational environment and artificial intelligence technologies. **Materials, Results and Discussion.** Typical difficulties faced by students in learning foreign languages are described based on the traditional levels of the linguistic structure of the language: phonetic, lexical, morphological, syntactic. The most popular applications for learning foreign languages are compared (Duolingo, Lingodeer, HelloChinese), their advantages and drawbacks established. The paper characterizes "LinguoCoach" programme, which ensures easy changing of the format and structure of the studied material; forming the subject-based position of a learner; optimizing self-control of the learning outcomes via its automatization and personalization; promoting learners' cognitive interest; increasing quality and effectiveness of their language proficiency. **Conclusions.** The authors describe spheres of using "LinguoCoach" programme, perspectives of its application in studying foreign languages and special capabilities for optimal development of students' emotional and motivation spheres.

Keywords: digital educational environment, artificial intelligence, neurocognitive principles of learning, applications for learning foreign languages, pronunciation

Citation: Afanasiev A. D., Afanasieva Zh. S., Podlinyaev O. L., Wenzhao P., Lihong A. Digital Tool for Teaching Foreign Languages based on Pedagogical Flexibility and Neurocognitive Principles. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 2(105). Pp. 204–211 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-204-211>

Основные положения

1. Глобальная цифровизация общества и новая модель личности обучающихся, сформированная под воздействием цифровой среды, существенным образом влияют на принципы организации образовательного процесса. Формируется новое поколение учащейся молодежи, так называемое цифровое поколение, которое требует другого подхода к обучению.

2. Традиционные знания, умения, навыки быстро теряют свою актуальность в условиях стремительно изменяющейся цифровой реальности. В связи с этим возникает потребность в научном исследовании потенциала цифровой образовательной среды не только как нового пространства для получения необходимой информации и источника знаний, но и как среды, способствующей формированию метапредметных и так называемых мягких навыков (soft skills).

3. Метапредметные навыки обеспечивают управление познавательной деятельностью, когда обучающиеся не просто получают знания, а осознанно

управляют процессом их приобретения, а soft skills, такие как коммуникация, эмоциональный интеллект, критическое мышление и др., способствуют успешной самореализации обучающихся, а также их готовности к непрерывному обучению.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Цифровизация общества требует трансформации образовательного процесса. Прежде всего следует учитывать, что представители цифрового поколения быстро ищут информацию в интернете, для них уже не существует ответа «Я не знаю», вместо этого они следуют стратегии «Спроси Google, ChatGPT, Qwen» и т. п. Это определяет необходимость перехода от традиционной передачи знаний к развитию критического мышления, навыков фильтрации информации, умения учиться самостоятельно. Преподаватель в современных условиях — это уже не источник знаний, а, скорее, наставник и модератор образовательной деятельности. Концепции непрерывного образования в цифровом

обществе сдвигают акценты с доминирующей деятельности педагога на активную работу обучающихся. Реализовать это позволяет использование педагогического потенциала цифровой среды как фактора, способствующего внедрению в образовательный процесс новых эффективных педагогических практик организации учебной деятельности, которые ранее были недоступны в традиционном обучении. При этом изменяются роль и возможности личности обучающегося как субъекта деятельности. Перед преподавателем стоит задача, прежде всего, превратить инструменты цифровой среды в помощников в процессе обучения современного студенчества. Применение цифровых технологий в образовательном процессе позволяет реализовать персонализацию и гибкость обучения — адаптировать содержание учебного материала, темп и формат обучения под индивидуальные особенности обучающегося. Педагогическому сообществу требуются новые методики и технологии обучения, реализуемые в цифровой среде, при этом дидактических материалов, разработанных на основе современных цифровых образовательных технологий, недостаточно.

Цель — разработка теоретико-методологической модели и практических инструментов обучения иностранным языкам на основе педагогического потенциала цифровой образовательной среды и технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ), направленных на повышение эффективности образовательного процесса. Для реализации данной цели поставлены следующие **задачи**:

1. Выявить особенности педагогического потенциала цифровой среды как ресурса при обучении иностранным языкам.
2. Разработать программный продукт «ЛингвоКоуч» как цифровой инструмент для изучения и тренировки произношения иностранных слов и языковых конструкций на китайском, английском, русском языках.
3. Оценить влияние разработанного программного продукта «ЛингвоКоуч» (далее — программа «ЛингвоКоуч») на качество языковой подготовки обучающихся.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Существует недостаточность эффективных цифровых инструментов при изучении иностранных языков, особенно для тренировки произношения, которые могут быть гибко использованы преподавателем в учебном процессе [1–6]. Практически все современные коммерческие продукты, такие как Duolingo, Lingodeer, HelloChinese и др., не позволяют

преподавателю адаптировать учебный материал под уровень обучающихся, т. е. фактически они исключают должное (эффективное) взаимоотношение между преподавателем и обучающимися. Однако «образование не может быть успешным, если используются готовые материалы, разработанные вне образовательного пространства и без учета взаимоотношений между преподавателем и учащимся», как отмечается в докладе международной комиссии по перспективам образования ЮНЕСКО¹.

К типичным трудностям, с которыми сталкиваются обучающиеся при изучении иностранного языка, относятся следующие:

- на фонетическом уровне — проблема в правильной постановке ударения в слове и освоения артикуляции при произношении соответствующих звуков;
- на лексическом уровне — проблема запоминания большого массива слов и их сочетаний: в современных приложениях недостаточно визуальных образов, которые способствуют эффективному запоминанию слов и выражений;
- на морфологическом уровне — грамматические категории, которые отсутствуют в родном языке, такие как род, число, падеж и др.;
- на синтаксическом уровне — фундаментальное различие в структуре предложений в разных языках: перенос привычного порядка слов в родном языке на формулировки предложений на иностранном языке что приводит к использованию «кальки» с родного языка, что не всегда уместно; наличие или отсутствие артиклей и др.

В большинстве исследований отмечается, что использование педагогического потенциала цифровых и информационно-коммуникационных технологий в образовании повышает эффективность образовательного процесса, делает его более гибким, адаптивным, насыщенным, усиливает образовательную активность всех субъектов образовательного процесса. Однако в аналитической записке Института ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании говорится, что цифровые технологии не могут заменить педагога, именно он становится «наиболее важным фактором раскрытия потенциала технологий для совершенствования учебно-методической деятельности»². При этом любой элемент цифровой среды может оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на человека или оставаться нейтральным.

Таким образом, особенности цифровой среды позволяют рассматривать ее как потенциальный ресурс для обучения иностранным языкам.

¹ International Commission on the Futures of Education. 2020. Education in a post-COVID world: Nine ideas for public action. Paris, UNESCO. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373717> (дата обращения: 18.04.2025).

² Даггэн С. Искусственный интеллект в образовании: Изменение темпов обучения. Аналитическая записка ИИТО ЮНЕСКО / ред. С. Ю. Князева; пер. с англ. А. В. Паршакова. М., 2020. С. 39.

Материалы, результаты и обсуждение

Функциональные возможности программы «ЛингвоКоуч». Разработанная авторами данной статьи программа «ЛингвоКоуч» зарегистрирована как программа для ЭВМ в реестре программ Российской Федерации в 2025 г.³

Программа «ЛингвоКоуч» является цифровым инструментом для изучения и тренировки произношения иностранных слов и языковых конструкций (китайского, английского, русского языков).

Набор языков легко меняется. Функциональные возможности программы «ЛингвоКоуч» заключаются в организации циклической аудиотренировки с записью и сравнением произношения пользователя с эталонным звучанием по специальной методике, что способствует быстрому запоминанию и улучшению навыков произношения. Программа отличается оригинальной HTML-визуализацией: таблицей с переводами, интерактивными плеерами и индикаторами записи и паузы (рис. 1–3, с. 209–210).

Таблица. Сравнение приложений Duolingo, Lingodeer, HelloChinese и программы «ЛингвоКоуч»
(Table. Comparison of applications Duolingo, Lingodeer, HelloChinese and “LinguoCoach” programme)

Критерии	Duolingo	Lingodeer	HelloChinese	ЛингвоКоуч
1. Гибкость и адаптивность под учебный план преподавателя	Жестко фиксированное линейное продвижение по темам. Нет возможности адаптировать курс под учебник или методику	Тематические уроки (еда, транспорт и т. д.), встроенные в курс китайского / японского / корейского. Частично можно пропускать уроки, но нельзя вставлять свой материал	Игровая структура, ориентированная на HSK-уровни. Только в рамках предустановленных модулей	Свободная структура: преподаватель сам определяет содержание урока через Excel-таблицы с их конвертацией в HTML-страницу. Полная гибкость: преподаватель вводит любые слова/фразы, настраивает порядок, язык перевода, если он нужен
2. Преемственность и логика тематического изложения учебного материала	Высокая внутрикурсовая преемственность, но есть разрывы при переключении между языками или уровнями	Темы логичны, но ограничены заданным набором; нет возможности вставить «мостик» между темами	Хорошая прогрессия от HSK 1 к HSK 2, но жесткая привязка к экзаменационной системе, что ограничивает педагогическую гибкость	Полная преемственность по замыслу преподавателя: можно создавать плавные переходы, повторять ключевые слова, вводить межязыковые аналогии
3. Проверка произношения и аудиовизуальная тренировка	Есть упражнения на тренировку произношения с визуальным индикатором, но не обеспечивается циклическая аудиотренировка с самозаписью	Есть упражнения на тренировку произношения, но без детального анализа; не обеспечивается циклическая аудиотренировка с самозаписью	Есть упражнения на тренировку произношения с визуальным индикатором (только для китайского языка), но не обеспечивается циклическая аудиотренировка с самозаписью	Циклическая аудиотренировка с самозаписью и сравнением с эталоном, на этом этапе развития проекта нет визуальных индикаторов для детального анализа произношения
4. Технологическая архитектура (объем, платформенность, автономность)	Требуется установка, онлайн-зависимость, большой объем	Мобильное приложение, частично офлайн, но нельзя экспортировать контент	Только мобильное приложение, привязка к аккаунту	HTML + аудиофайлы, <1 МБ, без установки, работает в любом браузере, легко рассылается через мессенджеры/USB
5. Научная основа (нейрокогнитивные принципы обучения)	Использует метод интервального повторения (spaced repetition), но без учета нейробиологических пауз	Игровая мотивация, но нет интервалов отдыха	Адаптивность на основе ошибок, но без научно обоснованных перерывов	Циклы активного обучения, паузы от 10 сек. (зависят от длины предложения), базируется на основе современных нейрокогнитивных исследований
6. Поддержка мультязычности	Поддержка множества языков, без мультязычного перевода в уроке	Ориентирован на азиатские языки, без мультязычного перевода в уроке	Только китайский и английский, без мультязычного перевода в уроке	Трехязычный формат (китайский, английский, русский), преподаватель контролирует весь контент

³ Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 20205663155 РФ. Программа для изучения и тренировки произношения иностранных слов (ЛингвоКоуч) : заявл. 23.04.2025 : опубл. 27.05.2025 / Афанасьев А. Д., Афанасьева Ж. С. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82526272> (дата обращения: 27.05.2025).

таких как новая лексика, изменение порядка изучения тем и др.

2. *Преимственность и логика тематического изложения учебного материала.* Данный критерий направлен на оценку преимуществ между темами для долгосрочного запоминания и речевой автоматизации, использование пересекающейся лексики, ключевых конструкций в новом контексте и др.

3. *Проверка произношения и аудиовизуальная тренировка.* Данный критерий направлен на сравнение инструментов (в том числе на основе ИИ) для развития фонетических навыков (в частности, наличие эталонного произношения, возможность записать собственную речь и последующее сравнение с эталоном, многократное прослушивание, обратная связь и др.).

4. *Технологическая архитектура (объем, платформенность, автономность).* Критерий направлен на сравнение технических требований: необходимость интернета, установки приложения, совместимость с другими устройствами, объем данных, возможность офлайн-использования и др.

5. *Научная основа (нейрокогнитивные принципы обучения).* Критерий направлен на анализ подходов, основанных на данных когнитивистики (когнитивной науки), таких как интервальное повторение, эффект паузы, когнитивная нагрузка, внимание, утомляемость и др.

6. *Поддержка мультиязычности.* Критерий направлен на оценку возможности отображать перевод на нескольких языках.

Основное преимущество представленных приложений — это визуальная поддержка анализа произношения, они предлагают универсальные решения, ориентированные на массового пользователя, но являются закрытыми для адаптации к учебному процессу. В некоторых из них реализована адаптивность на основе сделанных ошибок, но без научно обоснованной тренировки.

Итак, разработка программы «ЛингвоКоуч» не дублирует существующие решения, а заполняет значимый нишевый пробел на стыке цифровой автономности, адаптивности к целям образовательного процесса и подхода к обучению на основе нейрокогнитивных принципов, что обеспечивает ее востребованность в современных образовательных условиях.

Программа «ЛингвоКоуч» предназначена для изучения обучающимися новых иностранных слов или фраз на иностранном языке. Она позволяет совершенствовать произношение слов на китайском, русском и английском языках. Это достигается методом последовательного циклического повторения иностранных слов обучающимися с одновременной записью их звучания для последующего сравнения с эталонным звучанием слов и соответствующей самостоятельной коррекцией произношения.

Такая тренировка способствует быстрому заучиванию слов, поскольку позволяет обучающемуся многократно сравнивать свое произношение с эталонным, совершенствуя свои навыки. В программе используется удобная уникальная визуальная композиция в виде таблицы изучаемых слов, их перевода, интерактивных аудиоплееров, визуальных и звуковых индикаторов записи и пауз релаксации. Фактически обучающийся получает лингвистический кабинет в мобильном устройстве или на компьютере. «ЛингвоКоуч» позволяет оптимально дозировать объем изучаемой информации, чередуя его с перерывами в 10 сек., которые, согласно исследованиям 2021 г. [7], абсолютно необходимы для эффективного запоминания.

Преподаватель вписывает в Excel-таблицу иероглифы и пиньинь изучаемых слов (или фраз) на китайском языке, самостоятельно выбирает их перевод на английский и русский языки. Программа генерирует звуковые файлы, используя компьютерный TTS (с англ. text to speech — текст в речь) синтез речи с произношением этих слов, создает звуковой файл для тренировки произношения и формирует HTML-таблицу. По сути HTML-таблица является инновационным многоязычным интерфейсом данной программы. HTML-интерфейс вместе со звуковыми файлами имеет небольшой объем, не требует установки и легко открывается в браузерах других компьютеров и на любом телефоне с операционной системой Android.

Программа «ЛингвоКоуч» может служить помощником преподавателю во время учебного занятия, так как позволяет гибко подстроиться под любые учебные планы преподавателя и не задает жесткую структуру. Программа также идеально подходит для самостоятельной работы обучающихся, например при выполнении домашнего задания. Легкий HTML-файл (обычно для пары десятков слов объем менее 1 Mb) может передаваться с помощью любого мессенджера или на USB-носителе.

В разработанной нами программе «ЛингвоКоуч» предлагается использовать такие особенности цифровой среды, как:

- изменение формата и структуры представления учебного материала;
- автоматизация самоконтроля результатов обучения;
- доступность программного продукта в сети Интернет с любого браузера и др.

Использование указанных особенностей цифровой среды позволяет:

- реализовать педагогический потенциал цифровой среды, основанный на другой природе информационных и коммуникационных процессов, ориентированный на потребности и запросы обучающихся;
- перенести акцент с центральной деятельности педагога на продуктивную учебную деятельность

обучающихся, обеспечивающую их субъектную позицию, а значит, активное и сознательное включение в учебный процесс;

— поэтапно формировать значимые компетенции обучающихся, планировать персонализацию образовательного процесса, адаптивность обучения и др.

Вышеперечисленные особенности цифровой среды способствуют реализации дидактических функций средств цифровой среды, таких как мотивационная; информативная; управление процессом обучения, в том числе его индивидуализация, и др.

Таким образом, теоретико-методологическая модель обучения иностранным языкам на основе педагогического потенциала цифровой образовательной среды и технологий ИИ связывает когнитивную науку, дидактику и цифровые технологии в единую систему, ее основными компонентами являются:

— *теоретико-методологическая основа*, базирующаяся на нейрокогнитивных (интервальное повторение, эффект паузы, когнитивная нагрузка, внимание, утомляемость и др.) и методологических принципах: активная роль преподавателя, преподаватель как субъект проектирования учебного материала — методист и наставник, а не пассивный пользователь программы; самостоятельность и рефлексивность обучающегося, реализуемые через циклическое повторение с самоконтролем; персонализация и адаптивность образовательной траектории и др.;

— *функциональная архитектура программы*, основанная на принципах минимализма и автономности (легкие HTML-файлы, офлайн-доступ и др.).

Применение программы «ЛингвоКоуч» в образовательной практике. Обучающиеся, не владеющие терминологией по специальности на английском языке, показали высокую эффективность применения данной программы для изучения специальных

терминов на английском языке. Программа успешно применялась на учебных курсах «Вычислительная математика» в Шендунском университете Авионики (2025 г., SDUA, г. Бинчжоу, Китай), «Механические принципы» в Шеньяском химико-технологическом университете (2025 г., SYUCT, г. Шеньян, Китай) и «Теоретические основы ИИ» (2025 г., Иркутский научно-исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия). Студентам предлагались основные термины, относящиеся к конкретной изучаемой теме, на трех языках — русском, английском, китайском, которые позволяли сделать акцент на правильном произношении термина и его узнавании в процессе прохождения соответствующей темы. На рисунке 1 представлен пример интерфейса HTML-файла для изучения терминов в рамках изучаемой дисциплины.

Режим тренировки (Recording) отражается в верхней части. В столбцах представлены термины на соответствующих языках (их заранее готовит преподаватель, произношение озвучивается автоматически данной программой). Последняя колонка служит для тренировки произношения: обучающийся нажимает на кнопку проигрывателя, после озвучивания термина на родном языке начинается тренировочный цикл. Вначале звучит эталонное произношение термина на английском языке, после звукового сигнала начинается запись, и учащийся проговаривает термин вслух, затем он слышит свое произношение и снова эталонное звучание термина. Обучающийся должен многократно повторить термин, стараясь приблизиться к эталонному звучанию. После окончания тренировки включается звуковой сигнал и наступает режим паузы в 10 сек., который, как уже было указано выше, способствует более эффективному запоминанию. Это режим Relaxation, его

ЛингвоКоуч LingvoCoach 语言教练				
Start Recording Stop Recording ● Recording...				
Chinese	Pinyin	Russian	English	Practice
条款	tiáokuān ▶ 0:00 / 0:00 — 🔊 ⏸	Термины ▶ 0:01 / 0:01 — 🔊 ⏸	Terms ▶ 0:01 / 0:01 — 🔊 ⏸	▶ 0:03 / 0:03 — 🔊 ⏸
物理量	Wùlǐliàng ▶ 0:00 / 0:00 — 🔊 ⏸	Физическая величина ▶ 0:02 / 0:02 — 🔊 ⏸	Physical quantity ▶ 0:01 / 0:01 — 🔊 ⏸	▶ 0:00 / 0:05 — 🔊 ⏸
物理量的维度	Wùlǐliàng de wéidù ▶ 0:01 / 0:01 — 🔊 ⏸	Размерность физической величины ▶ 0:02 / 0:02 — 🔊 ⏸	Dimension ▶ 0:01 / 0:01 — 🔊 ⏸	▶ 0:00 / 0:05 — 🔊 ⏸
速度, 速度	Sùdù, sùdù ▶ 0:01 / 0:01 — 🔊 ⏸	Скорость ▶ 0:01 / 0:01 — 🔊 ⏸	Velocity ▶ 0:01 / 0:01 — 🔊 ⏸	▶ 0:00 / 0:05 — 🔊 ⏸
加速度	Jiāsùdù ▶ 0:00 / 0:00 — 🔊 ⏸	Ускорение ▶ 0:01 / 0:01 — 🔊 ⏸	Acceleration ▶ 0:01 / 0:01 — 🔊 ⏸	▶ 0:00 / 0:04 — 🔊 ⏸
衍生物	Yǎnshēng wù ▶ 0:00 / 0:00 — 🔊 ⏸	Производная ▶ 0:01 / 0:01 — 🔊 ⏸	The derivative ▶ 0:01 / 0:01 — 🔊 ⏸	▶ 0:00 / 0:04 — 🔊 ⏸
时间	Shíjiān ▶ 0:00 / 0:00 — 🔊 ⏸	Время ▶ 0:00 / 0:00 — 🔊 ⏸	Time ▶ 0:00 / 0:00 — 🔊 ⏸	▶ 0:00 / 0:03 — 🔊 ⏸

Рис. 1. Пример интерфейса HTML-файла для изучения терминов (включен режим тренировки Recording, горит красный индикатор)

(Fig. 1. Example of HTML file interface for studying terms (Recording training mode is on, red indicator is on))

ЛингвоКоуч LingvoCoach 语言教练				
Start Recording Stop Recording Relaxation...				
Chinese	Pinyin	Russian	English	Practice
条款	tiáokuān	Термины	Terms	0:03 / 0:03
物理量	Wùlǐliáng	Физическая величина	Physical quantity	0:00 / 0:05
物理量的维度	Wùlǐliáng de wéidù	Размерность физической величины	Dimension	0:00 / 0:05
速度 速度	Sùdù, sùdù	Скорость	Velocity	0:00 / 0:05
加速度	Jiāsùdù	Ускорение	Acceleration	0:00 / 0:04
衍生物	Yǎnshēng wù	Производная	The derivative	0:00 / 0:04
时间	Shíjiān	Время	Time	0:00 / 0:03

Рис. 2. Пример интерфейса HTML-файла для изучения терминов (включен режим Relaxation, горит зеленый индикатор)
(Fig. 2. Example of HTML file interface for studying terms (Relaxation mode is on, green indicator is on))

название высвечивается зеленым цветом в заголовке программы (рис. 2).

Пауза завершается звуковым сигналом. Далее обучающийся переходит к следующему слову. Для удобства каждый проигрыватель позволяет регулировать скорость воспроизведения (рис. 3).

В ходе практического применения программы «ЛингвоКоуч» было выявлено ее дополнительное преимущество: обучающиеся с большим интересом проходят тренировки, так как мгновенно видят результат и испытывают положительные эмоции, что оказывает стимулирующее влияние на вовлечение их в самообразование. Мы отмечаем вклад программы «ЛингвоКоуч» в индивидуализацию обучения, цифровую трансформацию учебного процесса и др.

Для оценки эффективности программы «ЛингвоКоуч» был проведен педагогический эксперимент с участием двух групп студентов 1-го курса ($n=110$) Шендунского университета Авионики (2026 г., SDUA, г. Бинчжоу, Китай), изучающих учебный курс “College Physics”. Обе группы в течение 12 занятий изучали 60 профессиональных терминов (по 5 терминов за одно занятие) в условиях одинаковой учебной нагрузки. Экспериментальная группа (ЭГ, $n=55$) использовала программу «ЛингвоКоуч» для отработки терминов на занятии и в качестве домашнего задания. Контрольная группа (КГ, $n=55$) изучала тот же материал традиционными методами: списки терминов, повторение за преподавателем, заучивание слов в качестве домашнего задания. Оценка эффективности проводилась с помощью тестирования до начала эксперимента — входной контроль и после выделенного периода для изучения терминов (12 занятий) — выходной контроль.

В качестве критериев оценки были выбраны:

— узнавание термина — рецептивный навык (термин написан или произносится на английском — студент называет термин на китайском);

— воспроизведение термина — продуктивный лексический навык (термин написан или произносится на китайском — студент называет термин на английском);

— корректность произношения — продуктивный фонетический навык (студент произносит английский термин, оценка производится на основе сравнения с эталоном).

Статистическая значимость различий оценивалась с помощью t-критерия Стьюдента.

Таким образом, результаты педагогического эксперимента подтвердили значимость и эффективность разработанной программы «ЛингвоКоуч» при освоении профессиональной терминологии в учебном процессе.

Выводы

1. Интеграция программы «ЛингвоКоуч» в учебный процесс достоверно повышает эффективность усвоения профессиональной терминологии студентами (при $p<0,05$).

2. Использование программы «ЛингвоКоуч» способствует повышению вовлеченности обучающихся в учебный процесс, снижает эмоциональные барьеры при общении на иностранном языке, тем самым стимулирует внутреннюю мотивацию к самообразованию, что обосновывает целесообразность интеграции подобных цифровых инструментов в учебные курсы технической направленности в китайских и российских вузах.

ЛингвоКоуч LingvoCoach 语言教练				
Start Recording Stop Recording				
Chinese		Russian	English	Practice
条款	Скачать 0:00 / Скорость воспроизвед...	Термины 0:01 / 0:01	Terms 0:00 / 0:01	0:00 / 0:03

Рис. 3. Пример интерфейса HTML-файла — регулировка скорости проигрывателя
(Fig. 3. Example of HTML file interface — player speed regulation)

Область применения и перспективы. Программа является перспективной для изучения морфологии, лексики и синтаксиса языка, а также для масштабирования и интеграции разработанного нами программного продукта «ЛингвоКоуч» в образовательные программы. В перспективе рассматриваем расширение функциональных возможностей программы «ЛингвоКоуч»: измерение индивидуальных

особенностей памяти обучающихся и расчет на этой основе оптимального времени для повторения изученного, автоматическое напоминание о времени повторения, автоматическая проверка произношения и др. Мы видим, что при целенаправленном использовании технологий ИИ в образовании открываются новые возможности для педагогических практик, которые ранее были недоступны в традиционном обучении.

Список источников / References

1. Афанасьева Ж. С. Формирование исследовательской компетентности обучающихся в образовательном процессе вуза в условиях цифровой среды : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Хабаровск, 2024. 24 с.
2. Айснер Л. Ю., Наумов О. Д. Соотношение мягких и жестких навыков в формировании компетенций будущего // Альманах лектория. Майские правовые чтения на Енисее : сб. науч. тр. Красноярск, 2022. С. 3–8.
3. Барахсанова Е. А., Никитина Е. В., Петрова Т. А. Использование цифровой среды в учебном процессе педагогических вузов // Образовательный вестник «Сознание». 2021. Т. 23, № 7. С. 4–10.
4. Верховод А. С. Роль искусственного интеллекта в современном образовании: улучшение процесса преподавания иностранного языка в вузе // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2024. № 3. С. 33–38.
5. Кондрахина Н. Г., Петрова О. Н. Использование возможностей искусственного интеллекта для преподавания иностранных языков: новая реальность // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1(104). С. 360–363.
6. Рольгайзер А. А. Перспективы использования искусственного интеллекта в практике преподавания иностранного языка // Актуальные вопросы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков : сб. науч. статей по мат-лам XXXII междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2022. С. 243–248.
7. Buch E., Claudino R. L., Quentin R., Bönstrup M., Cohen L. G. Consolidation of human skill linked to waking hippocampal-neocortical replay. *Cell Reports*. 2021. Vol. 35, iss. 10. Art. 109193. <https://doi.org/10.1016/j.celrep.2021.109193>.

Поступила 24.12.2025; одобрена после рецензирования 12.01.2026; принята к публикации 30.03.2026.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-теоретическая статья

УДК 378.141 © Матвеев Е. В., Шунякова О. В., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-212-220

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Особенности социокультурной адаптации иностранных студентов в российском образовательном пространстве: правовые и педагогические аспекты

Евгений Викторович Матвеев, кандидат экономических наук, доцент кафедры административного права¹; доцент кафедры клинической психологии и педагогики института клинической психологии²;
e.v.matveev@usla.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8930-1747>

Ольга Владимировна Шунякова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков³;
olga.sharkunova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8237-3721>

¹ Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, 620066, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, Россия

² Уральский государственный медицинский университет, 620028, Екатеринбург, ул. Репина, 3, Россия

³ Уральский юридический институт МВД России, 620057, Екатеринбург, ул. Корепина, 66, Россия

Реферат. Введение. Формирование полноценной, эффективной и стабильной системы социокультурной адаптации иностранных студентов в современную образовательную среду Российской Федерации является одной из ключевых задач образовательной деятельности государства. **Материалы, результаты и обсуждение.** На основе нормативных правовых актов, статистических данных, мнений ведущих ученых в сфере педагогики поднимается вопрос о необходимости формирования полноценной, стабильной системы социокультурной адаптации иностранных студентов к современной образовательной среде Российской Федерации. Именно комфортная, современная и высокотехнологичная среда обучения является важнейшим конкурентным преимуществом нашего государства в указанной сфере перед ведущими образовательными организациями мирового уровня. **Выводы.** Разработана теоретическая модель поэтапной реализации адаптационных процессов для включения иностранных обучающихся в российское научное общество в рамках получения высшего профессионального образования.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, иностранные обучающиеся, теоретическая модель, поэтапная реализация, адаптационные процессы, иностранные обучающиеся

Для цитирования: Матвеев Е. В., Шунякова О. В. Особенности социокультурной адаптации иностранных студентов в российском образовательном пространстве: правовые и педагогические аспекты // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 2(105). С. 212–220. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-212-220>

Scientific and Theoretical Article

UDC 378.141 © Matveev E. V., Shunyakova O. V., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-212-220

5.8.2. Theory and Methods of Teaching and Upbringing (by areas and levels of education)

Features of Socio-Cultural Adaptation of Foreign Students in the Russian Education Space: Legal and Pedagogical Aspects

Evgeny V. Matveev, Candidate of Science (in Economics), Associate-Professor at the chair of Administrative Law¹; Associate-Professor at the chair of Clinical Psychology and Pedagogy, Institute of Clinical Psychology²;
e.v.matveev@usla.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8930-1747>

Olga V. Shunyakova, Candidate of Science (in Philology), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Foreign Languages³;
olga.sharkunova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8237-3721>

¹ Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, 21, Komsomolskaya st., Yekaterinburg, 620066, Russia

² Ural State Medical University, 3, Repin st., Yekaterinburg, 620028, Russia

³ Ural Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, 66, Korepin st., Yekaterinburg, 620057, Russia

Abstract. Introduction. The formation of a comprehensive, effective and stable system of socio-cultural adaptation of foreign students to the modern educational environment of the Russian Federation is one of the key tasks of the state's educational activities. **Materials, Results and Discussion.** On the basis of regulatory legal acts, statistical data, opinions of leading scientists in the field of pedagogy, the question is raised about the need to form a full-fledged, stable system of socio-cultural adaptation of foreign students to the modern educational environment of the Russian Federation, since it is the comfortable, modern and high-tech learning environment that is the most important competitive advantage of our state in this area over leading world-class educational organizations. **Conclusions.** The authors developed a theoretical model of stage-to-stage implementation of adaptation processes for including foreign students in the Russian scientific society while acquiring higher professional education.

Keywords: socio-cultural adaptation, foreign students, theoretical model, stage-to-stage implementation, adaptation processes, foreign students

Citation: Matveev E. V., Shunyakova O. V. Features of Socio-Cultural Adaptation of Foreign Students in the Russian Education Space: Legal and Pedagogical Aspects. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 2(105). Pp. 212–220 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-212-220>

Основные положения

1. Формирование системного, комплексного подхода по организации различных специальных программ и мероприятий, внедрению дополнительных механизмов правового и педагогического характера создает платформу и условия для общения и социальной интеграции иностранных студентов.

2. Обеспечение неукоснительного соблюдения российского законодательства в контексте оказания системной правовой помощи иностранным студентам, прибывающим в нашу страну для обучения, крайне важно, так как самостоятельное для них решение правовых вопросов приводит к затруднениям и служит фактором, препятствующим их правовой адаптации. В целях повышения эффективности правовой адаптации иностранных студентов необходимо введение в образовательных организациях дополнительных штатных единиц в сфере юриспруденции, наделенных полномочиями по оказанию правовой помощи данным лицам.

3. Адаптация иностранных студентов к современной образовательной среде Российской Федерации связана с языковыми и культурными факторами, должна идти в рамках комплексного подхода и включать организацию специальных программ и мероприятий, внедрение дополнительных правовых и педагогических механизмов (языковые, правовые, исторические и культурные программы, специальные программы обучения, научные мероприятия). Процесс социальной адаптации иностранного студента происходит на трех уровнях: 1) общество (макросреда), 2) социальная группа (микросреда), 3) внутриличностная адаптация.

4. Социокультурная адаптация понимается как процесс приобретения иностранными обучающимися способности встраиваться и активно включаться в установленные государственными образовательными стандартами и определенные национально-культурными рамками общественные условия функционирования как субъект образовательной среды, получающий знания, и одновременно объект обучения, интегрирующийся в общество и принимающий социум, культуру и язык выбранной страны как основу высшего образования.

5. Теоретической моделью поэтапной реализации адаптационных процессов для иностранных обучающихся считаем оптимальный способ поэтапной реализации социокультурных, юридических, экономических процессов, связанных с получением высшего образования иностранными обучающимися российских вузов, которая позволяет осуществить их поэтапное приспособление к российской образовательной и научной среде. Она состоит из подготовительного, эstimативно-аналитического, актуализационного этапов.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Вопрос совершенствования системы социо-

культурной адаптации иностранных обучающихся к современной образовательной среде системы высшего образования Российской Федерации, а также их дальнейшего интегрирования в образовательную среду обсуждается достаточно давно на всех уровнях государственной власти, длительное время является предметом многочисленных исследований и дискуссий.

Вместе с тем в последние несколько лет проблематика повышения качества, а также необходимость повышения эффективности данной системы, в особенности принятия действенных мер правового, языкового, культурного и этического характера для интеграции иностранных студентов в современную образовательную среду, приобрела новые границы актуальности в рамках учебы по обмену, ранжирующей от образовательных курсов, дополняющих имеющиеся знания молодого специалиста, до получения полноценного высшего образования в стране изучаемого языка. Этому способствуют многочисленные предпосылки к трансформации устоявшихся за последние десятилетия в Российской Федерации тенденций, приведшие к крайне возросшему уровню динамизма органов управления образовательных организаций, не всегда обеспеченных передовыми IT-технологиями, и своевременности в принятии решений по возникшим у данной категории обучающихся вопросам.

Следует отметить, что проблема адаптации иностранных студентов к образовательной среде Российской Федерации связана, прежде всего, с языковыми и культурными факторами. Для их успешной адаптации назрела необходимость применения комплексного подхода по организации специальных программ и мероприятий всестороннего характера, внедрению дополнительных механизмов правовой и педагогической направленности, включающих языковые, правовые, исторические и культурные программы, разработку специальных программ обучения, организацию и проведение научных мероприятий, создающих платформу и условия для общения и социальной интеграции иностранных студентов.

Фундаментальность и высокое качество российского образования является, несомненно, исторически особым преимуществом среди ведущих образовательных организаций мира, в связи с чем традиционно в отечественные вузы приезжают для поступления студенты из разных стран. Мировая конкуренция в образовательном процессе достаточно устойчивая и требует от государства принятия дополнительных мер. С учетом этого становятся актуальными вопросы, связанные с изучением проблем адаптации иностранных студентов в российских учебных заведениях.

По данным Минобрнауки России, ежегодно в России учатся 355 тыс. иностранных студентов, что составляет примерно 7,6 % от общего числа всех студентов наших

вузов¹. При этом интерес среди данной категории студентов к российскому образованию и русскому языку растет из года в год. Квота на обучение в вузах для иностранцев увеличивается. Университеты предлагают иностранным студентам дополнительные образовательные программы на разных языках, открывают дистанционные курсы обучения русскому языку и проводят олимпиады. По статистике Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, в 2023 г. в отечественные высшие учебные заведения поступили из стран Центральной и Юго-Восточной Азии 1727 человек; из стран СНГ и Балтии — 1253 человека; из Африки (кроме Северной) — 852; из стран Ближнего Востока и Северной Африки — 628; из Америки — 232; из Европы — 145 человек².

Иностранные обучающиеся, получающие высшее образование в системе образовательных организаций высшего профессионального образования Российской Федерации, сталкиваются с рядом *сложностей*, в том числе связанных с *социокультурной сферой*, в контексте *разницы менталитетов* (разные картины мира изучаемого и родного языков, особенности мышления, концептологические, страноведческие и собственно-языковые основы восприятия действительности), *собственно-социальных* (некоторые ключевые отличия в организации общественной жизни, системы образования, системы юридической поддержки обучающихся, правовой системы) и *культурных особенностей* (образ жизни, детерминированный национальной картиной мира, обычаи и традиции и пр.); с *лингвокоммуникативной сферой*, к которой можно отнести *языковое взаимодействие* (у многих могут быть сложности с общением на изучаемом языке, с его освоением, здесь следует отметить такие факторы, как языковой барьер, связь мышления и речи, характерная для определенного языка, страноведческих и собственно-языковых основ), а также *коммуникативный контекст* в общефилософском его понимании (отличия в невербальном общении (разные жесты для обозначения одной и той же эмоции либо одинаковые/похожие жесты, обозначающие кардинально противоположные вещи), структурные и культурологические особенности, традиции коммуникации). Следует упомянуть и сложности, сопряженные с *психолого-педагогической сферой*. Сюда относим *особенности преподавания* (дидактическая система, научная школа и спектр исследуемых в рамках нее научных проблем, философско-научная система ценностей, формируемая у обучающихся с опорой на национальную картину мира, менталитет в контексте его актуализации в построении образовательного процесса, уровень знания языка, на котором ведется преподавание специальных и общеобразовательных дисциплин),

восприятия информации иностранным обучающимся (уровень знания языка, способность к адаптации и полному интегрированию в образовательную систему, способность к осмыслению научного знания в контексте иноязычной картины мира и возможность ее реадaptации в собственную систему научного знания и общество, выходцем из которого является иностранный студент). Эти и многие другие факторы влияют на уровень адаптации иностранного обучающегося к образовательному процессу.

Итак, социокультурная адаптация иностранных студентов в России становится все более актуальной темой в контексте глобализации мировых образовательных процессов. Эффективная адаптация этих студентов к новому культурному образовательному окружению имеет важное значение как для самих иностранных студентов, так и для образовательных учреждений. В настоящей статье рассматриваются правовые, социокультурные и педагогические особенности данного процесса, а также их роль в обеспечении успешного освоения иностранными студентами образовательных программ. Авторами предлагается теоретическая модель поэтапной реализации адаптационных процессов, сопряженных с интегрированием иностранных обучающихся в российское научное общество в рамках получения высшего профессионального образования. Прежде чем перейти к ее описанию, остановимся на нормативно-правовой базе и теоретических предпосылках ее развития.

Рассмотрим особенности *правовой регламентации адаптационных процессов в образовании*. Правовое регулирование получения образования иностранными студентами в России включает значительный объем нормативных правовых актов федерального, регионального и ведомственного уровней.

Так, Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»³ устанавливает права и обязанности иностранных студентов в образовательных учреждениях. Закон закрепляет право иностранных граждан на получение образования наравне с российскими гражданами как на платной, так и на бесплатной основе в определенных законодательством случаях.

Согласно требованиям Федерального закона от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» иностранные студенты обязаны проходить миграционный учет по месту учебы. Они также наделены правом на получение образования в соответствии с условиями, установленными в учебном заведении, правом на свободное развитие своей культуры, языка

¹ URL: <https://rg.ru/2024/03/12/obuchenie-v-rossii-dlia-inostrancev-vse-chto-nuzhno-znat.html?ysclid=m2aiqci3ax721604806> (дата обращения: 15.10.2024).

² URL: <https://rg.ru/2024/03/12/obuchenie-v-rossii-dlia-inostrancev-vse-chto-nuzhno-znat.html?ysclid=m2aiqci3ax721604806#1> (дата обращения: 15.10.2024).

³ Здесь и далее, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

и традиций. Важно отметить, что иностранные граждане обязаны соблюдать законы РФ, правила миграционного учета, а также нормативные требования образовательных организаций в период обучения в них.

В соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» образовательная либо научная организация, где обучаются иностранные студенты, обязана:

1) гарантировать иностранному гражданину возможность получения образования; продлевать срок временного пребывания иностранного гражданина на территории государства на период обучения в ней; обеспечивать выезд иностранного гражданина после окончания обучения (либо в случае досрочного прекращения обучения);

2) направлять в течение трех рабочих дней со дня прибытия иностранного гражданина в образовательную (научную) организацию соответствующую информацию в государственные органы в сфере управления образованием;

3) направлять в течение трех рабочих дней со дня самовольного убытия иностранного гражданина из образовательной (научной) организации соответствующую информацию в государственные органы в сфере управления образованием, а также в органы внутренних дел Российской Федерации и иные правоохранительные органы;

4) иные полномочия, предусмотренные данным Федеральным законом.

Кроме того, имеются также «Методические рекомендации по постановке иностранных граждан и лиц без гражданства на учет по месту пребывания, в том числе обучающихся в образовательных организациях», утвержденных МВД России.

Так, в соответствии с Административным регламентом МВД России по предоставлению иностранным гражданам услуг по оформлению виз, утвержденным приказом МВД России от 4 декабря 2019 г. № 907, иностранным гражданам подразделениями МВД России устанавливается визовый порядок на период обучения в образовательных организациях. Обязанность по продлению срока временного пребывания иностранного гражданина закрепляется за образовательной организацией.

Из изложенного следует, что для принимающей на обучение иностранного студента образовательной (научной) организации возникает ряд обязанностей и требований по узакониванию пребывания данного иностранного гражданина в нашей стране, соблюдению им правил миграционного учета и визового режима.

Поэтому, полагаем, в современных условиях представляется особенно важным в данных организациях обеспечить четкое и неукоснительное соблюдение законодательства и оказание правовой помощи студентам,

пребывающим в нашу страну, так как самостоятельное для них решение правовых вопросов будет неуклонно приводить к затруднениям и служить фактором, препятствующим их правовой адаптации. Кроме того, в целях повышения эффективности правовой адаптации иностранных студентов в нашей стране необходимо ввести в образовательных организациях дополнительные штатные единицы в сфере юриспруденции, наделенные полномочиями по правовой помощи данным лицам в сфере миграционного законодательства.

Процесс социальной адаптации иностранного студента происходит на трех уровнях:

1) общества (макросреда). Студент сталкивается с новой этнокультурой, обычаями, культурой, системой ценностей которой могут быть диаметрально противоположными их родной;

2) социальной группы (микросреда). Прибыв в Россию для получения высшего образования, иностранный обучающийся должен приспособиться сразу к двум новым социальным группам: перестроиться на русскую систему образования, привыкнуть к новому профессорско-преподавательскому и управленческому составу. В новой учебной группе он вынужден взаимодействовать с несколькими культурами, помимо русской;

3) внутриличностная адаптация — достижение обучающимся сбалансированности внутренней позиции и ее самооценки с позиции других индивидуумов.

Развитие адаптационных механизмов в российском образовании. Анализ правовых документов показывает, что механизмы адаптации более всего закреплены именно на федеральном уровне и являются малочастотными на местном уровне, что свидетельствует, с одной стороны, о детальной разработке законов федерального уровня, а с другой — о недостаточной конкретизации локальных документов для закрепления и уточнения адаптационных образовательных инструментов на местном уровне, поскольку в каждом вузе может быть разная специфика. К числу федеральных нормативных правовых актов отнесем Конституцию Российской Федерации, постановление Правительства Российской Федерации от 15 января 2007 г. № 9 «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», федеральные законы от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

Данные документы предусматривают социально-правовую сторону, но не отражают конкретных видов адаптивной деятельности, не специфицируют уровни адаптации и виды помощи, называют весь спектр возможностей безотносительно к конкретному контексту обучения, не учитывают национальных особенностей

иностранных обучающихся и не персонифицируют способы построения с ними «диалога культур» в рамках образования. Следовательно, на локальном уровне на них необходимо опираться в сочетании с образовательными стандартами и регулятивами.

Педагогические особенности работы с иностранными обучающимися в языковом аспекте исследовали М. В. Абрамова [1], Н. И. Алмазов [2]. Подходы, принципы и технологии иноязычного образования в неязыковых вузах были представлены в работах Г. П. Ивановой, Н. Н. Ширковой [3]. Проблемами педагогического сопровождения занимался Е. Н. Резников [4, с. 6–13].

Русский язык как иностранный и особенности культуры речевого общения рассматривались Н. В. Сомовой [5]. Модели обучения академическому письму были предложены И. Б. Короткиной [6].

Социокультурной адаптации и сопряженным с ней вопросам интеграции иностранных студентов к условиям обучения в российских вузах посвящены работы М. Ю. Айбазовой [7], О. А. Береговой, С. С. Лопатиной, Н. В. Отургашевой [8], Г. П. Ивановой, Н. Н. Ширковой, О. К. Логвиновой [9, с. 147–151]. Общеорганизационные вопросы адаптации в педагогическом смысле изучались Т. А. Ваулиной, К. Н. Сахаровой [10]. Способы преодоления социокультурных сложностей, возникающих у иностранных обучающихся, описали Е. В. Воеводина, А. Г. Тюриков [11, с. 134–146]. Вопросы педагогического сопровождения в их комплексной природе и связи с психологией разрабатывали Е. Ю. Кошелева [12], М. А. Алхалди Ахмед [13], Ю. В. Морозова [14], И. А. Поздняков [15], с социологией и методикой их преподавания — Е. А. Гингель [16], этнокультурными ценностями — Г. П. Иванова, Н. Н. Ширкова [3], Л. П. Карпушина, Р. Г. Костина [17].

В зарубежной педагогике и социологии недостаточно глубоко исследуется данный вопрос. Е. С. Бич [18], как бы игнорируя некоторые важные образовательные моменты, детально представляет его с позиции диалога культур, что, возможно, детерминировано особенностями некоторой утраты национальной самоидентичности и мультикультурностью зарубежного общества. Выделим некоторые направления исследования. В социально-культурологическом аспекте данным вопросом занимались зарубежные исследователи. Например, С. Уорд, А. Кеннеди изучали статистический аспект [19] и механизмы психологической адаптации [20]; А. Молински — психологические особенности кросс-культурного взаимодействия с иностранными обучающимися с позиции семантики культурных кодов и возможности переключения между ними [21].

Опишем теоретический базис исследования, важный для составления модели поэтапной реализации адаптационных процессов для включения иностранных обучающихся в российское научное общество.

Под термином «российское образовательное пространство» вслед за мнением М. Ю. Айбазовой [7], Е. А. Гингель [15] понимаем одновременно локационно-информационную модель профессионального предоставления знаний по специальности, систему отношений в рамках процесса обучения, систему национальных, научных и культурологических особенностей и совокупность педагогических и научных инструментов и подходов, используемых в рамках получения высшего образования обучающимся, совокупность опыта, собранного в форме эмпирии в базовые научные школы и концепции, а также направления исследования в разных областях человеческого знания в целях его теоретического закрепления и практического применения, позволяющего на выходе получить специалиста в определенной области знания (или иного формата образованного обучающегося — магистр, бакалавр, адъюнкт, аспирант или докторант, соискатель или кандидат, доктор наук), умеющего адекватно выполнять поставленные профессиональные задачи, вести научный поиск и пр.

Иностранцами обучающимися будем считать обучающихся, прибывших для получения высшего профессионального образования в Российской Федерации из других стран, которые могут владеть нашим национальным языком, а могут изучать его в процессе получения высшего образования, знать или только начинать знакомиться с нашими социальными и культурно-историческими особенностями⁴.

Адаптацией студентов-иностранцев, по А. И. Косталес-Завгородней, можем считать многофакторный и многоступенчатый процесс вхождения в российскую образовательную культуру и систему научных знаний, позволяющую иностранному обучающемуся дальше всесторонне развиваться как личность в образовательном пространстве вуза в рамках кросс-культурного информационного, правового, экономического и социокультурного полей [22]. Не существует легких адаптаций. Неудобства сопряжены с уровнем мобильности обучающихся в рамках процесса глобализации в образовании. В связи с этим необходимо уделять внимание и вопросам защиты прав иностранных обучающихся в новой среде. В общесоциальном понимании адаптация к образовательной среде вуза — это одна из форм приспособительного поведения человека, имеющая те же компоненты, что и любой другой интегративно-приспособительный процесс.

Термин «социокультурная адаптация» понимаем как процесс приобретения иностранными обучающимися способности встраиваться и активно включаться в установленные государственными образовательными стандартами и обусловленные национально-культурными рамками общественные условия функционирования как самостоятельная образовательная единица — субъект образовательной среды, получающий знания, и одновременно объект обучения, интегриру-

⁴ Философский энциклопедический словарь / редкол.: Аверинцев С. С., Араб-Оглы Э. А., Ильичев Л. Ф. и др. М., 1989. 815 с.

щийся в общество и принимающий социум, культуру и язык выбранной страны как основу для получения высшего образования⁵.

Разработанной нами *теоретической моделью поэтапной реализации адаптационных процессов для иностранных обучающихся* будем считать оптимальный теоретически описанный способ поэтапной реализации социокультурных, юридических и экономических процессов, сопряженных с получением высшего образования для обучающихся российских вузов из других стран, которая позволяет осуществить поэтапное приспособление иностранных обучающихся к российской образовательной среде, способствует их интеграции в российское научное общество. Предлагаемая модель состоит из нескольких этапов: *подготовительного* (уровни — подготовительно-теоретический, подготовительно-аналитический), *эстимативно-аналитического* (подразумевающего оценочный, соотносительно-аналитический уровни), *актуализационного* (адаптация в социально-культурную, лингвокоммуникативную, психолого-педагогическую и научную среду).

Не менее актуальным, по мнению авторов, представляется рассмотрение аспектов особенностей социокультурной адаптации иностранных студентов к современной образовательной среде Российской Федерации с различных точек зрения. Начнем с педагогической. Предлагаем проанализировать уровни социокультурной адаптации, которые проходит иностранный студент при поступлении в отечественное высшее учебное заведение и в период обучения в нем.

В настоящее время вопрос, касающийся миграции, находится в фокусе интереса для многих (С. Уорд, А. Кеннеди [19], Т. А. Ваулина, К. Н. Сахарова [10], Е. С. Бич [18]). Следует учитывать, что глобализация занимает в современных условиях очень важное место. Из года в год многие люди, надеясь продолжить учебу за границей или руководствуясь мечтой о лучшей жизни, покидают свою страну. Таким образом, благодаря своей богатой истории и культуре Россия оказывается среди привлекательных для иностранных обучающихся стран. Для многих иностранных студентов, возвращающихся на свою родину, знание русского языка является престижным. Социокультурная адаптация иностранных студентов к российской студенческой среде представляется одной из ключевых проблем, которая влияет на качество образования и межкультурное взаимодействие.

Эта проблема связана с различными культурными, языковыми и социальными факторами, которые могут оказывать негативное влияние на процесс обучения и адаптации иностранных студентов. Социокультурная адаптация — сложный многоплановый процесс взаимодействия личности и новой социокультурной среды, в ходе которого иностранные студенты, имея этнические и психологические особенности, вынуждены

преодолевать разного рода психологические, социальные, нравственные, религиозные барьеры, осваивать новые виды деятельности и формы поведения.

Материалы, результаты и обсуждение

Педагогические аспекты адаптации иностранных студентов. К педагогическим аспектам адаптации иностранных студентов относим следующие.

1. Подготовка преподавателей образовательных организаций, обучающихся иностранных студентов по современным образовательным программам повышения квалификации в указанной сфере, проведение учебно-методических конференций как международного, все-российского, так и регионального уровней. Успешность социокультурной адаптации иностранных студентов во многом зависит от качества преподавания и педагогического подхода. Курсы повышения квалификации для преподавателей должны быть ориентированы на знание культурных различий и традиций разных народов, включать религиоведение и правовое обучение, здесь важной особенностью является то, чтобы преподаватели были готовы работать с многонациональными группами.

2. Использование в преподавательской деятельности новейших педагогических методов и методических подходов, способствующих эффективной интеграции иностранных студентов в образовательное пространство, таких как проектное обучение и многонациональные группы по обмену опытом.

3. Инклюзивное обучение. Авторы полагают, что создание профильной инклюзивной образовательной среды будет способствовать уважению и учету культурных традиций студентами разных национальностей и народностей, а также повышению их вовлеченности в образовательный процесс. Включение культурных компонентов поможет адаптации иностранных студентов и созданию более комфортной среды их обучения и пребывания в образовательной организации.

4. Внедрение специальных программ поддержки иностранных студентов. Предполагается, что они могут включать курсы русского языка и культуры, которые помогают иностранным студентам успешнее и быстрее овладеть языком страны и понять ее культурные особенности. Менторские программы, в рамках которых студенты старших курсов помогают вновь поступившим адаптироваться к учебной среде и жизни в России.

Социокультурная адаптация положительно сказывается на учебном процессе. Исследования, проводимые научными организациями, показывают, что иностранные студенты, которые успешно адаптированы к образовательной среде, демонстрируют высокие результаты успеваемости и уровня удовлетворенности учебной.

Модель поэтапной реализации адаптационных процессов иностранных обучающихся в российское научное общество. Опишем теоретическую модель поэтапной реализации адаптационных процессов для

⁵ Там же.

включения иностранных обучающихся в российское научное общество в рамках получения высшего профессионального образования.

Этапами реализации данной модели считаем *подготовительный* (включающий такие уровни, как подготовительно-теоретический и подготовительно-аналитический), *эстимативно-аналитический* (подразумевающий оценочный и соотносительно-аналитический уровни), *актуализационный* (адаптация в социально-культурную, лингвокоммуникативную, психолого-педагогическую и научную среду).

Этап 1. Подготовительный. Цель: исследовать имеющийся арсенал теоретических, программно-дидактических и правовых средств в целях выбора спектра информативно-профессиональной и регулятивной базы для организации адаптационных процессов в обучении в конкретном российском вузе. *Общие методы исследования:* изучение законодательного и дидактического базиса, анализ, синтез. *Средства:* специальная литература. *Уровни:* *подготовительно-теоретический* — изучение полного спектра законодательных и дидактических средств на общероссийской и локальной основе для обеспечения соблюдения всех предписанных образовательных требований по работе с иностранными обучающимися; *подготовительно-аналитический* — отбор данных средств в соответствии со спецификой конкретного вуза, специализацией и направленностью образовательной программы и социально-культурологическими, национальными особенностями иностранных обучающихся (речь может идти как о вариативности образовательных компонентов, где допускаются, например, модульное обучение или предметы по выбору, либо о вариативности образовательного содержания, либо способа подачи материала с учетом особенностей менталитета, восприятия иностранных обучающихся и их уровня владения изучаемым языком). *Прогнозируемый результат:* индивидуально регулируемый отбор нормативного и дидактического материала либо методов его подачи педагогом в рамках изучаемого предмета и научной концепции с поправкой на национальные особенности восприятия иностранных обучающихся и их уровень знания языка с возможностью максимально облегчить им на уровне кураторов и наставников бытовые сложности, чтобы позволить сконцентрироваться на учебе.

Этап 2. Эстимативно-аналитический. Цель: оценить полезность и достаточность арсенала теоретических, программно-дидактических и правовых средств, осуществить отбор информативно-профессиональной и регулятивной базы для организации адаптационных процессов в обучении для конкретного вуза. *Общие методы исследования:* эмпирический, анализ, синтез, генерализация. *Средства:* специальная литература, ФГОСы, ФОСы, нормативная база, необходимая для осуществления обучения в вузе иностранных обучающихся, а также нормативные правовые акты для учебного процесса в целом.

Уровни: оценочный — оценка полезности и эффективности в работе законодательных и дидактических средств на общероссийской и локальной основе для предоставления образовательных услуг иностранным обучающимся, выявление недостающих средств и возможность их восполнить; *соотносительно-аналитический* — соотнесение образовательно-дидактических и нормативных средств согласно специфике конкретного вуза, специализации и направленности образовательных программ с возможностями интеграции иностранных обучающихся в социально-культурологические, национальные условия с учетом их индивидуальных, национальных и культурных особенностей (здесь отметим сравнительно-аналитическую деятельность, направленную на решение задач по интеграции на конкретном локально-вузовском уровне, дополнение нормативных правовых актов, создание условий и подотчетных организаций в рамках вуза; продуктивное сотрудничество с иными соответствующими организациями (создание программ ДОВУЗ для изучения русского языка, научных сообществ среди обучающихся или кружков / групп по изучению языка и культуры, кратких курсов, отражающих усвоение основных реалий страны, где находятся иностранные обучающиеся, и т. д.)); выявление недостатков в специфике преподавания иностранцам, нахождение оптимальной возможности внесения поправок в образовательный процесс (симплификация подачи учебного материала на начальных этапах, смена способа подачи материала в зависимости от уровня владения русским языком). *Прогнозируемый результат:* оценка и осуществление индивидуально регулируемого отбора нормативного и дидактического материала, корректировка локальных образовательных нормативных правовых актов, а также методов подачи материала педагогом, выбор плотности и графика взаимодействия кураторов и наставников, помогающих провести бытовую, культурную и учебно-научную интеграцию.

Этап 3. Адаптация в социально-культурную, лингвокоммуникативную, психолого-педагогическую и научную среду. Цель: при уже сформированных нормативно-дидактических условиях осуществить помощь в адаптации в социально-культурную, лингвокоммуникативную, психолого-педагогическую и научную среду в обучении для иностранных обучающихся определенного вуза. *Общие методы исследования:* системный подход, интегративный метод. *Средства:* скорректированные локальные нормативные правовые акты, дидактические материалы, скорректированные программы курса, разработанные программы внеучебной адаптационной и учебно-научной адаптивной деятельности, кросс-культурного развития. *Уровни: адаптация в социально-культурную среду* — возможность обучающихся за счет ведения учебной, научной деятельности, а также участия в культурных мероприятиях социального и национального характера в рамках обмена

кросс-культурными знаниями не только узнать много нового о стране, где они получают высшее образование, но и поделиться своими интересными традициями, познакомить с ними других обучающихся; *адаптация в лингвокоммуникативную, психолого-педагогическую и научную среду* — повышение уровня знаний изучаемого языка к контексте «язык—культура—наука» и участие в разного рода психолого-педагогических, экономических и правовых адаптивных программах как в составе группы, так и индивидуально (анонимно), возможность правового и культурного консультирования, психологической разгрузки; *адаптация в научную среду* — продуктивное решение вопросов ведения научной деятельности посредством усвоения ее особенностей (научные кружки, научные сообщества по интересам в рамках изучаемых дисциплин, участие в разработке некоторых вопросов научной школы под руководством профессорско-преподавательского состава, научное руководство и пр.). *Прогнозируемый результат*: полная поэтапная интеграция (этапы: начальный, средний, наивысший) мультикультурной личности в научный социум при помощи спектра психолого-педагогических, экономических и правовых средств. *Прогнозируемый результат может быть представлен и в компонентном составе*: компонент 1 — корректировка методической деятельности педагогов; компонент 2 — уточнение социокультурных основ воспитательной деятельности (работа с консультантами, кураторами, психологами, юристами, культурологами); компонент 3 — образовательная деятельность с опорой на национальные и лучшие мировые традиции с учетом особенностей восприятия интеркультурных выходцев из других стран, интегрирующихся в российское научное общество; компонент 4 — это развивающая кросс-культурная познавательная, научная и социальная деятельность.

Потенциал применения модели поэтапной реализации адаптационных процессов иностранных обучающихся в российское научное общество. Итак, в аспекте профессорско-преподавательского состава как активных субъектов образовательного процесса и сфер взаимодействия «педагог—обучающийся» на основе предлагаемой модели отметим, что адаптация иностранных обучающихся может принимать такие виды:

1) *социально-культурная адаптация* — квалифицированная юридическая помощь, социальная и культурная интеграция (страноведческий и сравнительный аспект посредством подключения профессорско-преподавательского состава и сторонних специалистов). *Общими методами* считаем правовое и страноведческое информирование, к средствам относим информирование, непосредственную коммуникацию, медиаресурсы, нормативные правовые акты, списки мероприятий вуза. Выделим *педагогические аспекты* социокультурной адаптации: воспитательную деятельность, интеркультурное взаимодействие как средство

воспитания всесторонне развитой личности в новом образовательном пространстве. *Уровни* могут быть обозначены как начальный, где необходимы любые виды помощи, и продолжающийся, где уже пройдена частичная интеграция. *Эффективный способ актуализации* на определенном уровне выбирается индивидуально в зависимости от уровня интеграции группы обучающихся и их менталитета;

2) *психолого-педагогическая адаптация* — квалифицированная помощь педагогов-кураторов и штатных или приглашенных психологов, умеющих работать с иностранными обучающимися. *Методы* могут включать беседы, тестирование, экскурсии, просмотры фильмов, спектаклей, концертов и представлений, конкурсы и пр. К *социальным аспектам обучения* относятся кросс-культурная коммуникация, обмен опытом, знаниями, интеграция личности обучающегося в научное студенческое общество вуза одновременно со снятием психолого-педагогических сложностей взаимодействия (что показывает взаимозависимость с педагогическими аспектами социокультурной адаптации). *Уровни психолого-педагогической адаптации*: педагогическая адаптация, имеющая общепедагогический и частно-педагогический уровень; психологическая адаптация, в состав которой входят *прикладной и практический уровни*.

Чтобы решить проблему адаптации иностранных студентов к российской студенческой среде, необходимо реализовать специальные программы и мероприятия, направленные на поддержку и помощь в адаптации, в том числе организовывать языковые курсы и культурные программы, которые помогут иностранным студентам улучшить свои знания русского языка и понимание российской культуры. Важно проводить работу по привлечению иностранных студентов к участию в академической и культурной жизни университета: организации научных конференций, культурных мероприятий и других форм активности, которые помогут иностранным обучающимся раскрыть свой потенциал и внести вклад в развитие университета. Следует уделить внимание вопросам правовой и социальной защиты иностранных студентов. Некоторые иностранные студенты могут столкнуться с проблемами в получении визы, оформлении документов и других административных процедурах. Поэтому необходимо предоставлять им информационную поддержку и помощь в решении этих вопросов.

Выводы

Социокультурная адаптация иностранных студентов в российской образовательной среде является многофакторным процессом, требующим внимания как к правовым, так и к педагогическим аспектам. Эффективная адаптация способствует личностному и академическому развитию иностранных студентов и обогащению их культурного уровня.

Учитывая значимость этого процесса, необходимо продолжать исследования и совершенствование существующих программ и подходов в сфере адаптации иностранных студентов. По мнению исследователей, предлагаемая теоретическая модель поэтапной реализации адаптационных процессов для включения иностранных обучающихся в российское научное общество в рамках получения высшего профессионального образования может быть достаточно эффективно апробирована в ходе актуализации работы с иностранными обучающимися образовательных организаций высшего образования, поскольку учитывает основные факторы, влияющие на эффективность их включения в российское образовательное пространство с наибольшим пониманием

культурных, социальных, педагогических и правовых различий приехавших иностранных граждан и установлением возможных соответствий с ними в стране изучаемого языка, что позволит снизить стрессовые факторы от смены обстановки и максимально настроить на восприятие учебного материала.

Область применения и перспективы. Практическая реализация разработанной модели может идти как в рамках программ кураторской деятельности, так и в рамках обучения общеобразовательным и специальным дисциплинам и включать такие компоненты, как языковая, методическая, воспитательная, образовательная, развивающая (социокультурная) и правовая деятельность.

Список источников / References

1. Абрамова М. В. Русский язык как иностранный. Педагогика. Практикум : учеб. пособие для вузов. М., 2024. 181 с.
2. Алмазов Н. И. Подходы, принципы и технологии иноязычного образования в неязыковых вузах на современном этапе // Вопросы методики преподавания в вузе : сб. ст. / под ред. М. А. Акоповой. СПб., 2006. Вып. 9. 323 с.
3. Иванова Г. П., Ширкова Н. Н. Формирование этнокультурных ценностей у иностранных студентов в контексте социокультурной адаптации // Акмеология. М., 2016. С. 147–151.
4. Резников Е. Н. Психологические особенности адаптации иностранных студентов в российских вузах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2010. № 1. С. 6–13.
5. Сомова Н. В. Формирование социально-адаптивной компетентности иностранных студентов на этапе предвузовской подготовки : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2015. 245 с.
6. Короткина И. Б. Модели обучения академическому письму : учеб. пособие для вузов. М., 2025. 219 с.
7. Айбазова М. Ю. Социокультурная адаптация иностранных студентов к условиям обучения в российских вузах // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 1(34). С. 117–121.
8. Береговая О. А., Лопатина С. С., Отургашиева Н. В. Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах // Перспективы науки и образования. 2019. № 2(38). С. 108–118.
9. Иванова Г. П., Ширкова Н. Н., Логвинова О. К. Иностранный студент в российском вузе : монография. М., 2022. 138 с.
10. Ваулина Т. А., Сахарова К. Н. Организационные аспекты адаптации иностранных студентов, обучающихся в российском вузе // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 267–272.
11. Воеводина Е. В., Тюриков А. Г. Социокультурные барьеры адаптации иностранных обучающихся в условиях российского высшего образования // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 4. С. 134–146.
12. Образовательная миграция. Школы, вузы, музеи России как агенты адаптации и интеграции : колл. монография / под ред. Е. Ю. Кошелевой. Томск, 2019. 248 с.
13. Кошелева Е. Ю., Алхалди Ахмед М. А. Иностранный студент и вуз: практики социокультурной адаптации // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2020. № 3. С. 133–143.
14. Морозова Ю. В. К вопросу об адаптации иностранных студентов в многонациональном вузе: региональные аспекты // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7, № 1(22). С. 129–132.
15. Поздняков И. А. Проблемы адаптации иностранных студентов в России в контексте педагогического сопровождения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 121. С. 34–42.
16. Гингель Е. А. К вопросу о необходимости педагогического сопровождения студентов-первокурсников вуза в период адаптации // Альманах современной науки и образования (Педагогика, психология, социология и методика их преподавания). 2007. № 5. С. 55–57.
17. Карпушина Л. П., Костина Р. Г. Этнокультурный подход к образованию и социализации студентов инновационного педвуза как фактор освоения социокультурных констант современного общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. М., 2013. С. 2–7.
18. Beech E. S. Adapting to change in the higher education system: international student mobility as a migration industry. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018. Vol. 44(4). Pp. 610–625.
19. Ward C. and Kennedy A. The measurement of sociocultural adaptation. *International Journal of Intercultural Relations*. 1999. No. 23. Pp. 659–677.
20. Ward C. & Kennedy A. Acculturation strategies, psychological adjustment and social competence during cross-cultural transitions. *International Journal of Intercultural Relations*. 1994. No. 18. Pp. 329–343.
21. Molinsky A. Cross-cultural code-switching: The psychological challenges of adapting behavior in foreign cultural interactions. *Academy of Management Review*. 2007. Vol. 33(2). Pp. 622–640.
22. Косталес-Завгородняя А. И. Эмоционально-личностные факторы адаптированности иностранных студентов : дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 200 с.

Поступила 27.08.2025; одобрена после рецензирования 11.10.2025; принята к публикации 30.03.2026.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 355.55 © Федулов Б. А., Заречнев Д. О., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-221-226

5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Формирование готовности сотрудников полиции к выбору эффективных управленческих решений в особых правовых условиях

Борис Александрович Федулов, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры тактико-специальной подготовки¹; fedulovb@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3069-9740>

Дмитрий Олегович Заречнев, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры тактико-специальной подготовки¹; zarechnev1964@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-4230-001X>

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, 656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49, Россия

Реферат. Введение. Раскрываются теоретические и методические основы, обеспечивающие повышение качества управления в системе правоохранительной деятельности. Определена актуальность разработки управленческих решений в условиях специальных правовых режимов. Цель — выявить особенности подготовки сотрудников полиции к выбору эффективных управленческих решений в особых правовых условиях. **Материалы, результаты и обсуждение.** Выявлены особенности выбора оптимальных управленческих решений в правоохранительной деятельности, которые характеризуется рядом черт и признаков, обусловленных ее спецификой. Обоснован комплекс факторов, определяющих профессиональную направленность при принятии решений сотрудниками полиции в условиях специальных правовых режимов. Выделены взаимосвязанные этапы в процессе принятия решений: диагностико-аналитический, проектировочный и имплементационный. Раскрыты последовательные стадии и содержание процесса принятия управленческих решений. **Выводы.** Обобщены научные методы нахождения путей решения проблем. Даны методические рекомендации по обучению методике принятия управленческих решений в правоохранительной деятельности. Предложены алгоритмические предписания по принятию и выполнению решений, а также структура практикума, который применим в отношении широкого круга задач в управленческой деятельности.

Ключевые слова: сотрудники полиции, управленческие решения, правоохранительная деятельность, методика принятия решений, пути решения проблем, алгоритмические предписания, структура практикума

Для цитирования: Федулов Б. А., Заречнев Д. О. Формирование готовности сотрудников полиции к выбору эффективных управленческих решений в особых правовых условиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 2(105). С. 221–226. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-221-226>

Scientific and Practical Article

UDC 355.55 © Fedulov B. A., Zarechnev D. O., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-221-226

5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education

Preparing Police Officers to Choose Effective Management Decisions in Special Law Conditions

Boris A. Fedulov, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor, Professor at the chair of Tactical Special Training¹; fedulovb@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3069-9740>

Dmitry O. Zarechnev, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Tactical Special Training¹; zarechnev1964@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-4230-001X>

¹ Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, 49, Chkalov st., Barnaul, 656038, Russia

Abstract. Introduction. The paper reveals theoretical and methodological foundations for improving the quality of management in the law enforcement system. The relevance of the development of management decisions under special legal regimes is determined. The goal is to identify the peculiarities of training police officers to choose effective management decisions in special law conditions. **Materials, Results and Discussion.** Features of choosing optimal management decisions in law enforcement activities are revealed, which are characterized by a number of features and characteristics determined by its specifics. A set of factors has been substantiated that determine the professional orientation when making decisions by police officers under special legal regimes. The authors specify some interrelated stages in the decision-making process: diagnostic-analytical, design and implementation stages. The successive stages and content of the management decision-making process are described. **Conclusions.** Scientific methods for finding solutions to problems are summarized. Methodological recommendations are given on training in the methods of making management decisions in law enforcement. Algorithmic instructions for making and implementing decisions are proposed, as well as the structure of the workshop, which is applicable to a wide range of tasks in management activities.

Keywords: police officers, management decisions, law enforcement activity, decision-making methodics, ways to solve problems, algorithmic instructions, the structure of the workshop

Citation: Fedulov B. A., Zarechnev D. O. Preparing Police Officers to Choose Effective Management Decisions in Special Law Conditions. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 2(105). Pp. 221–226 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-221-226>

Основные положения

1. В системе современного права существует категория «специальные правовые условия». Данная категория характеризует особый порядок и объем полномочий, вводимых для регулирования правоохранительной деятельности в обстоятельствах, при которых применение общеправового инструментария не позволяет в полной мере обеспечить защиту правопорядка и общественную безопасность.

2. Представлены ключевые компоненты рационалистической модели управления, адаптированные к особенностям правоохранительной сферы. Данные компоненты легли в основу методики, регламентирующей процесс выработки и принятия управленческих решений при функционировании органов правопорядка в рамках специальных правовых условий.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Современное общество характеризуется высокой степенью нестабильности, усложнением социальных процессов и ростом неопределенности. Эти тенденции объективно требуют пересмотра устоявшихся подходов к управлению, в том числе в системе подготовки кадров для органов внутренних дел. Ключевым фактором повышения результативности правоохранительной деятельности становится внедрение эффективных методик, позволяющих выбирать оптимальные варианты управленческих воздействий. В связи с трансформацией геополитической обстановки и появлением новых вызовов система профессиональной подготовки сотрудников полиции находится в стадии активного реформирования. Это, в свою очередь, повышает требования к качеству принимаемых решений, что и обуславливает актуальность данного исследования.

Проблема формирования готовности сотрудников полиции к выбору эффективных решений в рамках специальных правовых условий вызвана сложностью согласования правовых, оперативных и психологических требований, определяемых специальными режимами, и недостаточной адаптивностью существующих программ обучения по принятию оптимальных управленческих решений в данной области.

Значимость заключается в уточнении понимания процесса разработки управленческих решений в области правоохранительной деятельности.

Выделены этапы принятия решений, в том числе последовательность выбора и реализации их в особых правовых режимах. Уточнено содержание порядка разработки управленческих решений в системе правоохранительной деятельности, который предусматривает целеполагание, оценку и анализ профессиональных проблем, применение методов для выбора оптимальных управленческих решений. Предложены подходы к подготовке сотрудников полиции к деятельности в особых правовых режимах.

Научная новизна состоит в адаптации теоретических положений рационалистической модели управления к условиям правоохранительной деятельности. Выявлены и систематизированы ключевые элементы данной модели, на основе которых разработана методика принятия управленческих решений, ориентированная на выполнение служебных задач в рамках специальных правовых условий. Существенное значение имеют предлагаемые алгоритмические предписания разработки управленческих решений по оптимизации образовательного процесса.

Цель — выявить особенности подготовки сотрудников полиции к выбору эффективных решений в условиях специальных правовых условий.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Подготовка полицейских к работе в специальных правовых условиях базируется на междисциплинарном синтезе различных теорий. Российские исследования направлены на определение понятия и сущности особых правовых условий (Е. С. Папрыгин [1]); разработку технологии принятия и реализации управленческих решений (Н. А. Гудков, А. В. Трофимов [2]); описание общей теории разработки управленческих решений (Б. Г. Литвак [3]); выявление ключевых дефиниций подготовки к действиям в условиях чрезвычайных ситуаций (А. Ю. Иванов [4]); обоснование необходимости адаптировать правовые нормы к меняющейся оперативной обстановке (В. И. Кузнецов [5]). Специфика подготовки сотрудников органов внутренних дел к действиям в особых условиях исследуется В. А. Мельничуком [6]; психологические особенности принятия решений при выполнении профессиональных задач раскрываются Ю. Ю. Стрельниковой, Ю. М. Караяни, И. В. Гайдамашко [7]; принятие решения сотрудниками полиции в ситуациях неопределенности ориентиров поиска рассматривается Ю. В. Чумановым [8]. В зарубежных исследованиях, посвященных принятию решений, выявляются ограниченная рациональность в стрессовых условиях; риски когнитивных искажений; эффект группового мышления при принятии решений (М. Н. Dazerman, D. F. Moore [9]); анализируются варианты поведения в нестандартных условиях чрезвычайных ситуаций (J. S. Hammond, R. L. Keeney, H. Raiffa [10]) и др.).

Следует отметить, что на законодательном уровне определены сущность и содержание специальных правовых условий, а также классификация условий чрезвычайных ситуаций с привязкой к полномочиям полиции (федеральные законы от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»; от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»; от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»; приказ МВД России от 27 сентября 2024 г. № 575 «Об организации подготовки сотрудни-

ков органов внутренних дел Российской Федерации, привлекаемых к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях» и др.), однако особенности подготовки к деятельности сотрудников полиции в специальных правовых режимах требуют конкретизации. В то же время в деятельности сотрудников полиции ограниченно используется методика принятия управленческих решений и практически отсутствует обучение основам выбора эффективных решений в процессе профессиональной подготовки.

Материалы, результаты и обсуждение

Действия в специальных правовых условиях.

В работе за основу взято определение, в котором сущность специальных правовых условий заключается в адаптации нормативных актов и действий правоохранительных органов к конкретным условиям, возникающим при чрезвычайных обстоятельствах различного характера или военных конфликтах, что позволяет эффективно управлять ситуациями и защищать интересы государства, организаций и населения [1, с. 13]. Следовательно, действия в специальных правовых режимах представляют собой важный инструмент для оперативного реагирования на вызовы современности, позволяя учитывать особенности чрезвычайных обстоятельств и адаптировать правовое регулирование и деятельность по их устранению.

Особенности разработки управленческих решений в правоохранительной деятельности обусловлены спецификой их функционирования, при этом отличительными признаками выступают [2, с. 24]:

1. Административно-командный формат управления, при котором решения принимаются централизованно с четким соблюдением иерархии.
2. Авторитарный стиль руководства, предполагающий единоличное определение стратегии, не исключая коллегияльные методы на стадии обсуждения.
3. Организационная обособленность, связанная с подчинением структуры управления МВД России и необходимостью выполнения требований ведомственных нормативных актов.
4. Регламентированность процессов — обязательное соответствие приказам МВД России, уставным документам и этическим кодексам.
5. Двойственная структура управления, сочетающая элементы служебной дисциплины, следование уставам, присяге и профессиональной академической автономии.
6. Социально ответственный подход, требующий учета последствий принимаемых решений для сотрудников полиции, населения и общественной безопасности и правопорядка.
7. Замкнутый информационный контур управления — использование внутренних каналов коммуникации для принятия решений, постановки задач и контроля их исполнения.

8. Государственный заказ на подготовку кадров, определяющий содержание образовательных программ и критерии оценки результатов.

Принятие решений сотрудниками полиции в специальных правовых условиях характеризуется комплексом факторов, определяющих их профессиональную направленность [6, с. 104].

Внешние факторы: высокий уровень неопределенности — необходимость действовать в условиях дефицита времени и неполной информации; социальная ответственность — каждое решение влияет на общественную безопасность и правопорядок; нормативно-правовые ограничения — строгое соответствие требованиям законодательных актов в данной области деятельности.

Внутренние факторы: иерархическая подчиненность — согласование действий с вышестоящим руководством без нарушения субординации; ресурсная адаптивность — умение перераспределять силы и средства при изменении оперативной обстановки; ситуационная импровизация — сочетание стандартных алгоритмов с нешаблонными действиями для нейтрализации угроз.

Постфактумные факторы: документирование принятых управленческих решений для разбора на инструктивно-методических совещаниях; применение имитационного моделирования [5, с. 122] и специализированных тренажеров для прогнозирования аналогичных сценариев в целях повышения эффективности профессиональных действий.

Для решения служебных задач сотрудники полиции согласно функциональным обязанностям принимают конкретные управленческие решения, в связи с чем существует потребность в освоении и применении ими методики принятия управленческих решений.

При выборе оптимальных управленческих решений следует реализовывать ряд организационных положений, разработанных в системе правоохранительной деятельности: соблюдать имеющуюся иерархию в управлении органами внутренних дел; основывать целеполагание на принятых нормативных актах; осуществлять формализованные процедуры и правила профессиональной деятельности; учитывать вертикальные и горизонтальные связи при планировании решений служебно-оперативных задач.

Методика выбора оптимального варианта управленческого решения включает выделение проблемы, конкретизацию результата выполнения задачи в виде цели деятельности, оценку условий обстановки при ее выполнении, реализацию методов нахождения путей разрешения проблемы, выявление возможных вариантов решения и выбора оптимального [9, с. 83].

Анализ различных научных источников предлагает следующие методы нахождения путей разрешения проблем [10, с. 65]:

1. По аналогии — на основе опыта решения подобных проблем.

2. На основе индукции — общий вывод строится на основе частных выводов.

3. На основе дедукции — с опорой на знание общих процессов делаются заключения частного характера.

4. Путем разделения главной проблемы на более простые элементы.

5. Оценка противоположных точек зрения на решение проблемы.

6. Углубление в суть проблемы, рассмотрение ее специфики.

7. Выявление главного звена в решении проблемы.

8. Рассмотрение проблемы как элемента более сложной системы.

9. Определение последовательности решения проблемы.

10. Интуитивные подходы.

При нахождении методов реализации выявленных проблем выделяют ряд последовательных стадий [11, с. 104].

Первая — настройка (с самого начала выявляется проблема исходя из существующего противоречия в общественном процессе, при этом учитывается, что деятельность сотрудников правоохранительной сферы всегда коллективная, поэтому привлекаются все члены команды для организации совместной работы и распределения обязанностей по решению проблемы).

Вторая — целеполагание (формулируется цель деятельности в виде необходимого конечного результата, который должны уяснить все члены команды. Данная цель подразделяется на задачи, которые распределяются между сотрудниками).

Третья — критериальная (определяются все показатели успешности решения задачи, ее эффективность и безопасность, по каждому из них выделяются критерии успеха, а также выбирается способ объективной оценки эффективности действий).

Четвертая — оценочная (анализируются условия и обстановка, в которой будет решаться поставленная задача, при этом собирается, обобщается и анализируется вся информация об особенностях предстоящей деятельности. После сбора информации приступают к выявлению различных способов действий. Возможные альтернативы должны быть ясно определены для оценки их сильных и слабых сторон).

Пятая — решение (на основе оценки условий и обстановки выбирается оптимальный вариант решения задачи, включающий способы, приемы и методы деятельности).

Шестая — планирование (производится на основе принятого решения о том, кому, когда, где и каким способом действовать для достижения общей цели).

Процесс выработки и реализации управленческих решений традиционно рассматривается как последовательность трех ключевых стадий [12].

1. *Диагностико-аналитическая стадия.* Осуществляются первичный анализ обстановки, упорядочивание имеющейся информации, определяются основные противоречия и проблемные вопросы, требующие вмешательства руководителя. Завершается этап четкой формулировкой проблемной ситуации.

2. *Проектно-прогностическая стадия, или стадия разработки решения.* Ее содержанием является интеллектуальная проработка возможных путей решения, включающая выдвижение альтернатив, моделирование предполагаемых последствий их реализации, а также их сопоставительную оценку по ряду параметров (например, затраты ресурсов, степень риска, скорость достижения цели).

3. *Организационно-исполнительская стадия.* После выбора окончательного варианта решения начинается его практическая реализация. Данный этап предполагает составление плана действий, доведение задач до конкретных исполнителей и последующий контроль за ходом выполнения с возможностью внесения корректив и оказания помощи подчиненным.

Представленная модель является универсальной схемой, описывающей общую логику управленческой деятельности. Однако при решении конкретных практических задач данная алгоритмическая последовательность наполняется специфическим содержанием, определяемым особенностями ситуации. Тем не менее знание базового алгоритма служит методологической основой, применимой для структурирования работы в любой управленческой сфере.

Выбор и реализация оптимального управленческого решения. Раскроем общее алгоритмическое предписание для принятия оптимального решения, которое необходимо реализовывать при выполнении оперативно-служебных задач в условиях специальных правовых режимов.

Процесс выбора и реализации оптимального решения в управленческой деятельности включает в себя последовательность следующих действий [4]:

- 1) прием и осознание служебной задачи;
- 2) фиксация противоречий в ее содержании;
- 3) детальный анализ цели и условий выполнения;
- 4) оценка текущей обстановки;
- 5) выбор оптимальной модели решения;
- 6) формирование плана действий согласно выбранному решению;
- 7) организация взаимодействия и обеспечения;
- 8) постановка задач исполнителям;
- 9) подготовка личного состава;
- 10) выполнение задачи с последующим контролем и поддержкой.

В процессе профессиональной подготовки сотрудников полиции эта методика должна изучаться и отрабатываться на практических занятиях. Обучение данной методике предполагает использование активных и интерактивных имитационных методов [13, с. 87], которые целесообразно реализовывать при выполнении практикумов, курсовых и дипломных работ.

В качестве примера приведем вариант шаблона принятия решения, реализуемого при выполнении практикума для отработки действий на выполнение оперативно-служебных задач в особых правовых условиях.

Принятие решения на выполнение оперативно-служебной задачи

Уяснение содержания задачи: 1. Замысел старшего начальника (вид операции, кто привлекается). 2. Цель действий (конечный результат). 3. Своя задача по достижению цели (детализация действий для достижения цели). 4. Место и роль своего подразделения (в каком районе, основная или обеспечивающая задача). 5. Выделенные взаимодействующие силы (подразделения войск национальной гвардии, сотрудники и курсанты образовательных учреждений МВД России, ФСБ, МЧС и т. д.). 6. Время на подготовку.

Оценка обстановки:

1. Оценка преступников: количество, вооружение, характеристика личности, возможные направления перемещения; возможные противоправные проявления. Выводы из оценки преступников.

2. Оценка своих сил: количество личного состава, вооружение, специальные средства, средства связи, подготовленность, наличие опыта. Выводы из оценки своих сил.

3. Оценка местного населения. Характеристика и возможности привлечения к содействию при пресечении нарушений. Выводы из оценки местного населения.

4. Оценка местности. Общая характеристика, условия для проходимости, маскировки, наблюдения, ориентирования, ведения огня, защиты групп боевых порядков, инженерное оборудование. Основные объекты жизнедеятельности. Жилые массивы. Дорожная сеть. Выводы из оценки местности.

5. Оценка состояния погоды, времени года, суток. Выводы, влияющие на характер выполнения служебно-боевой задачи.

Решение на выполнение задачи: 1. Замысел. Объекты сосредоточения основных усилий. Силы и их распределение. Каким способом и в какой последовательности действовать. Боевой порядок. Обеспечение скрытности (маскировка, шифровка, ограничение). Ввод в заблуждение (время, способы, направление). Достижение внезапности (применение сил, средств, способов, направления, времени). 2. Задачи группам: кому, когда, в какой последовательности, как действовать,

результат. 3. Порядок выполнения: действия по этапам выполнения служебной задачи. 4. Организация: взаимодействия (порядок, сигналы); всестороннего обеспечения (виды, способы); управления (сигналы управления, место руководителя, заместителя, позывные).

Выводы

1. Совершенствование профессиональной подготовки сотрудников полиции к выполнению оперативно-служебных задач в рамках специальных правовых режимов предполагает реализацию следующих инновационных подходов: синергетического, который реализует условия самоорганизации внутренних структур личности и формирование через них мотивации на социально значимую и общественно полезную деятельность [14, с. 208]; контекстного, способствующего обеспечению тесной связи теоретических положений с социальной и профессиональной деятельностью через применение квазипрофессиональных средств [15, с. 291]; личностно-профессионального развития, включающего в учебно-воспитательный процесс элементы ролевых, деловых и игровых методов, формирующих профессиональные ценности, потребности, мышление и способности [16, с. 25].

2. Представленные в работе теоретические и методические разработки создают основу для качественной подготовки сотрудников полиции к выполнению оперативно-служебных задач в особых правовых условиях, что в конечном счете способствует росту результативности их служебной деятельности. Важно отметить, что на качество принимаемых управленческих решений ключевое влияние оказывают индивидуально-психологические характеристики руководителя. В связи с этим к личности сотрудника предъявляется ряд профессионально значимых требований: владение устойчивыми навыками управленческой деятельности; последовательность и принципиальность в реализации решений; умение четко формулировать и ставить задачи перед личным составом; применение передовых и результативных методов работы; рациональное распределение функциональных обязанностей между подчиненными; ориентация на развитие эффективной обратной связи в системе управления, поддержка обоснованной инициативы и разумного риска при поиске нестандартных решений; оптимальное планирование служебного времени и поддержание дисциплины, основанной на высокой требовательности к себе и подчиненным.

Область применения и перспективы. Результаты проведенного исследования и основанные на них рекомендации по принятию эффективных управленческих решений могут быть использованы в процессе обучения и повышения квалификации сотрудников полиции, а также в практической деятельности различных силовых структур России. Сфера их применения охватывает ситуации выполнения профессиональных

задач, осложненных наличием специальных правовых условий. В дальнейшем планируется реализация предлагаемой методики при принятии решений в условиях применения робототехнических комплексов, средств

радиоэлектронной борьбы и беспилотных летательных аппаратов, а также продолжение исследования специфики подготовки к выбору решений сотрудниками полиции разных служб и должностных категорий.

Список источников / References

1. Папрыгин Е. С. Понятие и сущность особых правовых режимов // История государства и права. 2008. № 16. С. 13–16.
2. Гудков Н. А., Трофимов А. В. Технология принятия и реализации управленческого решения : метод. рекомендации. Домодедово, 1998. С. 24–28.
3. Литвак Б. Г. Разработка управленческого решения. М., 2022. 392 с.
4. Иванов А. Ю. Теория принятия решений : учеб. пособие. СПб., 2023. 145 с.
5. Кузнецов В. И. Административные регламенты. Юридические вопросы : науч.-практ. пособие. М., 2010. 139 с.
6. Мельничук В. А. Подготовка сотрудников органов внутренних дел к действиям в особых условиях : учеб. пособие. М., 2026. 235 с.
7. Стрельникова Ю. Ю., Караяни Ю. М., Гайдамашко И. В. Взаимосвязь социального интеллекта и стратегий принятия решений у сотрудников полиции // Юридическая психология. 2021. № 4. С. 3–9.
8. Чуманов Ю. В. Психологические особенности принятия решения сотрудниками полиции при выполнении профессиональных задач в ситуациях неопределенности ориентиров поиска : дис. ... канд. психол. наук. М., 2018. 155 с.
9. Dazerman M. H., Moore D. F. Judgment in managerial Decision Making. Wiley, 2020. 288 p.
10. Hammond J. S., Keeney R. L., Raiffa H. Smart Choices: A Practical Guide to Making Better Decisions. Harvard Business Review Press, 2015. 234 p.
11. Орлов А. И. Теория принятия решений : учеб. пособие. М., 2005. 656 с.
12. Бондаренко Д. Ф. Механизм принятия управленческих решений // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2012. № 3. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2012/03/515> (дата обращения: 10.07.2025).
13. Красилов О. В. Подготовка курсантов вузов МВД России имитационными методами к деятельности в условиях чрезвычайных ситуаций : дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2010. 207 с.
14. Федулов Б. А., Морозов В. А., Стрюц Е. В. Особенности реализации синергетического подхода в образовательном процессе юридического института МВД России // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7(61). С. 208–211.
15. Федулов Б. А., Шубин С. П., Левченко А. А. Применение квазипрофессионального подхода в процессе профессиональной подготовки сотрудников полиции // Актуальные проблемы юридической науки и практики : сб. науч. статей по мат-лам междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. СПб., 2019. Т. 2. С. 291–295.
16. Федулов Б. А. Личностно-профессиональное развитие курсантов высших военных учебных заведений: аксиологический подход : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Барнаул, 2000. 37 с.

Поступила 16.07.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 30.03.2026.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Теория и методика спорта, профессиональной физической подготовки и оздоровительной физической культуры

**Theory and methods of sports, professional physical training
and health improving physical culture**

Обзорная статья

УДК 796.07 © Бабушкин Г. Д., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-227-235

5.8.5. Теория и методика спорта

Профессионально важные психологические качества в спорте

Геннадий Дмитриевич Бабушкин, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики физической культуры и спорта¹; gena41@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6748-6368>

¹ Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, 644009, Омск, ул. Масленникова, 144, Россия

Реферат. Введение. При подготовке спортсменов для международной арены внимание тренеров обращается на развитие определенных психологических качеств, так как успешность овладения избранным видом спорта зависит не только от методики тренировки. Цель — обоснование структуры профессионально важных психологических качеств для спортивной деятельности.

Материалы, результаты и обсуждение. Представлена структура профессионально важных психологических качеств, включающая три группы. Первая — свойства нервных процессов (сила, подвижность, уравновешенность), способствующих выбору вида спортивной деятельности и дальнейшему спортивному совершенствованию. Вторая — психологические качества, значимые для всех видов спорта, уровень развития которых определяет рост спортивного мастерства (мотивация, помехоустойчивость, соревновательность, надежность и др.). Третья — психологические качества, характерные для конкретной спортивной деятельности, определенный психокомплекс (сочетание свойств нервной системы). **Выводы.** Эффективность соревновательной деятельности обусловлена рядом психологических качеств, отражающих психологическую подготовленность спортсмена к соревнованию.

Ключевые слова: спортивная мотивация, структура, результативность, успешность, соревновательная деятельность, эмоции, мышление

Для цитирования: Бабушкин Г. Д. Профессионально важные психологические качества в спорте // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 2(105). С. 227–235. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-227-235>

Review Article

UDC 796.07 © Babushkin G. D., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-227-235

5.8.5. Theory and Methods of Sports

Professionally Important Psychological Qualities in Sports

Gennady D. Babushkin, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor, Professor at the chair of Theory and Methods of Physical Culture and Sports¹; gena41@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6748-6368>

¹ the Siberian State University of Physical Culture and Sports, 144, Maslennikov st., Omsk, 644009, Russia

Abstract. Introduction. When training athletes for the international arena, the attention of coaches is drawn to the development of certain psychological qualities, since the success of mastering a selected sport depends not only on the training methods. The purpose is to substantiate the structure of professionally important psychological qualities for sports activities. **Materials, Results and Discussion.** The structure of professionally important psychological qualities including three groups is presented. The first group involves properties of nervous processes (strength, mobility, balance), which contribute to the choice of the type of sports activity and further sports improvement. The second one contains psychological qualities that are significant for all sports, the level of development of which determines the growth of sportsmanship (motivation, disturbance immunity, competitiveness, reliability, etc.). The third group comprises psychological qualities characteristic of a specific sports activity, a certain psychocomplex (a combination of the properties of the nervous system). **Conclusions.** The effectiveness of competitive activity is determined by a number of psychological qualities that reflect the athlete's psychological readiness for competition.

Keywords: sport motivation, structure, results, effectiveness, competitive activity, emotions, thinking

Citation: Babushkin G. D. Professionally Important Psychological Qualities in Sports. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 2(105). Pp. 227–235 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-227-235>

Основные положения

1. Специфика вида спорта предъявляет высокие требования к личностным качествам спортсмена, которые выступают предпосылкой успешного овладения видом спорта и дальнейшего спортивного совершенствования. К таким качествам относятся свойства нервных процессов (сила, подвижность, уравновешенность).

2. Совершенствование в любом виде спорта обеспечивают универсальные психологические качества: спортивная мотивация, эмоциональный интеллект, помехоустойчивость, способность к психорегуляции, соревновательность, позитивность мышления. В том или ином виде спорта или группе видов спорта (спортивные игры, единоборства и т. п.) высокое значение имеют конкретные психологические качества.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Профессионально важные психологические качества понимаются как совокупность индивидуально-типологических особенностей личности, способствующих успешности профессионального обучения и профессиональной деятельности в определенной сфере. Решение проблемы значимости психологических качеств в профессиональном обучении и деятельности предлагается в некоторых исследованиях [1–3]. Выраженность профессионально важных качеств у человека определяет быстроту и легкость освоения избранной деятельности, а также адаптации к содержанию и условиям профессиональной деятельности, эффективность выполнения профессиональных задач.

В настоящее время единого понимания структуры и компонентов профессионально важных качеств (далее — ПВК) личности в психологии нет.

Структура ПВК включает как личностные свойства, так и антропометрические, психофизиологические характеристики, свойства темперамента и характера, психические качества, общие и специальные способности, умения, социальные и мировоззренческие установки, качества самосознания и т. п.

В. А. Бодров под профессионально важными качествами понимает всю совокупность психических, а также физических и физиологических характеристик, которые обуславливают успешность профессиональной деятельности человека [4]. Профессионально важные качества — это внутренние психофизиологические и психологические характеристики субъекта деятельности, в которых выражаются профессиональные требования к личности для успешного овладения избранной деятельностью. В ПВК включаются особенности функциональной готовности организма к профессиональной деятельности; уровень развития анализаторов и физических качеств, необходимых для успешной работы; состояние индивидуально-психологических функций организма, другие когнитивные и психомоторные свойства, определяющие эффективность работы, мотивационно-

потребностные характеристики, эмоциональные, волевые, коммуникативные и другие черты личности.

Для каждого вида деятельности, в том числе и спортивной, перечень ПВК специфичен, он выявляется посредством психологического анализа содержания и характера конкретной деятельности.

Формирование подсистемы профессионально важных качеств достаточно сложный психологический процесс. А. В. Карпов определяет его суть как функциональное объединение отдельных профессионально важных качеств, когда они начинают проявлять себя в режиме взаимодействия. К этому есть внутренние предпосылки, так как основные психические функции онтологически связаны друг с другом. Эта связь в ходе освоения профессиональной деятельности начинает выражаться с положительной стороны [5].

Анализ научно-методической литературы свидетельствует о том, что, несмотря на использование термина «профессионально важные качества» в спорте, его содержательное наполнение требует серьезного методологического обоснования [6].

ПВК рассматриваются как сложноорганизованная система, включающая ряд компонентов (физических, психологических, технических, биологических), которые находятся во взаимозависимости и взаимовлиянии. В спортивной науке сложился подход к разделению ПВК на несколько взаимосвязанных компонентов, каждый из которых вносит свой специфический вклад в общую эффективность спортивной деятельности (в частности, гандбола) [7].

Одним из наиболее сложных и значимых для спортивных игр, особенно в условиях соревнований, является психологический компонент, имеющий следующую структуру:

1. Психические процессы: восприятие скорости и траектории мяча, тактильное восприятие, внимание, оперативное мышление, память.
2. Психофизиологические качества: нервно-мышечная координация и сенсомоторные реакции.
3. Эмоционально-волевые качества: стрессоустойчивость, эмоциональная стабильность, целеустремленность, настойчивость, решительность, самообладание.
4. Личностные свойства: мотивация достижения успеха, лидерство, способность к командному взаимодействию, самоконтроль и саморегуляция [8].

Как показывают исследования в области спортивной психологии, именно психологический компонент часто становится определяющим фактором в достижении высоких спортивных результатов [9].

ПВК представляют собой отдельные динамические черты личности, психические и психомоторные свойства, выражаемые уровнем развития некоторых психических и психомоторных процессов, а также физические качества, соответствующие требованиям к человеку какой-либо определенной профессии и способствующим

щие успешному овладению этой профессией. С одной стороны, профессионально важные качества являются предпосылкой профессиональной деятельности, а с другой — они сами совершенствуются, шлифуются в ходе деятельности, являясь ее новообразованиями.

К психологическим качествам, желательным для эффективного выполнения профессиональной деятельности, для профессионального роста, преодоления экстремальных ситуаций в труде, относят характеристики мотивационной, волевой, эмоциональной сферы специалиста.

Зависимость успешности спортивной деятельности от определенного набора индивидуальных и личностных качеств является одной из ключевых проблем в психологии спорта. Комплексы взаимосвязанных характеристик, значимые для осуществления спортивной деятельности, описаны в ряде работ [8; 10–16]. В то же время, используя термин «профессионально важные качества спортсменов», многие исследователи не раскрывают его существенные характеристики.

Спортивная деятельность — это всегда специальная деятельность в конкретном виде спорта. Спортивные качества, формирующиеся в ее процессе, находятся в прямой зависимости от особенностей выбранного вида спорта. Ведь спортсмен в ходе тренировочных занятий спортом старается вырабатывать качества, необходимые для данного вида спорта, а другие качества развивает только в связи с тем, что они являются основой для его успешной деятельности в своем виде спорта.

Профессиональная состоятельность человека зависит от наличия определенных знаний, умений и навыков, т. е. профессиональной компетентности. Человек, устремленный к высоким спортивным достижениям, тоже должен быть компетентным в своей области.

Для каждого вида спортивной деятельности перечень ПВК специфичен, он обуславливается результатами психологического анализа содержания и характера данной деятельности.

Представляемая Л. К. Серовой модель отображает структуру психологических профессиональных качеств спортсмена. Модель личности спортсмена состоит из шести основных структурных компонентов, показывающих ключевые направления исследования личности спортсмена: поведенческий, мотивационный, интеллектуальный, эмоционально-волевой, коммуникативный, гендерный [8].

Цель — обоснование структуры профессионально важных психологических качеств для спортивной деятельности.

Материалы, результаты и обсуждение

Спортивная деятельность предъявляет высокие требования к психологическим качествам спортсмена. Все качества можно разделить на три группы. Первая — свойства нервных процессов: сила, подвижность, уравновешенность. Вторая — комплекс качеств, характерных

для всех видов спорта. Третья — качества, необходимые для конкретного вида спорта.

Первая группа качеств — свойства нервных процессов: сила, подвижность, уравновешенность, их сущность и значимость.

Данная группа качеств была впервые обоснована З. И. Бирюковой и представлена в ее монографии «Высшая нервная деятельность спортсменов» в 1961 г. Результаты обследования спортсменов высокой квалификации различных видов спорта (методом анамнеза, наблюдения, беседы) позволили установить, что для них характерны определенные сила, подвижность и уравновешенность нервных процессов [17]. Позднее профессор Е. П. Ильин создал научную лабораторию при Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена, объединив ряд молодых ученых (в числе которых состоял и автор настоящей статьи), и в течение нескольких лет изучал проявление свойств нервной системы у спортсменов различной квалификации и видов спорта. Было выдвинуто положение, уточняющее предположение З. И. Бирюковой, что тот или иной вид спорта, вид спортивной деятельности требует определенных свойств нервной системы. Например, гимнастам высокой квалификации свойственны сила нервной системы, уравновешенность, инертность. Показаны существенные различия свойств нервной системы у спринтеров и стайеров, игроков и штангистов, боксеров и велосипедистов и т. д.

Однако свойства нервных процессов, характерные для того или иного вида спорта, являются предпосылкой овладения избранным видом спорта и сами по себе не обеспечивают достижения спортсменом высоких результатов, лишь способствуя эффективности в спортивной деятельности. Здесь вступает в силу методика спортивной тренировки, внедряемая тренером.

Вторая группа — качества, их значение для всех видов спорта.

Спортивная мотивация. Мотивация спортивной деятельности определяется как внутренними, так и внешними факторами, меняющими свое значение на протяжении спортивной карьеры. Ведущими мотиваторами для большинства спортсменов-новичков являются удовольствие, получаемое от занятий спортом, стремление к здоровью и физическому развитию, к общению, самореализации и развитию волевых качеств [10]. У юных спортсменов мотивационная сфера претерпевает существенные изменения в процессе взросления. Если в младшем подростковом возрасте преобладает интерес к самой игровой деятельности, то к 15–17 годам формируется осознанная спортивная мотивация (внутренняя мотивация), связанная с достижением конкретных результатов. Это требует от тренера тонкой психолого-педагогической работы по формированию адекватных целевых установок и поддержанию интереса к систематическим тренировкам. Особое значение приобретает развитие волевых

качеств: настойчивости, целеустремленности, способности к преодолению трудностей [18].

На стадии специализации у спортсмена возникает устойчивый интерес к выбранному виду спорта, чему способствуют как физическое развитие и формирование навыков, так и осознание того, что выбранный вид спортивной деятельности отвечает его интересам и способностям. При этом происходит как бы ротация, т. е. основной целью становится получение высоких результатов, а не удовольствие от самого процесса занятий. На стадии спортивного мастерства ведущим мотивационным фактором служит стремление закрепить свои достижения, преумножить славу и престиж в мире спорта, а также обеспечить свое материальное положение.

Одной из характеристик мотива, которая играет существенную роль в ситуации спортивной деятельности, выступает его сила. Как отмечает Е. П. Ильин, сила мотива влияет не только на уровень активности человека, но и на успешность проявления этой активности, в частности на эффективность деятельности. Сила мотива зависит от многих факторов. Например, существует зависимость силы мотива от степени осознанности и ясности объекта мотивации, названной законом специальной детерминации воли. На силе мотива сказываются закрепленность навыка, притягательность объекта воздействия. Ожидаемый или планируемый результат в соревновании усиливает мотивацию [10].

При стимулировании деятельности через соревнование немалое значение имеет знание индивидуально-психологических особенностей личности. Так, лица с сильной нервной системой больше стимулируются соревновательной обстановкой, чем лица со слабой нервной системой.

Значительное влияние на силу и устойчивость мотивов оказывает успешность спортивной деятельности. Успехи воодушевляют, а постоянно возникающее удовлетворение от достигнутого результата приводит к удовлетворенности родом занятий, т. е. к стойкому положительному отношению к выбранному виду спорта. Неудачи порождают состояние фрустрации, которое может двояко влиять на силу и устойчивость мотива. В одном случае неудачи в соревновательных выступлениях, повторяющиеся неоднократно, могут вызвать у спортсмена желание оставить занятия данным видом спорта, мысль, что он малоспособен к нему. В другом случае регулярно повторяющиеся неудачи при экстрапунитивной форме реагирования человек переживает агрессивную реакцию, направленную на внешние объекты, сопровождающуюся досадой, озлобленностью, упрямством, стремлением добиться намеченного во что бы то ни стало, даже вопреки реальным возможностям.

Соревновательность представляется как сложное личностное качество, включающее следующие компоненты: мотивацию, эмоции, мышление, интеллект, волю, каждый из которых исполняет определенную роль в со-

ревновательной деятельности. Ведущим компонентом является воля.

Соревновательность зависит от специфики спортивной деятельности. В циклических видах спорта соревновательность проявляется в тактике прохождения дистанции; в спортивных единоборствах и в спортивных играх — в борьбе за каждое действие, очко; в гимнастике, тяжелой атлетике, легкоатлетических прыжках и метании снаряда — в создании мобилизационной готовности к началу действия. Результаты участия спортсмена в соревнованиях обусловлены множеством факторов, поскольку соревновательная деятельность предъявляет высокие требования к личности спортсмена, к его психологической подготовленности [19–24].

Соревновательность можно понимать как преодоление трудностей в борьбе для достижения победы [14]. Причин неудачных выступлений спортсмена на соревнованиях множество. По нашему мнению, к ним относится неразвитое качество соревновательности, которое представляет собой комплексное личностное образование, имеющее следующую структуру: мотивация, мышление, эмоции, интеллект, воля. Каждый из этих компонентов оказывает определенное влияние на проявление соревновательности спортсмена.

Соревновательная мотивация достижения успеха направлена на активацию физических и психических сил спортсмена в соревновательной деятельности.

Мышление обеспечивает оперативное нахождение правильных (адекватных) способов, средств, действий в соревновательной деятельности. Мыслительная деятельность спортсмена может включать в себя позитивные, негативные, неопределенные мысли, по-разному влияющие на результаты соревновательной деятельности.

Эмоции выражают отношение спортсмена к соревновательной деятельности, к достижению успеха. Проявление положительных эмоций, связанных с достижением успеха в соревновательной деятельности, активизирует дальнейшую деятельность спортсмена.

Интеллект спортсмена (общий, эмоциональный) является базой для поиска и выбора средств и методов для обеспечения успешной соревновательной деятельности в различных ситуациях соревновательной борьбы.

Воля, выражающаяся в волевых качествах решительности, настойчивости, упорства, самообладании, выдержки, выступает мобилизующей силой спортсмена для проявления физических усилий в соревновательной деятельности. Однако проявление воли в соревновательной борьбе обусловлено наличием сформированной связи волевой подготовки с физической подготовкой, что представляется результатом интегральной подготовки.

Помехоустойчивость спортсмена. Соревновательная деятельность сопряжена с действием на спортсмена различных помех внешнего и внутреннего плана. Влияние помех на спортсмена осуществляется через воздействие на эмоциональную сферу, вызывая негативные

переживания, неадекватное поведение и снижение результативности деятельности. При этом действие внешних помех опосредуется внутренним содержанием человека — комплексом индивидуально-психологических особенностей [12; 20; 25]. Преимущество в соревновательной борьбе имеют те спортсмены, у которых психологическая подготовленность находится на более высоком уровне, частью которой выступает развитая способность к противодействию помех (помехоустойчивость).

Являясь составной частью надежности, помехоустойчивость рассматривается как способность системы работать в условиях действия помех без снижения своей эффективности. Помехоустойчивость связана с эмоциональной устойчивостью человека, способностью противостоять влиянию стресс-факторов и рядом других личностных качеств. Исследование Ю. В. Яковых показало, что результативность деятельности баскетболистов на соревнованиях зависит от уровня развития помехоустойчивости [25]. Для спортсменов с низким уровнем развития помехоустойчивости на соревнованиях характерно повышенное волнение, проявление негативных эмоциональных состояний. Спортсменам с высоким уровнем развития помехоустойчивости такое поведение несвойственно. Например, результативность бросков мяча в корзину из различных положений у баскетболистов высокой квалификации с низким уровнем развития помехоустойчивости на соревнованиях (48 %) ниже, чем на тренировках (57 %), у баскетболистов с высоким уровнем развития помехоустойчивости, наоборот, на соревнованиях выше (76 %), чем на тренировках (60 %).

Спортивно-психологическая компетентность — составная часть интеллектуально-психологической подготовки спортсмена к соревновательной деятельности. Опираясь на нее, спортсмен самостоятельно находит решение различных соревновательных ситуаций [26]. Уровень сформированности спортивно-психологической компетентности выступает фактором, обуславливающим характер предстартового состояния спортсмена, выбор оптимальных форм поведения в различных соревновательных ситуациях и результативность соревновательной деятельности. У спортсменов высокой квалификации степень ее влияния значительно выше, чем у спортсменов низкой квалификации. Спортивно-психологическая компетентность содержит:

1. Знаниевый блок, состоящий из компонентов: 1) индивидуально-личностного, включающего знания о личности спортсмена; 2) спортивно-соревновательного, охватывающего знания об особенностях спортивной тренировки, воздействии на организм спортсмена тренировочной и соревновательной нагрузки; 3) саморегуляционного, объединяющего знания о контроле и оптимизации своего психического состояния, организации своего поведения в различных соревновательных ситуациях.

2. Личностно-деятельностный блок, состоящий из следующих компонентов: 1) мотивационного, включающего спортивную и соревновательную мотивацию, направленную на достижение успеха; 2) координационного, содержащего координационные способности спортсмена; 3) регуляционного, охватывающего способности к психорегуляции; 4) рефлексивного, предусматривающего осмысление задач, поставленных на предстоящее соревнование.

Для формирования спортивно-психологической компетентности необходимо создать у спортсменов определенный комплекс психологических знаний, а именно особенностей личности, психологических особенностей тренировочного и соревновательного процессов в избранном виде спорта, а также развивать умения и психологические качества, определяющие поведение спортсмена на соревнованиях, способствующие контролю предстартового состояния, его регуляции и реализации подготовленности на соревновании.

Способность к психорегуляции. Психорегуляция в научно-методической литературе представляется важной категорией системы психологической подготовки спортсменов и рассматривается в нескольких аспектах. Первый аспект заключается в понимании ее как способности регулировать свое психическое состояние в условиях воздействия стрессогенных факторов. Второй аспект психорегуляции состоит в понимании ее как деятельности спортсмена по овладению средствами и приемами психорегуляции и их использованию в тренировочной и соревновательной деятельности с той или иной целью. Третий аспект — в понимании ее как системы средств, используемых спортсменами и тренерами в процессе спортивной подготовки.

Способность к психорегуляции значима для любого вида спорта, когда возникает необходимость создания предстартовой готовности, регуляции предстартового состояния, мобилизации на максимальное проявление психических и физических качеств [27].

Выделяются два вида психорегуляции: саморегуляция и гетерорегуляция.

Психическая саморегуляция — это воздействие спортсмена на самого себя с помощью слов, соответствующих мысленных образов, представлений и воображения. Слова вместе с их мысленными образами оказывают воздействие на функции организма человека. Однако для этого необходима специальная тренировка. Психическая саморегуляция может осуществляться двумя направлениями: самоубеждением и самовнушением. Гетерорегуляция — это воздействие на спортсмена со стороны (тренера, психолога, врача).

Многообразие спортивной деятельности определяет содержание и назначение психорегуляции. В каждом виде спорта психорегуляция имеет свою специфику, содержание, назначение.

При чрезмерном нервно-психическом напряжении рекомендуется использовать следующие методы психорегуляции: 1) рациональную психорегуляцию в состоянии бодрствования; 2) создание нового очага возбуждения, играющего роль отвлекающего; 3) гипно-суггестивные методы успокаивающего характера; 4) физические упражнения плавного, замедленного характера; 5) успокаивающий массаж; 6) отвлечение внимания от факторов, вызывающих возбуждение; 7) успокаивающую часть психорегулирующей тренировки; 8) аппаратные методы с помощью центральной анальгезии. Для этого используются приборы ПЭЛАНА (прибор электроанальгезии), ЛЭНАР (лечебный электронаркоз), генерирующие электроимпульсы с частотой 500–1200 Гц (ПЭЛАНА) и 500–2000 Гц (ЛЭНАР); 9) индивидуальные средства саморегуляции.

При сниженном психическом состоянии (апатия, фрустрация) рекомендуются следующие методы:

1. Рациональная психорегуляция, представляющая собой комплекс процедур, включающих логический анализ ситуации, выбор тактики дренажа эмоций или, наоборот, психической защиты, формирование плана выхода из данного положения. При этом могут использоваться внушения типа: «Иди! Борис! Играй! Вперед!».

2. Гипносуггестивное внушение. С помощью его устраняется избыточная реакция на неудачи и внушается состояние уверенности в себе. Ситуация специально упрощается, рационализируется. Выход из сноподобного состояния должен быть энергичным, позволяющим спортсмену поверить в себя, настроиться на борьбу. При этом используется императивный уверенный голос.

3. Прием «Репортаж». Спортсмен много раз переходит от состояния покоя и расслабления к идеомоторному соучастию в конкретных ситуациях, которые для него могут быть достаточно эмоциональными. При «разыгрывании» в сноподобном состоянии значимых для спортсмена ситуаций важным является снижение их психотравмирующих функций.

4. Самоубеждение, самоприказы.

5. Физические упражнения резкого характера (прыжки, бег и т. п.).

6. Возбуждающий массаж.

7. Мобилизующая часть психорегулирующей тренировки [27].

Позитивность мышления. Существенным фактором, влияющим на результаты выступления спортсмена на предстоящем соревновании, является направленность содержания его мыслительной деятельности на позитив [14; 26]. При анализе содержания предсоревновательной мыслительной деятельности тяжелоатлетов высокого класса (сборной и молодежной команд России) выявлялась ее позитивная составляющая, отражающая мысли позитивной направленности о своем выступлении на предстоящем соревновании. Высокий уровень позитивной составляющей зафиксирован у 6 человек,

которые заняли 1–2 места в своей весовой категории. Спортсмены со средним и низким уровнем мыслительной деятельности заняли в своих весовых категориях 3–4 места и последующие. Тяжелоатлеты сборной России, выступавшие на трех соревнованиях (первенство России, кубок России, спартакиада молодежи России), выполнили и перевыполнили запланированные результаты только в 29 подходах из 78, что составило всего 37 % [14]. Исследованием направленности предсоревновательной мыслительной деятельности спортсменов высокой квалификации различных видов спорта выявлен недостаточно высокий уровень ее позитивной составляющей, существенно влияющей на успешность соревновательной деятельности спортсменов.

Эмоциональный интеллект включает в себя комплекс способностей: 1) действовать с внутренней средой своих чувств и желаний; 2) понимать отношения личности, репрезентируемые в эмоциях, и управлять эмоциональной сферой; 3) эффективно контролировать эмоции и использовать их в своей деятельности; 4) способность эмоционально-интеллектуальной деятельности.

Обобщая данные определения, можно отметить, что индивиды с высоким уровнем развития эмоционального интеллекта обладают выраженными способностями к пониманию собственных эмоций и эмоций других людей, а также к управлению эмоциональной сферой, что обуславливает более высокую адаптивность и эффективность в спортивной деятельности.

В отличие от абстрактного и конкретного интеллекта, которые охватывают закономерности внешнего мира, эмоциональный интеллект отражает внутренний мир и его связи с поведением личности и взаимодействием с реальностью. Конечный продукт эмоционального интеллекта — принятие решений на основе отражения и осмысления эмоций, которые являются дифференцированной оценкой событий, имеющих личностный смысл [10]. Эмоциональный интеллект лежит в основе эмоциональной саморегуляции. Эмоциональный интеллект — это группа ментальных способностей, с помощью которых происходит осознание и понимание собственных эмоций и эмоций окружающих.

В настоящее время структура эмоционального интеллекта включает четыре компонента, которые в совокупности описывают четыре сферы эмоциональных умственных способностей, а именно способности: 1) безошибочно различать собственные эмоции и факторы, вызывающие их в целях формирования положительных эмоций; 2) использовать эмоции для повышения эффективности мыслительной деятельности, предстартового состояния и поведения в соревновательной деятельности; 3) понимать значение эмоций в состоянии и поведении спортсмена и результативности соревновательной деятельности; 4) управлять эмоциями на основе развитой способности к психорегуляции.

Третья группа психологических качеств, характерных для конкретного вида спорта, группы видов спорта

Интуиция и интуитивность. Влиянием интуиции объясняются многие спортивные достижения и действия в спортивных играх и единоборствах. Интуиция определяет процесс принятия решений в соревновательной деятельности и целевой ориентации спортсмена. Интуитивность в представлении Е. А. Науменко понимается как «свойство личности, проявляющееся в повышенной чувствительности к незначительным и или неосознаваемым стимулам, поступающим из внешней среды, что позволяет спортсмену принимать решения в проблемных ситуациях за меньшее время и с большей продуктивностью, и предвидеть дальнейшее развитие ситуации» [28, с. 11]. Автор этого понятия предлагает рассматривать данный феномен через представления о личности и личностных свойствах человека, относя интуитивность к одному из таковых.

Исследования интуиции показали ее содержательную сущность, которая представлена в характеристиках психологической реальности и отражает природу психического акта. Наиболее ярко интуиция проявляется во многих действиях спортсменов, занимающихся игровыми видами спорта и спортивными единоборствами. Однако степень ее реализации для каждого из них является индивидуальной. Соревновательная деятельность — важнейший фактор формирования и развития интуитивности (как качества) у спортсменов. В спортивной деятельности интуиция проявляется как процесс и формируется как профессионально важное качество для ряда видов спорта, особенно игровых и единоборств [28].

Интуиция представляет собой обобщение опыта мышления спортсмена. Для эффективного решения соревновательных задач в спортивной деятельности используется как интуиция, так и систематическое (логическое) мышление. Систематическое мышление — это непрерывные, следующие определенному порядку (логике) мыслительные действия. В сравнении с систематическим мышлением интуиция — это «прерывание непрерывности в движении мышления». Для интуиции присуща такая черта, как неосознаваемость (подсознательность) процесса поиска решения проблемы.

Интуиция спортсмена в соревновательных условиях носит прогностический характер и проявляется в форме интуитивных суждений и прогностических догадок и действий. Роль интуиции сводится к конструированию модели прогноза и действия на основании интуитивного опыта субъекта.

Таким образом, в генетическом плане интуиция представляет собой широкое, динамичное обобщение опыта мышления. Под опытом мышления здесь имеется в виду совокупность знаний и практически приобретенных навыков, умений (приемов). Интуиция формируется на базе опыта мышления, и в то же время она сама совер-

шает мышление, которое благодаря ей становится более точным, более продуктивным.

Интуиция — это психический процесс обработки информации на неосознаваемом уровне, выражающийся в формировании интуитивного образа с последующей возможной его актуализацией в виде знания, отношения, поведения.

Рефлексивность. В соревновательной деятельности единоборцев, представителей игровых видов спорта имеет место проявление процесса рефлексии — отображение в сознании действий соперника, партнеров по игре и построение на этой основе своих действий. Рефлексия и рефлексивность — два взаимосвязанных понятия: рефлексия — процесс, рефлексивность — качество. Рефлексия — это не просто знание и понимание своих действий в процессе игры, но и форма осознания субъектом того, как он в действительности воспринимается и оценивается другими индивидами, в данном случае партнерами и соперниками по игре [13; 16].

В рефлексии имеют место шесть позиций, характеризующие взаимное отображение спортсменом соперников и партнеров: 1) сам спортсмен, каков он есть в данной ситуации; 2) субъект, каким он видит себя; 3) субъект, каким он видится другими (партнерами и соперниками); 4, 5, 6 позиции — те же три позиции, но со стороны других субъектов ситуации — партнеров, соперников. При таком понимании рефлексия представляется как процесс удвоенного взаимного отображения спортсменами друг друга, содержанием которого выступают воспроизведение, воссоздание, воображение своих особенностей поведения, а также партнеров, соперников. Постоянное проявление рефлексии в соревновательной деятельности способствует формированию качества рефлексивности.

Рефлексивность как профессионально важное качество в игровых видах спорта, спортивных единоборствах представляет сущность отображения тактики противника, своих действий и партнеров по игре и имеет индивидуальные проявления. Как показывают опросы спортсменов высокой квалификации, тренеры, как правило, не работают над этим качеством, оно формируется спонтанно, без специальной тренировки. Степень проявления и реализации рефлексивности в соревновательной деятельности зависит от спортивной квалификации и опыта спортсмена. Вполне естественно, что с повышением спортивной квалификации повышается и уровень развития и проявления рефлексивности у спортсменов.

Для развития рефлексивности у спортсменов рекомендуются два направления: 1) решение ситуаций соревновательной деятельности; 2) составление спортсменами соревновательных ситуаций и предоставление вариантов их решения, анализ тренером вариантов решения ситуаций.

Реагирующая способность. Реагирующая способность спортсменов игровых видов спорта и единоборств представляется важным психологическим качеством

в структуре психологической подготовленности, определяющим быстроту восприятия ситуации, нахождение правильного решения и его выполнение. Составляющими реагирующей способности являются: в спортивных единоборствах — реакция на движущийся объект (далее — РДО), реакция антиципации; в спортивных играх — сложная реакция, реакция выбора, реакция на движущийся объект.

Для спортивных единоборств существуют наиболее значимые психофизиологические качества, от которых в наибольшей мере зависит успешность соревновательной деятельности спортсмена. К таким качествам и относится реагирующая способность спортсмена. Уровень ее развития у спортсмена имеет достаточно весомое значение, во многом определяя результативность и успешность соревновательной деятельности [29–31].

Современные единоборства (бокс, кикбоксинг и др.), спортивные игры (футбол, хоккей, волейбол и др.) отличаются активизацией соревновательной деятельности, что проявляется в увеличении темпа соревновательной деятельности, уменьшении времени для выполнения для подготовки к выполнению технических приемов, в быстроте и стремительности атакующих действий, высоком уровне эмоционального напряжения. Психологическая характеристика этих видов спорта предъявляет высокие требования к спортсменам [21; 29–32]. Уделяя внимание развитию у спортсменов реагирующей способности, можно наиболее полно раскрыть индивидуальные способности и совершенствовать учебно-тренировочный процесс представителей спортивных единоборств. Вызывает интерес методика, предложенная И. С. Чечевым (с соавторами), для развития психомоторных качеств боксеров, в основе которой лежит повышение различительной чувствительности в движении [30].

Особое место в реагирующих способностях занимает реакция на движущийся объект, являющаяся разновидностью сложной сенсомоторной реакции. Развитая реакция на движущийся объект позволяет быстро и точно реагировать на перемещения какого-либо объекта в рамках дефицита времени (мяч в волейболе, шайба в хоккее и т. п.). В основу РДО положено умение удерживать в поле зрения объект, быстро и точно определять пространственно-временные характеристики его движения и осуществлять собственные ответные движения (ловля мяча в футболе, уход или защита от удара в боксе). Что касается временной структуры РДО, то более 80 % занимают зрительное восприятие движущегося объекта

и передача импульса в центральную нервную систему. Остальная часть времени — формирование и передача сигнала для ответного действия.

Таким образом, результативность соревновательной деятельности в игровых видах спорта и спортивных единоборствах обусловлена рядом психологических качеств, отражающих психологическую подготовленность спортсмена к соревнованию. С повышением спортивного мастерства спортсменов значимость психологических качеств возрастает.

Выводы

1. В исследовании представлена структура профессионально значимых психологических качеств, способствующих успешному овладению избранным видом спорта и определяющих результативность соревновательной деятельности.

2. Первая группа качеств — свойства нервных процессов: сила, подвижность, уравновешенность. Значимость этих качеств в повышении спортивного мастерства в том или ином виде спорта неодинакова. В игровых видах спорта и единоборствах ведущим качеством является высокая подвижность нервных процессов; в гимнастике, тяжелой атлетике — сила нервных процессов и уравновешенность; в беге на длинные дистанции — сила нервных процессов, на короткие дистанции — подвижность и преобладание возбуждения.

3. Вторая группа включает качества, характерные для всех видов спорта: мотивацию, соревновательность, способность к психорегуляции, позитивность мышления, эмоциональный интеллект, помехоустойчивость, спортивно-психологическую компетентность.

4. Третья группа содержит качества, характерные для конкретного вида спорта и группы видов спорта: спортивных игр, единоборств — рефлексивность, интуитивность, реагирующую способность; тяжелой атлетики, гимнастики, прыжковым, метательным упражнениям в легкой атлетике — способность к психорегуляции.

Область применения и перспективы. Результаты исследования могут быть востребованы тренерами по спортивным играм и единоборствам для развития реагирующей способности, а также при совершенствовании программ физической подготовки курсантов Омской академии МВД России. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку индивидуализированных программ развития реагирующей способности для конкретного вида спорта и этапа подготовки.

Список источников / References

1. Шадриков В. Д. Психология деятельности и способности человека : учеб. пособие. М., 1996. 320 с.
2. Маркова А. К. Психология профессионализма : учеб. пособие. М., 1996. 312 с.
3. Климов Е. А. Развивающийся человек в мире профессий. Обнинск, 1993. 57 с.
4. Бодров В. А. Психология профессиональной деятельности. Теоретические и прикладные проблемы : монография. М., 2006. 624 с.

5. Карпов А. В. Психология труда : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 031000 «Педагогика и психология». М., 2005. 350 с.
6. Степновой С. А. Профессионально важные качества в спорте: гендерный аспект // Тезисы докладов XLVIII науч. конф. студентов и молодых ученых вузов Южного федерального округа, Краснодар, 1 февраля 2021 года. Краснодар, 2021. С. 262–264.
7. Lopatiuk O. Development of Professionally Important Qualities of Cadets by Means of Handball. *Scientific Bulletin of Mukachevo State University Series "Pedagogy and Psychology"*. 2021. № 7(2). Pp. 95–100.
8. Серова Л. К. Психология личности спортсмена : учеб. пособие. М., 2007. 116 с.
9. Гайдамашко И. В., Бабичев И. В. Профессионально важные качества спортивного психолога, работающего в детско-юношеском спорте // Человеческий капитал. 2023. № 2(170). С. 216–222.
10. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы : учеб. пособие. СПб., 2000. 512 с.
11. Марищук В. Л., Блудов Ю. М., Серова Л. К. Психодиагностика в спорте : учеб. пособие. М., 2005. 349 с.
12. Горбачев С. Н., Шумилин А. П. Развитие профессионально важных качеств, обуславливающих принятие решений в экстремальной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 1. С. 73–76.
13. Бабушкин Г. Д., Салахов Р. Э. Рефлексия в организации игрового взаимодействия в баскетболе // Проблемы совершенствования физической культуры, спорта и олимпизма : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, соискателей и студентов. Омск, 2009. С. 134–138.
14. Бабушкин Г. Д. Соревновательная деятельность в спорте и факторы, определяющие спортивный результат // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. № 2(93). С. 317–322.
15. Яковлев Б. П., Бабушкин Г. Д. Эмоциональные и мотивационные детерминанты в спортивной деятельности : учеб. пособие. СПб., 2022. 340 с.
16. Салахов Р. Э., Бабушкин Г. Д. Проблема рефлексии в игровом взаимодействии и противоборстве с соперником // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 2. С. 58–60.
17. Бирюкова З. И. Высшая нервная деятельность спортсменов: Исследование типологических особенностей нервной системы. М., 1961. 292 с.
18. Прилепских О. С. Особенности воли и волевых качеств личности в подростковом возрасте // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63-3. С. 314–317.
19. Алексеев А. В. Преодолей себя. М., 2003. 280 с.
20. Горбунов Г. Д. Психопедагогика спорта : учеб. пособие. М., 2012. 311 с.
21. Родионов А. В. Влияние психологических факторов на спортивный результат. М., 1983. 112 с.
22. Коротких И. А., Кошенина В. В. Психофизиологические особенности кикбоксеров и их влияние на успешность соревновательной деятельности // Молодой ученый. 2019. № 44(282). С. 305–312.
23. Марков К. К., Сивохов В. Л., Чечев И. С. Экспериментальные исследования уровня психомоторных качеств высококвалифицированных кикбоксеров // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 5. С. 269–274.
24. Ильин Е. П. Психология воли : учеб. пособие. СПб., 2009. 368 с.
25. Яковых Ю. В. Формирование помехоустойчивости у юных баскетболистов : дис. ... канд. пед. наук. Сургут, 2005. 156 с.
26. Бабушкин Г. Д., Диких К. В. Интеллектуально-психологическая подготовка спортсмена : монография. Омск, 2013. 240 с.
27. Спортивная психология : учебник / под ред. проф. Г. Д. Бабушкина. Омск, 2012. 440 с.
28. Науменко Е. А. Ориентиры интуитивности : монография. Тюмень, 2001. 230 с.
29. Сурков Е. Н. Антиципация в спорте : монография. М., 1982. 144 с.
30. Чечев И. С., Марков К. К., Кулиев В. К., Денискин В. В. Эффективность методики развития психомоторных качеств боксеров на основе повышения их различительной чувствительности по параметрам движения // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2021. № 4. С. 74–76.
31. Юров И. А. Антиципация в спортивной деятельности // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии : сб. науч. тр. М., 2021. С. 395–406.
32. Психология соревновательной деятельности спортсмена : монография / под ред. Г. Д. Бабушкина, В. Н. Смоленцевой. Омск, 2010. 264 с.

Поступила 23.12.2025; одобрена после рецензирования 12.01.2026; принята к публикации 30.03.2026.

Научно-практическая статья

УДК 796.799 © Андрущишин И. Ф., Каранеев А. А., Гераськин А. А., Денисенко Ю. П., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-236-243

5.8.5. Теория и методика спорта

Эффективность технико-тактической деятельности в бильярдном спорте

Иосиф Францевич Андрущишин, доктор педагогических наук, профессор кафедры теоретических основ физической культуры и спорта¹; ifandru2@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0995-9966>

Алихан Ансарьевич Каранеев, докторант¹; Aytelenov59@gmail.com

Анатолий Александрович Гераськин, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики физической культуры и спорта¹; geraskin@mail.ru

Юрий Прокофьевич Денисенко, доктор биологических наук, профессор кафедры теории и методики физической культуры и спорта¹; yprof@yandex.ru

¹ *Казахская академия спорта и туризма, 050022, Алматы, пр-кт Абая, 85, Республика Казахстан*

Реферат. Введение. Проблема технической и тактической подготовки бильярдиста рассматривалась только в методическом аспекте, при этом не затрагивались теоретические и функциональные закономерности игровой деятельности. Цель — выявление эффективности авторской методики совершенствования технико-тактической деятельности бильярдистов высокой квалификации. **Материалы и методы.** Визуализация игровой деятельности бильярдистов в условиях тренировки и соревнований; авторская компьютерная методика регистрации технико-тактических действий, включающая различные виды ударов; методика совершенствования технико-тактических действий, состоящая из двух комплексов технико-тактических заданий и упражнений; методы математической статистики. Сформированы экспериментальная и контрольная группы, включавшие по 14 бильярдистов высокой квалификации, равноценных по уровню спортивного мастерства. Эксперимент проводился с января по декабрь 2020 г. **Результаты и обсуждение.** Эффективность авторской методики выявлялась путем применения компьютерной технологии регистрации технико-тактических действий, разработанной с помощью программы Excel. Выражены два достаточно четких методологических подхода к совершенствованию технико-тактической подготовки: первый основан на моделировании естественных условий соревновательной деятельности и ориентирован в большей степени на совершенствование тактической стороны игровой деятельности, а второй базируется на принципах компьютерного моделирования и, прежде всего, направлен на совершенствование техники бильярда. **Выводы.** В тренировке высококвалифицированных бильярдистов тактика имеет большое значение в достижении высоких соревновательных результатов. Менее квалифицированным игрокам полезнее тренировка с применением компьютерных технологий, позволяющая быстрее улучшить технику бильярда.

Ключевые слова: бильярдист, технико-тактические действия, эксперимент, результативность ударов, методика

Для цитирования: Андрущишин И. Ф., Каранеев А. А., Гераськин А. А., Денисенко Ю. П. Эффективность технико-тактической деятельности в бильярдном спорте // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 2(105). С. 236–243. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-236-243>

Scientific and Practical Article

UDC 796.799 © Andrushchishin I. F., Karanev A. A., Geras'kin A. A., Denisenko Yu. P., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-2105-236-243

5.8.5. Theory and Methods of Sports

Efficiency of Technical and Tactical Activities in Billiard Sports

Iosif F. Andrushchishin, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor at the chair of Theoretical Fundamentals of Physical Culture and Sports¹; ifandru2@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0995-9966>

Alikhan A. Karanev, doctoral student¹; Aytelenov59@gmail.com

Anatoly A. Geras'kin, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor at the chair of Theory and Methods of Physical Culture and Sports¹; geraskin@mail.ru

Yuri P. Denisenko, Doctor of Science (in Biology), Professor at the chair of Theory and Methods of Physical Culture and Sports¹; yprof@yandex.ru

¹ *Kazakh Academy of Sport and Tourism, 85 Abai Avenue, Almaty, 050022, Kazakhstan*

Abstract. Introduction. Among the most essential scientific and pedagogical problems of billiards, the problem of technical and tactical training of a billiard player is considered only in the methodological aspect, without affecting the theoretical and functional laws of gaming activity, which significantly hinders the development of this sport. The goal is to reveal the effectiveness of the authors' methodics for improving the technical and tactical activities of highly qualified billiard players. **Materials and Methods.** Visualization of the game activities of billiard players in training and competitions, the authors' computer technique for registering technical and tactical actions, including various types of stroke: straight and cut, right and left side, rolls to the right and left when performing the upper right and left side, technique for improving technical and tactical actions, consisting of two complexes of technical and tactical tasks and exercises, methods of mathematical statistics. Experimental and control groups were formed, including 14 highly qualified billiards players, equal in level of sportsmanship. The experiment was conducted from January to December 2020. **Results and Discussion.** The effectiveness of the authors' methodics was revealed through the use of computer technology for recording technical and tactical actions developed using Excel programme. Two fairly distinct methodological approaches to improving technical

and tactical training are distinguished: the first approach is based on modeling the natural conditions of competitive activity and is focused more on improving the tactical side of gaming activity, and the second is based on the principles of computer modeling and is more focused on improving billiards techniques. **Conclusions.** In order to improve technical and tactical activities in training highly qualified billiard players, tactics is of greater importance for achieving high competitive results. It is more useful for less qualified players to train via computer technology, which allows them to improve the technique of billiards faster.

Keywords: billiard player, technical and tactical activities, experiment, effectiveness of shots, methodics

Citation: Andrushchishin I. F., Karaneev A. A., Geras'kin A. A., Denisenko Yu. P. Efficiency of Technical and Tactical Activities in Billiard Sports. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 2(105). Pp. 236–243 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-2105-236-243>

Основные положения

1. В методических источниках понятие бильярда рассматривается в двух аспектах: с одной стороны, бильярд — это развлекательная игра для отдыха, а с другой — это вид спорта, требующий значительных физических сил, а часто и максимального психического напряжения [1]. Понимание различий между игрой и спортом может быть достигнуто, если идентифицировать эти два термина как два разных понятия. Спорт — это физическая активность, осуществляемая в соответствии с фиксированным набором правил, с соревнованиями, самоудовлетворением. Игра — это развлекательная деятельность с участием одного или нескольких игроков, определяемая целью, которую игроки должны достичь, и реализующаяся согласно правилам [2].

2. Среди наиболее значимых научно-педагогических проблем бильярда главное место занимает техническая и тактическая подготовка бильярдиста. В меньшей степени актуальна проблема физической подготовки.

3. Тренировка технико-тактических действий происходит по индивидуальному плану, и каждый высококвалифицированный бильярдист, как правило, сам для себя определяет подходы к технико-тактической подготовке и ее содержание, интуитивно подстраивая ее под свои особенности, не принимая во внимание те или иные закономерности. Как следствие, возникает большое число малосистематизированных вариантов тренировки и методики их применения.

4. Развитие цифровых технологий и компьютерного моделирования подтолкнуло исследователей к тому, чтобы использовать их для повышения эффективности тактических решений в бильярде при определении варианта нанесения удара.

5. Многие методики ориентированы на формирование техники бильярда и в очень малой степени связаны с совершенствованием тактики. Для повышения технико-тактического мастерства бильярдистов экстракласса, когда в тренировочном процессе достигается почти стопроцентная результативность ударов, использование таких методик будет недостаточно эффективным.

6. Анализ тренировочной деятельности показал, что рост эффективности технико-тактических

действий может быть достигнут путем повышения уровня организации тренировочного процесса и применения новых методических приемов тренировки, опирающихся на увеличение интенсивности и объема тренировочных средств, используемых сильнейшими бильярдистами Республики Казахстан, входящими в мировую элиту по некоторым видам бильярдного спорта. Обобщение этих методических приемов и использование новых принципов и подходов к тренировочному процессу позволяют разработать оригинальную методику тренировки, способствующую росту спортивного мастерства высококвалифицированных бильярдистов и усилению на этой основе результативности и эффективности соревновательной деятельности. Сущность методики заключается в том, что она нацелена на максимально возможное в условиях тренировки моделирование разнообразных игровых ситуаций и их интенсивную отработку. Наиболее значительную часть таких тактических действий занимают отыгрыши — борьба за создание более благоприятных возможностей для нанесения результативного удара [3].

Введение

Актуальность, значимость, сущность проблемы. Среди наиболее значимых научно-педагогических проблем бильярда главное место занимает подготовка бильярдиста, прежде всего техническая и тактическая. До сих пор эту проблему рассматривали только в методическом аспекте, не затрагивая теоретических и функциональных закономерностей игровой деятельности.

Как вид спорта бильярд начал активно развиваться в Казахстане в начале 90-х годов XX в. Среди наиболее значимых научно-педагогических проблем бильярда главное место занимает техническая и тактическая подготовка бильярдиста. В меньшей степени возникает проблема физической подготовки. Следует отметить, что к физической подготовке бильярдиста не предъявляются особые требования. По нашим наблюдениям, подавляющая часть казахстанских бильярдистов в рамках физической подготовки занимается пробежками двух-трехкилометровых дистанций, кроссом и общеразвивающими упражнениями для развития мышц верхнего плечевого пояса 3–4 раза в неделю.

Цель — выявление эффективности авторской методики совершенствования технико-тактической деятельности бильярдистов высокой квалификации.

Теоретические предпосылки и степень разработанности проблемы. В зарубежных исследованиях рассматриваются координационные способности бильярдистов как основной компонент физической подготовки [4]. Детерминируется это тем, что при длительной физической нагрузке в первую очередь устают сенсомоторные механизмы, обеспечивающие координационную деятельность. Поэтому основной частью тренировочного процесса является совершенствование технико-тактических действий. В тренировочном процессе физическая подготовка интерпретируется в контексте технико-тактической подготовки. Одни авторы считают, что овладеть техникой и тактикой бильярда можно за 70 часов¹, другие утверждают, чтобы освоить тот или иной удар, нужно как минимум 200 повторений на одной тренировке [5], третьи говорят, что для подготовки квалифицированного бильярдиста требуется от 9 до 15 лет [6]. Совершенно особый подход к овладению секретами бильярдной игры предлагается в книге Г. Г. Кориолиса, где техника и тактика игры позиционировались сквозь призму математической теории [7]. В. В. Лазарев рекомендует профессиональным игрокам двухчасовой объем тренировки, который при необходимости можно увеличить до четырех часов [8]. Такая методика позволит, на его взгляд, достичь высокого уровня тренированности и мастерства.

В зарубежных источниках опубликованы исследования, связанные с овладением техникой бильярда. Так, описываются основные, по мнению авторов, правила овладения техникой бильярда (хват кия; правильная стойка для нанесения удара; выравнивание тела в направлении целевого шара, когда рука, глаза, голова и кий находятся на прямой линии; тренировка в раскачивании маятника, при котором часть руки ниже локтя совершает маятниковые движения вперед и назад; выбор типа моста для направленной поддержки кия и его тренировка; разработка индивидуальной программы выполнения удара) [9]. Как полагают М. Greenspan и его соавторы, можно использовать для тренировки метод визуализации (идеомоторной тренировки) [10]. Методику обучения технике и тактике игры с помощью иллюстраций и фотографий предлагает R. Eckert, считая ее достаточно эффективной, особенно на начальном этапе [11]. Этот же автор говорит о необходимости обязательного использования опытного инструктора для овладения бильярдом.

Представляет интерес проект, направленный на разработку виртуального помощника по освоению

бильярда (VBA), который должен заменить человека-тренера [12].

Зарубежными исследователями обсуждаются возможности использования компьютерных видеоплееров для совершенствования технико-тактических навыков игры бильярдистов [2; 13–18].

Проведенный обзор показывает многообразие методов технико-тактической подготовки бильярдистов и подходов к ней. В публикациях на английском языке описывается широкое использование цифровых технологий в тренировочном процессе, т. е. компьютерных роботов, для повышения качества технической подготовки в бильярдном спорте. Однако это далеко не всегда гарантирует ее достоверное улучшение [19], но свидетельствует о новом методологическом подходе к тренировочному процессу.

Материалы и методы

Для проведения экспериментального исследования и обобщения его результатов в работе применялись методы научно-теоретического анализа по изучению организации тренировки и совершенствованию эффективности технико-тактической деятельности в бильярдном спорте; наблюдение тренировочной и соревновательной деятельности высококвалифицированных бильярдистов; эксперимент с использованием авторской методики, направленной на повышение эффективности и результативности технико-тактической деятельности; компьютерная методика регистрации результативности технико-тактических действий, опубликованная в журнале «Теория и методика физической культуры», являющемся рецензируемым изданием Комитета по контролю Министерства образования и науки Республики Казахстан [20], методы описательной математической статистики [21].

Для проведения эксперимента были сформированы две группы: экспериментальная (14 чел.) и контрольная (14 чел.). К числу высококвалифицированных бильярдистов были отнесены кандидаты в мастера спорта — 1 чел., мастера спорта — 18 чел., мастера спорта международного класса — 7 чел. и заслуженные мастера спорта — 2 чел. Все бильярдисты выступают на чемпионатах Республики Казахстан, Азии, Европы и мира, в том числе престижных международных турнирах, куда приглашаются спортсмены топ-100 рейтинга по свободной и динамичной пирамидам. Многие респонденты являются чемпионами и призерами этих турниров. Каждый из заслуженных мастеров спорта дважды становился чемпионом мира по свободной и динамичной пирамидам.

Участникам экспериментальной группы были подробно объяснены все упражнения и задания, включенные в методику, условия и график последовательности их выполнения в ходе всего периода экспе-

¹ Андрианов Д. Е. Дополнительная общеобразовательная общеразвивающая программа «Мастер игры на бильярде». Кировск, 2019. С. 10.

римента, проходившего в течение одного спортивного сезона с 1 января по 31 декабря 2020 г. Программа тренировочного процесса предусматривала 12 тренировок в неделю с выходным днем в воскресенье. Продолжительность утренних тренировок составляла от 1 до 1,5 часа, а вечерних тренировок — от 2 часов до 1,5 часа. Продолжительность вечерних тренировок обуславливалась характером тренировочных заданий и временем, за которое должно быть выполнено то или иное упражнение (задание). Иногда тренировка могла по времени зависеть от эмоционального или психического состояния бильярдистов. Однако, как правило, длительность тренировки совпадала с продолжительностью тренировочной партии или матча. В соответствии с правилами практически всех основных видов спортивного бильярда матч может длиться в диапазоне от 3 до 7 выигранных партий одним из игроков. Регламент выигранных партий устанавливается организаторами турнира и чаще всего зависит от его престижности. В официальных турнирах (национальных, континентальных и мировых чемпионатах) играют чаще всего до 7 выигранных партий одним из игроков. Результативность технико-тактических показателей определяется в процентах по разработанной нами формуле:

$$РД = \frac{\Sigma + \text{шаров}}{\Sigma + \text{шаров} + \Sigma - \text{шаров}} \times 100\%,$$

где РД — результативность деятельности;
 $\Sigma + \text{шаров}$ — сумма забитых шаров в лузу за время партии;
 $\Sigma - \text{шаров}$ — сумма незабитых шаров в партии.

Регистрация технико-тактических показателей в ходе соревновательных матчей осуществлялась наблюдателем международной категории. Его задача заключалась в том, чтобы идентифицировать удар, произведенный спортсменом, с теми, которые включены в содержание методики, и занести результат удара в электронный протокол. В электронном протоколе подсчитывалась сумма забитых и незабитых шаров, а также отыгрышей (тактические удары, задача которых не забить шар, а создать трудности сопернику, чтобы с его ответным ударом появились наиболее выгодные возможности для нанесения результативного удара бильярдистом, чья эффективность записывается). Обработка результатов выполненных ударов проводилась с помощью предложенной авторами методики в программе Excel. Перед началом эксперимента были сняты технико-тактические показатели результативности всех ударов (прямой удар, резаный удар, правый боковик, левый боковик, верхний правый боковик, верхний левый боковик (накат влево), нижний правый боковик (оттяжка вправо), нижний левый боковик (оттяжка влево), накат, оттяжка, клапшотос, дуплет, резаный дуплет, круазе-оборотный, перескок), входящих в компьютерную методику и служивших фоновыми данными. После завершения эксперимента были сделаны повторные из-

мерения этих же технико-тактических показателей. Все респонденты экспериментальной и контрольной групп тренировались в своих клубах на территории Республики Казахстан независимо друг от друга. Бильярдисты, занимавшиеся по экспериментальной программе, практически всегда могли получать методические консультации по мобильной связи, если возникали какие-либо затруднения при применении упражнений и заданий методики в ходе тренировочного процесса.

При формировании экспериментальной и контрольной групп сначала на основе рейтинга было отобрано 28 человек, которые затем методом рандомизации были распределены на две равнозначные по степени спортивного мастерства группы. Все участники эксперимента дали согласие на участие в нем с условием, что полученные данные о технико-тактической эффективности будут использованы в научных целях.

Результаты и обсуждение

Проверка эффективности разработанной методики осуществлялась после окончания эксперимента. Показатели результативности технико-тактических действий экспериментальной и контрольной групп, полученные с помощью компьютерной методики, были подвержены статистическому сравнительному анализу с использованием параметрического t-критерия Стьюдента. Данные, зафиксированные до начала эксперимента, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Показатели результативности экспериментальной и контрольной групп до эксперимента (n=28)
 (Table 1. Differences in performance indicators of the experimental and control groups before the experiment (n=28))

Показатели методики, %	Экспериментальная группа		Контрольная группа		t	p
	$\bar{x}$	σ	$\bar{x}$	σ		
Прямой удар	11,6	1,41	11,9	3,37	0,309	—
Резаный удар	37,0	2,54	37,4	3,11	0,374	—
Правый боковик	8,10	2,93	7,74	2,77	0,333	—
Левый боковик	9,30	0,82	8,66	0,81	2,00	—
Верхний правый боковик (накат вправо)	7,50	2,82	7,70	2,77	0,190	—
Верхний левый боковик (накат влево)	7,90	2,28	7,30	2,76	0,625	—
Нижний правый боковик (оттяжка вправо)	1,60	0,33	1,89	0,45	1,933	—
Нижний левый боковик (оттяжка влево)	2,10	0,58	2,12	0,46	0,100	—
Накат	4,90	0,62	4,70	0,53	0,909	—
Оттяжка	5,10	0,69	5,57	0,61	1,958	—
Клапшотос	2,80	0,43	2,66	0,47	0,824	—
Дуплет	0,10	0,06	0,08	0,03	1,000	—
Резаный дуплет	0,06	0,02	0,06	0,01	0	—
Круазе-оборотный	0,06	0,01	0,04	0,01	—	—
Перескок	0,03	0,009	0,04	0,008	—	—

Как следует из таблицы 1, ни по одному из видов ударов нет статистических различий между контрольной и экспериментальной группами. Это является

свидетельством того, что обе группы предъявили равнозначные результаты, т. е. находятся на одинаковом уровне спортивного мастерства. Значения t -критерия во всех случаях не достигают необходимого уровня значимости. Следует сказать, что показатели технико-тактических действий (удары) имеют разную среднепроцентную результативность. Из общего числа ударов наиболее часто (более трети) бильярдисты выполняли резанные удары: в экспериментальной группе (далее — ЭГ) — 37 %, в контрольной группе (далее — КГ) — 37,4 %. На втором месте находятся прямые удары (ЭГ — 11,6 %; КГ — 11,9%); на третьем месте — левый боковик (ЭГ — 9,3 % и КГ — 8,66 %) и на четвертом — правый боковик (ЭГ — 8,1 % и КГ — 7,74 %). Реже всего применялись резанный дуплет, круазе-оборотный и перескок, для которых статистические различия ввиду крайне низких значений результативности не вычислялись. Можно говорить, что результативность этих ударов практически не оказывала никакого влияния на общий результат игры. Тем более что в конце партии или матча выполнение таких технически сложных и труднопредсказуемых с точки зрения результативности ударов (попадание шара в лузу) бильярдистами практически исключалось.

После завершения эксперимента в ходе соревновательной деятельности были повторно зарегистри-

Таблица 2. Показатели результативности экспериментальной и контрольной групп после эксперимента (n=28)
(Table 2. Differences in performance indicators of the experimental and control groups after the experiment (n=28))

Показатели методики, %	Экспериментальная группа		Контрольная группа		t	p
	$\bar{X}$	σ	$\bar{X}$	σ		
Прямой удар	13,3	1,42	10,9	2,13	3,529	<0,01
Резанный удар	41,0	2,65	37,6	3,40	2,956	<0,01
Правый боковик	6,30	1,34	5,23	1,23	2,184	<0,05
Левый боковик	8,70	0,83	7,66	1,01	2,971	<0,01
Верхний правый боковик (накат вправо)	8,70	2,84	7,72	1,35	1,042	—
Верхний левый боковик (накат влево)	9,32	1,94	8,28	2,06	1,386	—
Нижний правый боковик (оттяжка вправо)	1,41	0,24	1,01	0,40	3,333	<0,01
Нижний левый боковик (оттяжка влево)	3,17	0,63	1,92	0,37	6,250	<0,001
Накат	5,84	0,53	4,16	0,34	9,882	<0,001
Оттяжка	6,33	0,67	4,83	0,30	7,894	<0,001
Клапштос	1,70	0,11	2,66	0,23	4,0	<0,001
Дуплет	0,13	0,02	0,08	0,009	2,5	<0,05
Резанный дуплет	0,04	0,001	0,06	0,003	—	—
Круазе-оборотный	0,03	0,002	0,04	0,003	—	—
Перескок	0,02	0,002	0,04	0,002	—	—

рованы те же средние показатели результативности технико-тактических действий, что и до начала. Они приведены в таблице 2.

Как следует из таблицы 2, в ходе эксперимента имели место существенные изменения. Экспериментальная группа достоверно превзошла контрольную по девяти видам ударов: прямой удар ($t=3,529$; $p<0,01$), резанный удар ($t=2,596$; $p<0,01$), правый боковик ($t=2,184$; $p<0,05$), левый боковик ($t=2,971$; $p<0,01$), нижний правый боковик (оттяжка вправо) ($t=3,333$; $p<0,01$), нижний левый боковик (оттяжка влево) ($t=6,250$; $p<0,001$), накат ($t=9,882$; $p<0,001$), оттяжка ($t=7,894$; $p<0,001$), дуплет ($t=2,5$; $p<0,05$). Только в одном виде ударов контрольная группа была результативнее экспериментальной: при выполнении клапштоса, занимающего 11-е место в рейтинге наиболее значимых ударов ($t=4,0$; $p<0,01$). Что касается таких ударов, как резанный дуплет, круазе-оборотный и перескок, то выявление статистического различия не проводилось по причине нецелесообразности, поскольку произошедшие изменения едва заметны.

Полученные данные о преимуществе в результативности технико-тактических действий экспериментальной группы над контрольной в соответствии с математической статистикой еще не являются достаточным основанием для того, чтобы говорить об эффективности разработанной нами методики. Требуется сравнить уже полученные показатели результативности ЭГ до и после эксперимента. Их достоверное увеличение после эксперимента будет выступать наиболее важным доказательством эффективности методики

Таблица 3. Показатели результативности экспериментальной группы до и после эксперимента (n=14)
(Table 3. Differences in performance indicators of the experimental group before and after the experiment (n=14))

Показатели методики, %	До эксперимента		После эксперимента		t	p
	$\bar{X}$	σ	$\bar{X}$	σ		
Прямой удар	11,6	1,41	13,3	1,55	3,036	0,01
Резанный удар	37,0	2,54	41,0	2,65	4,081	0,001
Правый боковик	8,10	2,93	6,30	1,34	2,093	0,05
Левый боковик	9,30	0,82	8,70	0,83	1,875	—
Верхний правый боковик (накат вправо)	7,50	2,84	8,70	2,84	1,132	—
Верхний левый боковик (накат влево)	7,90	1,28	9,32	1,94	2,290	0,05
Нижний правый боковик (оттяжка вправо)	1,60	0,33	1,41	0,24	1,900	—
Нижний левый боковик (оттяжка влево)	2,10	0,58	3,17	0,63	4,458	0,001
Накат	4,90	0,62	5,84	0,53	4,272	0,001
Оттяжка	5,10	0,69	6,33	0,67	5,125	0,001
Клапштос	2,80	0,43	1,70	0,41	7,857	0,001
Дуплет	0,10	0,06	0,12	0,07	0,667	—
Резанный дуплет	0,06	0,02	0,04	0,005	—	—
Круазе-оборотный	0,06	0,01	0,03	0,008	—	—
Перескок	0,03	0,009	0,02	0,007	—	—

при условии, что они также превысят результативность КГ после эксперимента.

Выполненный нами статистический анализ средних значений результативности (табл. 3) показывает, что после завершения эксперимента ЭГ достоверно превзошла начальные показатели по семи видам ударов: прямому удару ($t=3,036$; $p<0,01$), резаному удару ($t=4,081$; $p<0,001$), верхнему левому боковому (накату влево) ($t=2,290$; $p<0,05$), нижнему левому боковому (оттяжке влево) ($t=5,125$; $p<0,001$), клапшоту ($t=7,857$; $p<0,001$).

Что касается резаного дуплета, круазе-оборотного и перескока, то здесь ситуация не изменилась, и вычисление достоверности различия также было лишено практического смысла. Кроме того, очень важно понимать, что достоверное преимущество продемонстрировали наиболее часто применяемые бильярдистами технико-тактические удары.

Таким образом, результаты вычисления t -критерия Стьюдента дают все основания говорить о том, что повышение эффективности выполняемых ЭГ ударов достоверно связано с применением в ходе эксперимента разработанной нами методики, направленной на улучшение результативности технико-тактических действий высококвалифицированных бильярдистов.

Наблюдения за деятельностью казахстанских бильярдистов показывают, что в тренировочном процессе они часто вообще не отводят время на физическое совершенствование, полагаясь на свои природные данные. Тем не менее спортсмены демонстрируют высокий уровень достижений на международной арене. Вряд ли такое легкомыслие оправданно: при продолжительном матче будет сказываться усталость, которая может отражаться не только на физическом состоянии и двигательной активности бильярдиста, но и на эффективности его технико-тактических действий, прежде всего на точности выполняемых ударов. Об этом свидетельствует увеличение количества ошибок, фиксируемых у высококвалифицированных бильярдистов в конце затяжного матча или игрового дня.

Несмотря на очевидную взаимосвязь физической и технико-тактической подготовки, в научной литературе по бильярду крайне мало исследований, посвященных научно-методическим вопросам физической подготовки во взаимосвязи с процессом технико-тактического совершенствования. В российских учебных программах детских спортивных школ по бильярду присутствует раздел физической подготовки. Однако из анализа данных программ следует, что эти разделы фактически сводятся к содержанию процесса технико-тактической подготовки². По су-

ществу, это напоминает методические рекомендации, в которых не упоминаются понятия «объем нагрузки», «интенсивность», «направленность», какие-либо ориентировочные количественные и качественные данные, реакции организма на нагрузки и т. д. А. В. Титовский вообще предлагает рассматривать бильярд как инновационное средство учебного процесса по дисциплине «Физическая культура» [22].

Вместе с тем наблюдаемое в учебно-тренировочном процессе снижение объема времени на физическую подготовку приводит к увеличению объема времени для занятий технико-тактической подготовкой, что может служить своеобразным компенсаторным механизмом, способствующим увеличению количества технико-тактических действий. Однако наличие такого компенсаторного механизма не является гарантией улучшения результативности и эффективности соревновательной деятельности.

Подводя итоги формирующего эксперимента, следует сказать, что применение разработанной авторской методики, построенной с учетом применения новых методических приемов и высокого уровня организации тренировочного процесса, обуславливающих увеличение интенсивности и объема тренировочных средств при совершенствовании технико-тактических действий, позволяет существенно улучшить спортивное мастерство бильярдистов высокой квалификации. Исследований аналогичного плана как в отечественной, так и в русскоязычной литературе нами не обнаружено.

Достоинство разработанной нами методики проявляется в том, что:

- она может применяться в естественных условиях тренировочно-соревновательного процесса, не требуя никаких дополнительных устройств или специального оборудования, достаточно стандартного бильярдного стола, шаров и кия;
- выполнение упражнений, составляющих содержание методики, позволяет максимально приблизиться к условиям игровой соревновательной деятельности;
- содержание упражнений и заданий моделирует реальные игровые ситуации;
- возникает возможность повышения интенсивности тренировки наиболее часто встречающихся и типичных игровых ситуаций;
- совершенствуются такие актуальные для технико-тактической деятельности параметры игры, как стабильность и надежность двигательных действий (ударов). Чем больше точных попаданий в лузу выполняет игрок за определенную единицу времени, тем большую стабильность и надежность приобретает навык. Упрочнению навыка способствует также по-

² Сидоренко А. Н. Дополнительная общеобразовательная общеразвивающая программа физкультурно-спортивной направленности (Бильярдный спорт). Подбельск, 2020. 24 с.; Карамышева О. М. Дополнительная предпрофессиональная программа в области физической культуры и спорта. Бильярдный спорт. Тюмень, 2019. 86 с.

вышение скорострельности ударов (увеличение количества попаданий в лузу за единицу времени) при условии сохранения их точности.

Еще один плюс методики — это возможность проведения статистического сравнительного анализа игры бильярдистов. Могут быть получены данные результативности по каждому виду применяемых бильярдистами ударов и оценка значимости каждого из них для общей эффективности игровой деятельности. Опираясь на частоту применения конкретных видов ударов и их результативность, можно изучить индивидуальные особенности стиля игровой деятельности бильярдиста. Эти же данные можно использовать для вычисления рейтинга игрока не только в республике, но и на международном уровне. Применение методики будет способствовать высокому качеству управления тренировочным процессом, а при необходимости служить критерием отбора на ответственные международные турниры при наличии конкуренции среди претендентов на участие. При достаточном накоплении статистической базы данных по различным видам ударов можно будет разработать модельные характеристики эффективности технико-тактических действий для различных видов бильярда.

Вызывает интерес зарубежное исследование, посвященное проблеме повышения эффективности технико-тактических действий, где представлена модель симулятора, способного определить коэффициент сложности предположительно наносимого удара [15]. Однако в работе не приводятся статистические данные о том, как действия симулятора экстраполируются на действия реального бильярдиста, выполняющего удары за игровым столом, и есть ли при этом достоверные корреляционные связи.

Важный аспект совершенствования технико-тактической подготовки представлен в исследовании, где рассматриваются гендерные особенности принятия решений и эффективность тактической деятельности в зависимости от свойств основных нервных процессов различной сложности и латентных периодов простых и сложных сенсомоторных реакций [1].

Исследователями, осуществлявшими оценку опыта визуального прогнозирования, выявлено, что при проведении эксперимента профессиональные эксперты во время окклюзии редко экстраполировали взглядом закрытую часть траектории полета мяча [9]. Скорее, они выборочно рассматривали конкретные диагностические точки на бортах стола вдоль видимой траектории мяча в соответствии с формальной метрической системой, используемой профессиональными игроками для расчета траектории удара. Таким образом, движения глаз опытных наблюдателей содержали четкий признак бильярдного опыта и эмпирически документировали обновление стратегии в решении визуальных проблем от динамического аналогового

моделирования в изображениях до более эффективных концептуальных знаний, основанных на правилах.

Наиболее поздние работы, связанные с технико-тактической подготовкой, обусловлены в большей степени физико-математическим и техническим контекстом решаемой проблемы [16–18]. Работ, приближенных к сути нашей проблемы, обнаружить не удалось, что свидетельствует об актуальности и сложности рассматриваемых вопросов.

Нетрудно заметить отличия подходов нашего и зарубежных исследователей к методологическим основам повышения эффективности технико-тактических действий бильярдистов. Наш подход базируется на стремлении к максимально точному моделированию условий соревновательной деятельности, в то время как большинство зарубежных исследователей нацелено на использование возможностей компьютерного моделирования контента бильярдной игры. Дальнейший прогресс в совершенствовании технико-тактической деятельности лежит, на наш взгляд, в интеграции этих двух подходов и в значительной степени будет определяться индивидуальными технико-тактическими особенностями игровой деятельности, опирающейся на психофизические возможности бильярдистов.

Выводы

1. В бильярдном спорте выражены два методологических подхода к совершенствованию технико-тактической подготовки: первый основан на моделировании реальных игровых условий соревновательной деятельности и ориентирован в большей степени на совершенствование тактической стороны, а второй базируется на принципах компьютерного моделирования и, прежде всего, направлен на совершенствование техники бильярда. Первый подход является более предпочтительным в тренировке высококвалифицированных бильярдистов, где тактика крайне важна для достижения высоких соревновательных результатов; менее квалифицированным игрокам полезнее тренировка с применением компьютерных технологий, позволяющая быстрее улучшить технику игры в бильярд.

2. На современном этапе развития бильярдного спорта игроки сравнительно мало уделяют внимания физической подготовке, что обусловлено меньшей ее значимостью по сравнению с технико-тактической подготовкой, а предпочитают тренировки, направленные на технико-тактическое совершенствование с широким использованием различных аспектов игровой деятельности.

3. Наиболее часто в соревновательной практике бильярдисты используют резаный и прямой удары, правый и левый боковики, а также верхний накат вправо или влево при верхнем правом или левом боковике; реже всего применяют резаный дуплет, круазе-оборотный и перескок.

4. Результаты сравнительного анализа с применением t-критерия Стьюдента свидетельствуют о том, что рост эффективности выполняемых ЭГ ударов в ходе соревновательной деятельности достоверно обусловлено использованием разработанной нами методики, направленной на улучшение результативности технико-тактических действий бильярдистов высокой квалификации.

Область применения и перспективы. Перспективами проведенного исследования являются экстраполяция информации о возможностях авторской методики и расширение ее практического использования в тренировочном процессе для совершенствования и ускорения роста технико-тактического мастерства бильярдистов высокой квалификации.

Список источников / References

1. Radoicic G., Milosevic Z., Zarkovic B., Masanovic B. The Attitudes of Montenegrin Billiard Players towards Health and Professionalism. *International Scientific Journal*. 2021. Vol. 5, No. 2(1-41) Pp. 13–17.
2. El'maged A. Schitayetsya li bil'yard vidom sporta? *Mezhdunarodnyy zhurnal Fizicheskoye vospitaniye, sport i zdorov'ye*. 2017. № 4(3). Pp. 248–251.
3. Каранеев А. А., Денисенко Ю. П. Техничко-тактичское совершенствование высококвалифицированных бильярдистов // Теория и методика физической культуры. 2021. № 2(64). С. 45–51.
4. Baich M., Polishchuk L., Nagornaya V. Coordination abilities as the main component of physical training of high-level athletes in game sports (for example, billiards and tennis). *Science in Olympic Sports*. 2014. No. 3. Pp. 8–12.
5. Пеишев С. Л. Тактика и психология игры на бильярде. Саранск, 2011. 189 с.
6. Капранов В. А. Спортивный бильярд. Полное руководство по игре. М., 2008. 448 с.
7. Кориолис Г. Г. Математическая теория явлений бильярдной игры. М., 1956. 235 с.
8. Лазарев В. В. Бильярд: Игра разума и силы воображения. Рекомендовано как учеб. пособие по русскому бильярду. М., 2003. 114 с.
9. Crespi S., Robino C., Silva O., de'Sperati C. Spotting expertise in the eyes: Billiards knowledge as revealed by gaze shifts in a dynamic visual prediction task. *Journal of Vision*. 2012. No. 12(11). Pp. 1–19.
10. Greenspan M., Lam J., Godard M., Zaidi I., Jordan S., Leckie W., Anderson K. Toward Dupuis a competitive pool-playing robot. *Computer*. 2008. No. 41(1). Pp. 46–53.
11. Eckert R. Modern Pool: Technique, Training and Tactics, Edition 4. Litho-Verlag eK. 2014. 320 p.
12. Balen v J. A Virtual Billiard Assistant Master's Thesis. September. 2009. Pp. 5–70.
13. Jaap H. van den Herik, Shun chin Hsu, Tsan sheng Hsu, and H. H. L. M. Donkers, editors. Advances in Computer Games, 11th International Conference, ACG 2005, Taipei, Taiwan, September 6–9, 2005. Revised Papers, Vol. 4250 of Lecture Notes in Computer.
14. Landry J.-F., Dussault J.-P. AI optimization of a billiard player. *Journal of Intelligent and Robotic Systems*. 2007. No. 50(4). Pp. 399–417.
15. Landry J.-F., Dussault J.-P., Mahey P. Billiards: An optimization challenge — Conference: Fourth International C* Conference on Computer Science & Software Engineering. May 16–18, 2011. Montreal (Quebec, Canada), 2011.
16. Zhao L. Projective dynamics and an integrable billiard Boltzmann model. *Communications in Modern Mathematics*. 2021. No. 24(10).
17. Erlandsson V., Leininger K. J., Sadanand S. Hyperbolic cone metric and billiards. *Achievements in mathematics*. 2022. 409 p.
18. Tick T., Sidlinsky D. Spherical wedge-shaped billiards: from chaos to fractals and Talbot carpets. *Physical Review E*. 2022. No. 106(5).
19. Dussault J.-P. and Landry J.-F. Optimization of a Billiard Player — Tactical Play. D'epartement d'Informatique, Universit'e de Sherbrooke, Sherbrooke (Qu'ebec), Canada. CG 2006. Pp. 256–270, 2007. LNCS 4630.
20. Каранеев А. А., Андрущишин И. Ф., Гераськин А. А. Методика регистрации эффективности технико-тактических действий, разработанная с помощью компьютерной программы Excel // Теория и методика физической культуры. 2021. № 2(64). С. 38–44.
21. Лакин Г. Ф. Биометрия : учеб. пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1990. 352 с.
22. Титовский А. В. Бильярд как инновационное направление учебного процесса по дисциплине «Физическая культура» // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2016. № 3. С. 90–95.

Поступила 18.09.2025; одобрена после рецензирования 25.01.2026; принята к публикации 30.03.2026.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Общетеоретические и отраслевые проблемы юридической науки и практики

General theoretical and branch-related issues of juridical science and practice

Научно-практическая статья
УДК 343.43 © Ревягин А. В., 2026
doi: 10. 24411/1999-6241-2026-2105-244-248
5.1.4. Уголовно-правовые науки

Состояние криминологического обеспечения безопасности личности

Александр Валерьевич Ревягин, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и профилактики преступлений¹; rav090@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4523-5890>

¹ Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр-кт Комарова, 7, Россия

Реферат. Введение. Цель — провести сравнительный анализ состояния криминологической безопасности и определить новые пути ее обеспечения и совершенствования. **Материалы, результаты и обсуждение.** Исследованием установлено, что более 60 % граждан нашей страны испытывают опасения стать жертвами различных преступлений и правонарушений. Диагностика состояния криминологической безопасности на территории Омской области показала, что более 73 % граждан опасаются стать жертвами киберпреступности, террористических и экстремистских проявлений, а также бытовой коррупции. При этом 49 % испытывают определенные сомнения в том, что полиция сможет их защитить от криминальных угроз. Проанкетированы 719 граждан Омска. **Выводы.** Диагностированы позитивные тенденции в деятельности полиции по противодействию преступности, однако все еще наблюдается достаточно невысокий уровень обеспечения защиты наших граждан от противоправных проявлений. Следует разработать новые подходы к обеспечению криминологической безопасности в современных условиях.

Ключевые слова: профилактика преступности, противодействие преступности, угрозы криминологической безопасности

Для цитирования: Ревягин А. В. Состояние криминологического обеспечения безопасности личности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 2(105). С. 244–248. <https://doi.org/10. 24411/1999-6241-2026-2105-244-248>

Scientific and Practical Article
UDC 343.43 © Revyagin A. V., 2026
doi: 10. 24411/1999-6241-2026-2105-244-248
5.1.4. Criminal Law Sciences

The State of Personal Security provided by means of Criminology

Alexander V. Revyagin, Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, chief of the chair of Criminology and Prevention of Crimes¹; rav090@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4523-5890>

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7, Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract. Introduction. The objective is to make a comparative analysis of the state of criminological safety and outline new ways for providing and improving it. **Materials, Results and Discussion.** As a result of the study, it was found that more than 60 % of citizens of our country are afraid of becoming victims of various crimes and offenses. Diagnostics of the state of criminological safety in the Omsk region showed that more than 73 % of citizens are afraid of becoming victims of cybercriminals, terrorists, extremist manifestations, as well as everyday corruption. At the same time, 49 % have certain doubts that the police will be able to protect them from criminal threats. The survey involved 719 Omsk citizens. **Conclusions.** Positive trends in police activities to fight crime have been diagnosed, but there is still a fairly low level of ensuring the protection of our citizens from illegal manifestations. New approaches to ensure criminological safety in modern conditions should be developed.

Keywords: prevention of crime, fighting crime, threats to criminological safety

Citation: Revyagin A. V. The State of Personal Security provided by means of Criminology. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 2(105). Pp. 244–248 (In Russ.). <https://doi.org/10. 24411/1999-6241-2026-2105-244-248>

Основные положения

1. Правовая активность граждан представляется основным противодействующим вектором на пути преступности. Граждане нашего общества должны осознавать, что они выступают субъектами реагирования на противоправные проявления. Создание системы предупреждения преступности в стране — первостепенная цель современного государства и общества. Только при этом условии будет максимально эффективно обеспечиваться криминологическая безопасность граждан нашей страны.

2. Правоохранительная система должна соответствовать требованиям, которые детерминируются современной реальностью. Это позволит оперативно реагировать на постоянно возникающие новые криминальные угрозы криминологической безопасности общества и государства.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Обеспечение стабильности в обществе относится к важнейшим задачам государства, которое само является фундаментальным гарантом безопасности своих граждан. Статистическая картина состояния преступности в нашей стране меняется в лучшую сторону. Около 2 млн преступлений регистрируется ежегодно, и это значительно меньше, чем 10 или 20 лет назад. Только в 2005 г. в России было зарегистрировано более 3,5 млн преступных фактов. Вместе с тем значительная часть российских граждан (более 36 %) выражает опасения по поводу должного уровня защиты от криминальных угроз.

Эти обстоятельства негативно отражаются на имиджевой составляющей правоохранительной системы.

Цель — провести сравнительный анализ состояния криминологической безопасности и определить новые актуальные пути ее обеспечения и совершенствования.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Первопроходцами в рамках научного осмысления проблем обеспечения криминологической безопасности еще в конце 1990-х гг. стали М. М. Бабаев и В. В. Плешаков [1].

Научные исследования проблем обеспечения безопасности осуществляли С. С. Босхолов [2], М. П. Клейменов [3], М. М. Бабаев, В. В. Плешаков [4], С. Я. Лебедев [5] и др. Выработке подходов к пониманию криминологической безопасности способствовали ученые В. А. Плешаков [6], М. П. Клейменов [3], М. М. Бабаев [4], С. Я. Лебедев [5] и др.

Защита личности, общества и государства от криминальных угроз, по мнению Л. М. Прокументова и А. В. Шеслера, неотъемлемы от системы обеспечения национальной безопасности, частью которой является и криминологическая безопасность [7].

Криминологическая безопасность должна отражать реальное состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и угроз, порождаемых различными криминогенными явлениями и процессами, а также осознание людьми своей защищенности, считает профессор В. А. Плешаков [6]. Ученый обосновывает подходы к определению криминологической безопасности, что представляет собой деятельность государства, общества в целом и их институтов, имеющую целью достижение и поддержание социально приемлемого уровня защищенности жизненно важных и иных существенных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств [6, с. 67–69].

А. А. Лапин считает, что криминологическая безопасность является одним из видов общественной безопасности [8, с. 29], которая в свою очередь относится к основным направлениям государственной политики в системе обеспечения национальной безопасности РФ.

Б. Б. Бидова предлагает криминологическую безопасность определять как одно из главных направлений в системе общественной безопасности. В современных условиях следует акцентировать внимание на усиливающихся тенденциях развития новых форм преступности и повышении общественной опасности преступных проявлений [9].

В научной литературе нередко встречаются высказывания ученых о безопасности, а именно о сохранении качественной определенности и свободном, соответствующем собственной природе функционировании. Так, Г. А. Атаманов говорит о том, что может быть только безопасность кого-либо или чего-либо. Этот объект (предмет, система), безопасность которого исследуется, должен быть обязательно вычленен из окружающей среды (строго кодифицирован) и однозначно определен в языке (с его индивидуальными характеристиками) [10].

А. А. Тер-Акопов усматривает корреляцию между безопасностью с социальными факторами. По его мнению, «человек — существо социальное, его жизненно важные интересы, условия жизнедеятельности, в связи с которыми он оказывается в опасной ситуации, социально обусловлены» [11, с. 20]. Классическая модель общества — это, в первую очередь, забота о своих гражданах и ответственность за судьбу тех, кто оказался в опасности, ведь каждый индивид имеет полное право на защиту от криминогенных угроз. В связи с этим автор предлагает понимать безопасность как «систему отношений между человеком, оказавшимся в опасном состоянии, и обществом в лице государства и его органов». Далее он указывает, что «обеспечение безопасности требует властных полномочий, поэтому отношения безопасности должны иметь правовое выражение и закрепление» [11, с. 21].

Подходы к пониманию криминологической безопасности ученых свидетельствуют о том, что данное направление в криминологии относительно новое, особенно это проявляется на фоне современных криминальных угроз. Остаются малоизученными проблемы обеспечения системности и комплексности процессов обеспечения криминологической безопасности, вопросы ранней индивидуальной профилактики преступлений, на этапе которой должен купироваться ряд криминологических угроз в отношении конкретных потенциальных жертв.

Материалы, результаты и обсуждение

Сравнительный анализ и соотношение результатов опросов граждан о состоянии криминологического обеспечения безопасности личности. В 2024 г. в рамках криминологической диагностики общественного мнения (проанкетированы 719 граждан Омска) об уровне криминологической безопасности личности и эффективности деятельности органов внутренних дел мы получили сведения о том, что большинство людей считает небезопасным проживание в нашей стране. Первое исследование общественного мнения об уровне безопасности личности нами было проведено в 2014 г. [12]. Соотношение этих данных представлено в таблице 1.

Таблица 1. Соотношение результатов опросов граждан г. Омска об уровне безопасности личности, %
(Table 1. The ratio of the results of surveys of Omsk citizens about the level of personal safety, %)

Варианты ответов	2014 г.	2024 г.
Жизнь в последние годы стала, скорее, опаснее	33	34
Скорее, безопаснее	28	22
Опаснее	21	21
Безопаснее	7	11
Затруднились ответить	11	12

Анализ состояния преступности за последнее десятилетие говорит о том, что почти половина всех зарегистрированных преступлений остаются нераскрытыми. За период с 2014 г. по 2024 г. не раскрыто около 10 млн преступлений, и это без учета латентных преступлений. По официальным статистическим данным, только за 2024 г. осталось нераскрытым 381 убийство и покушение на убийство (+62,8 %), а также 293 факта умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (-12,8 %), 283,6 тыс. краж (-18,4 %), 2,2 тыс. грабежей (-37,2 %), 115 разбойных нападений (-20,7 %). Остались нераскрытыми 902,3 тыс. преступлений (+1,5 %) в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Преступлений прошлых лет раскрыто 41,0 тыс., что на 12,8 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Из них 30,1 % составляют тяжкие и особо тяжкие преступления (всего 12,4 тыс.).

Как видно из приведенных данных, около 1 млн граждан являются потерпевшими от преступлений и причиненный им вред пока не компенсирован. Это не может не формировать у потерпевших и их близких ощущение незащищенности от криминальных угроз.

Безусловно, это основание для поиска новых (вероятнее всего, давно забытых старых) путей решения данной проблемы.

Сегодня смело можно констатировать, что к основным угрозам криминологической безопасности граждан, общества и государства относятся терроризм, экстремизм, коррупция и информационная преступность. Усугубляется все это современной геополитической ситуацией, выраженной публичной поддержкой международного военного терроризма.

«Ощущение доверительности и защищенности человека в его мире рушится... мир является человеку в совершенно неведомой доселе тревожности и чуждости, угрозе и опасности, которые на него набрасываются и которые ему необходимо выдержать», — писал О. Ф. Больнов [13, с. 59].

Органы внутренних дел выступают одним из ключевых субъектов обеспечения криминологической безопасности, поскольку находятся в наиболее тесной связи с гражданами, чей покой в соответствии с правовыми актами они должны охранять. Реакция на новые криминальные вызовы и угрозы должна быть, безусловно, молниеносной. Это залог успеха полиции в современном мире. В качестве примера так называемого запаздывания можно назвать ущерб от преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий только в Омской области за первое полугодие 2025 г., который составляет более 350 млн руб. Главная проблема заключается в том, что самих киберпреступников очень сложно выявить, так как в большинстве случаев они находятся на территории зарубежных государств.

Пострадавшие от преступности граждане ждут быстрого раскрытия преступления и возврата денежных средств, и их абсолютно не интересуют поисковые проблемы правоохранителей. Отсутствие положительного результата является основанием для формирования негативных эмоций в адрес органов правопорядка.

Уровень доверия к органам внутренних дел. В таблице 2 представлены результаты проведенного нами исследования общественного мнения, свидетельствующие об отношении населения к органам внутренних дел.

Таблица 2. Соотношение результатов опросов граждан г. Омска об уровне доверия органам внутренних дел, %
(Table 2. The ratio of the results of surveys of Omsk citizens about the level of trust to law enforcement bodies, %)

Варианты ответов	2014 г.	2024 г.
Скорее, доверяют	43	47
Скорее, относятся с недоверием	34	29
Определенно доверяют	15	17
Затруднились ответить	8	7

Как видно из таблицы 2, по сравнению с 2014 г. в 2024 г. наблюдаются положительные тенденции в отношениях граждан и органов правопорядка. Основные

причины недоверия к полицейским обуславливаются прежде всего тем, что остается нерешенной большая часть проблемных вопросов, связанных с наличием фактов взяточничества, превышения полномочий либо использованием их в корыстных целях и др.

Защита граждан от угроз. Существует несколько степеней защищенности, в том числе абсолютная защищенность, высокая, социально терпимая, а также низкая. Справедливо возникают вопросы: какой уровень защищенности может гарантировать государство своим гражданам и на какой уровень защищенности своих прав они могут рассчитывать?

Большинство опрошенных граждан считают, что сотрудники полиции все же способны защитить их и их семьи от преступных посягательств (табл. 3).

Таблица 3. Соотношение результатов опросов граждан г. Омска о способности органов внутренних дел защитить от угроз, %

(Table 3. The ratio of the results of surveys of Omsk citizens about law enforcement bodies' ability to protect from threats, %)

Варианты ответов	2014 г.	2024 г.
Скорее, способны	46	49
Скорее, не способны	27	30
Определенно способны	12	12
Определенно не способны	5	5
Затруднились ответить	10	4

Формирование профессионального кадрового ядра в системе органов внутренних дел является приоритетной задачей нашего государства. Только профессионалы способны оперативно анализировать возникающие криминальные вызовы и принимать меры к немедленному реагированию и минимизации их последствий. Более того, профессиональная квалификация позволяет не только принимать оптимальные решения, но и выстраивать цепочку взаимоотношений с гражданами в рамках делового общения, проявлять чуткость, грамотность и профессиональный такт в общении с каждым человеком.

Отношение граждан к сотрудникам органов внутренних дел. В таблице 4 представлены данные об отношении населения к сотрудникам полиции.

Таблица 4. Соотношение результатов опросов граждан г. Омска об отношении к сотрудникам органов внутренних дел, %

(Table 4. The ratio of the results of surveys of Omsk citizens about attitude to law enforcement officers, %)

Варианты ответов	2014 г.	2024 г.
Уважают	23	28
Доверяют	16	21
Проявляют симпатию	14	15
Проявляют антипатию	12	10
Проявляют возмущение и негодование	11	9
Испытывают опасение и страх	24	17

Ни для кого не секрет, что позитивный имидж полицейского формирует у людей определенное психо-

логическое внимание, переходящее во взаимодействие. Однако известны случаи, когда некоторые сотрудники полиции привлечены к различным видам ответственности [14, с. 83]. Так, большое количество респондентов (84 %) считает, что граждане должны принимать активное участие в противодействии преступности.

Граждане далеки от проводимых реформ в системе МВД России. Им безразлично, милицией или полицией будут называть ведомство. Людям важно то, без чего невозможно эффективное взаимодействие между ними и правоохранителями — внимание полицейских всех уровней к нуждам и проблемам людей, охрана и защита от чиновничьего произвола, уважительное отношение к людям, помощь многодетным и неблагополучным семьям. Необходимо знать, что сотрудник полиции и в быту остается субъектом обеспечения безопасности.

Указанные обстоятельства находят свое подтверждение и в результатах проведенного нами исследования (табл. 5).

Таблица 5. Соотношение результатов опросов граждан о приоритетных задачах органов внутренних дел, %

(Table 5. The ratio of the results of surveys of Omsk citizens about priority tasks of law enforcement bodies, %)

Варианты ответов	2014 г.	2024 г.
Искоренить вымогательство и взяточничество	46	49
Добиться, чтобы полиция оперативно реагировала на обращения граждан	21	24
Добиться, чтобы сотрудники полиции уделяли одинаковое внимание проблемам всех граждан независимо от их пола, возраста, рода занятий, национальности и уровня благосостояния	16	17
Повысить уровень профессионализма полицейских	17	10

Таким образом, как и 10 лет назад [12], актуальной остается проблема оперативности в раскрытии и расследовании преступлений, граждане против «волоки-ты», необоснованных неоднократно повторяющихся следственных действий, особенно допросов потерпевших и свидетелей.

Повышение правовой активности гражданского населения нашей страны является важной задачей. Насколько люди поймут свою роль в процессе обеспечения криминологической безопасности, настолько активно они будут создавать новую систему безопасности. Высокий уровень криминологической безопасности — главный стимул для всех граждан нашей страны. Чем больше людей будут в этом участвовать, тем больший эффект будет достигнут. Государство как основной гарант безопасности своих граждан обязано проработать данные процессы посредством взаимодействия субъектов всех видов власти.

Выводы

1. Необходимо далее совершенствовать механизмы взаимодействия граждан с органами обеспечения правопорядка, поскольку здесь действует принцип — одно не может существовать без другого. Повышение

социальной и правовой активности наших граждан с одновременным стимулированием этой деятельности будет служить надежной основой для эффективного обеспечения криминологической безопасности.

2. В системе предупреждения преступности необходимо пересмотреть распределение сил и средств, с помощью которых должны осуществляться мероприятия по обеспечению криминологической безопасности. В системе органов внутренних дел важно скорректировать функции и разграничить должностные обязанности сотрудников, занимающихся предупреждением и профилактикой, и сотрудников, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений.

Это позволит сконцентрировать профессиональное внимание на проблемах, решение которых требует своевременности и результативности.

Область применения и перспективы. Результаты исследования направлены на совершенствование механизмов обеспечения криминологической безопасности, что позволит не только снизить масштабы преступности и минимизировать ее социальные последствия, но и привлечь наших граждан в качестве помощников правоохранительных органов Российской Федерации. Предполагается продолжить исследование по поиску комплексного подхода к совершенствованию механизмов обеспечения криминологической безопасности.

Список источников / References

1. Бабаев М. М., Плешаков В. А. Теоретические и прикладные проблемы обеспечения криминологической безопасности // Уголовная политика и прикладные проблемы безопасности государства : труды Академии управления МВД России. М., 1998. С. 25–32.
2. Босхолов С. С. Криминологическая безопасность как идейная основа теории и практики противодействия преступности // Baikal Research Journal. 2021. Т. 12, № 3. Doi 10.171.50/2411-6262.2021.12(3).30.
3. Клейменов М. П. Прогнозирование криминологической безопасности // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / под ред. А. И. Долговой. М., 2001. С. 41–45.
4. Бабаев М. М., Плешаков В. А. Криминологическая безопасность в системе национальной безопасности (опыт структурного анализа) // Криминологический журнал. 2005. № 7. С. 5–9.
5. Лебедев С. Я. Криминологическая безопасность в системе национальной безопасности России // Российский криминологический взгляд. 2006. № 3. С. 104–110.
6. Плешаков В. А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимодействия организованной преступности и преступности несовершеннолетних : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. 323 с.
7. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминологическая безопасность региона // Вестник Югорского государственного университета. 2019. № 3(54). С. 57–61.
8. Лапин А. А. Криминологическая безопасность в Стратегии национальной безопасности России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2015. № 1. С. 29–36.
9. Бидова Б. Б. Обеспечение криминологической безопасности России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 2(45). С. 51–55.
10. Атаманов Г. А. Методология безопасности // Фонд содействия научным исследованиям проблем безопасности «Наука — XXI». 2011. URL: <http://naukaxxi.ru/materials/302/> (дата обращения: 12.05.2025).
11. Тер-Акопов А. А. Безопасность человека: социальные и правовые основы. М., 2005. 272 с.
12. Бойко О. А., Жайворонок А. В., Теохаров А. К. Обеспечение криминологической безопасности личности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2. С. 54–58.
13. Больнов О. Ф. Философия экзистенциализма. СПб., 1999. 222 с.
14. Алиуллов Р. Р. О некоторых аспектах обеспечения личной и общественной безопасности полицией // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 4(10). С. 80–84.

Поступила 20.05.2025; одобрена после рецензирования 15.07.2025; принята к публикации 30.08.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Требования к представляемым материалам

1. Общие правила. Принимаются статьи, отражающие результаты самостоятельных и завершенных исследований. Описания пилотажных исследований, отчетов, не имеющих научных выводов, дублирование ранее опубликованных работ в качестве отдельной статьи к рассмотрению не принимаются. Материалы статьи не должны содержать некорректных заимствований.

Автор рукописи гарантирует, что не нарушает законодательство Российской Федерации, включая нормы об охране авторского права, принимает на себя ответственность за точность и информативность излагаемых сведений.

2. Авторы представляют в редакцию:

— статью, оформленную в соответствии с требованиями (название статьи до 14 слов). Название должно быть информативным, лаконичным, соответствовать научному стилю текста, содержать основные ключевые слова, характеризующие тему (предмет) исследования и содержание работы. Заглавие должно легко восприниматься читателями и поисковыми системами;

— индекс УДК, соответствующий теме статьи, шифр научной специальности;

— сведения об авторе (Ф. И. О. (полностью), ученые степень и звание, должность), ORCID, адрес электронной почты;

— полное название организации, с указанием формы собственности, ведомственной принадлежности каждого из авторов, адрес с почтовым индексом. Необходимо придерживаться унифицированного названия организации, как правило, зафиксированного в уставе организации;

— аннотацию (abstract). Она должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной в соответствии с логикой изложения материала, компактной (от 100 до 250 слов);

— ключевые слова (key words) (6–8 речевых единиц) из текста статьи;

— основные положения.

3. Требования к представляемым материалам:

— статьи принимаются в формате doc, docx, rtf. Шрифт — Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал 1,5;

— объем рукописи — до 30 тыс. знаков, включая рисунки и таблицы, больший объем допускается в индивидуальном порядке, по решению редакции. Текст тщательно вычитывается и подписывается авторами;

— иллюстративный материал должен быть ориентирован на черно-белую печать. Формат графических файлов для растровой графики — TIFF или JPEG, разрешение — 300 dpi (пиксели на дюйм). Графики, схемы, диаграммы и т. д. должны быть сделаны в векторных программах (не в Word) и сохранены в формате EPS или AI;

— сокращения и символы, единицы измерения должны соответствовать принятым стандартам (в системе СИ и ГОСТ 7.0.12-2011);

— в списке литературы авторы упоминаются в порядке цитирования, в него следует включать и произведения зарубежных авторов, а также источники, входящие в международные научные базы. Число источников должно быть достаточным для оптимального раскрытия темы статьи. Все ссылки на литературные источники в тексте статьи печатаются арабскими цифрами в квадратных скобках, например: [5, с. 6]. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой, например: [10, с. 9; 12, с. 50] (ГОСТ Р 7.0.5-2008). При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования;

— источники без указания автора материала, нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.), пояснения, замечания, которые не будут проиндексированы в базах данных цитирования, указываются в сносках внизу страницы и в список литературы не выносятся;

— самоцитирование автора допускается, но не более 20% от количества источников в списке.

Журнал является рецензируемым. Все статьи рецензируются, независимо от ученых званий и степеней авторов. Рецензирование осуществляют специалисты по тематике рецензируемых материалов, которые имеют в течение последних трех лет публикации в указанной сфере.

Рукописи принимаются к рассмотрению по электронной почте в режиме online. E-mail редакции: karavaevmvd@mail.ru. Авторы могут присылать рукописи по адресу: 644092, г. Омск, пр. Комарова, 7. Омская академия МВД России, журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах» (с пометкой «Караваяев А. Ф.»), тел.: +7 (913) 971-80-28.

Электронные архивы выпусков журнала находятся в открытом доступе на сайте журнала <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru> и на сайтах научных электронных библиотек по адресу: <https://www.elibrary.ru>; <https://www.cyberleninka.ru>. Номера размещаются в РИНЦ (Science Index), на международной платформе публикаций **Readera** по адресу: <https://readera.org/pp-omamvd>

С подробными требованиями к оформлению статьи можно также ознакомиться в разделе «Информация для авторов» на сайте журнала. Публикации в журнале бесплатные.

Редакция приглашает Вас к сотрудничеству!